

2.2408.

СУДЪ
ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТЪ.

СУДЪ ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТЪ,

РОМАНЪ

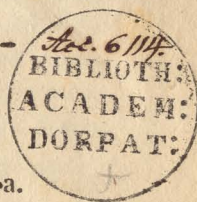
ИЗЪ ИСТОРИИ

ЭСТЛЯНДИИ XVI СТОЛѢТІЯ.

ЧАСТЬ I.

сочиненіе,

Барона Феодора Корфа.

Изданіе книгопродавца Якова Ильина и К^о.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гутенберговой типографіи.

—
1841.

Ent.

ГВД Рааматукоръ

3707

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 6 Февраля 1840 года.

Ценсоръ А. Фрейгапгъ.

I.

ВСАДНИКИ.

Was sonst der Ordens-Herren, Duhmherren und des Adels tägliche Arbeit anbelanget, so war selbige zu dieser Zeit nichts anders, als Jagen, Doppeln, Spielen.

Russov.

Въ XVI столѣтіи Эстляндіа находилась подъ владычествомъ Лифляндскихъ рыцарей. Магистръ ордена имѣлъ свое мѣсто-пребываніе въ Венденѣ. Что же касается до Эстляндіи, то она была подъ управленіемъ командора, зависѣвшаго отъ магистра.

Часть I.

ра, какъ отъ главнаго повелителя края. Командоры (Comthure, Comendatores) жили въ Ревель, въ замкѣ, построенномъ на Вышгородѣ (Dom). Въ 1533 году магистръ ордена Вѳтеръ фонъ Плеттенбергъ, съ согласія гогмейстера, не только назначилъ себя преемника, но даже передалъ ему при жизни своей управленіе подвластной ему Ливоніей¹⁾. Германъ фонъ Брюггеней, бывшій ландмаршалъ Плеттенберга, наслѣдовалъ ему, такимъ образомъ, при жизни его. Лѣтописи и хроники Руссова, Кельха, Аренда, Гіерне и другихъ единогласно воздаютъ большія похвалы Волтеру фонъ Плеттенбергу. Дѣйствительно, правленіе сего магистра ознаменовано, кромѣ многихъ, довольно впрочемъ безплодныхъ, побѣдъ надъ Русскими, благоразумными распоряженіями, имѣвшими цѣлю искорененіе множества злоупотребленій. Къ чи-

слу таковыхъ предусмотрительныхъ мѣръ принадлежитъ изданное имъ постановленіе, объ ограниченіи власти дворянъ надъ подвластными имъ людьми. Въ прежнія времена, рыцарь-помѣщикъ, даже въ дѣлахъ уголовныхъ, имѣлъ право судить и казнить крестьянъ своихъ. Вѳтеръ фонъ Плеттенбергъ ограничилъ это право тѣмъ, что помѣщикъ обязанъ былъ, въ такомъ случаѣ, призывать для суда и произнесенія приговора еще двухъ дворянъ. Хотя это ограниченіе и не весьма важно, но не менѣе того, какъ первый шагъ къ охраненію частной безопасности слабыхъ крестьянъ, отъ деспотическаго самоуправства необразованныхъ рыцарей, оно заслуживаетъ вниманія и показываетъ въ Плеттенбергѣ человѣка здравомыслящаго и твердаго, дерзнувшаго посягнуть на права цѣлаго сословія рыцарей. Умный магистръ старался также

изгнать вкрадывавшуюся роскошь, но благое намѣреніе его, не смотря на часто повторяемыя о томъ приказанія, не имѣло успѣха. Роскошь повела за собою развратъ, и въ XVI столѣтіи не только рыцари-дворяне ²⁾, но даже и братія ордена, предавались всѣмъ возможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Ни строгіе уставы ордена, ни голосъ магистра не могли удержать разврата. Рыцари ордена, связанные узами духовными, забывали свои священныя обѣты и проводили время за кубками, пѣнящимися виномъ и пивомъ, въ обществѣ любовницъ, мѣнявшихся такъ же часто, какъ сосуды съ напитками. Впрочемъ, должно сказать, что командоры, фогты и другія правительственныя лица подавали первый примѣръ неумѣренности. Они роскошничали болѣе всѣхъ другихъ, имѣя на то болѣе средствъ; одѣвались пышно, бросали деньги горстями,

держали множество наложницъ и даже не очень старались скрывать это, потому что оно принадлежало къ тому тогдашняго времени, и самые скромные, двусмысленнымъ молчаніемъ давали уразумѣть, что и они не отстаютъ отъ другихъ.

Это небольшое вступленіе было необходимо, дабы ознакомить хотя нѣсколько читателя съ духомъ времени, къ которому относится наше повѣствованіе.

Была осень. Солнце садилось. Гигантскія тѣни башенъ ревелскихъ и полуобнаженныхъ деревьевъ длиннѣе и длиннѣе вытягивались по землѣ, пока онѣ наконецъ слились съ общимъ сумракомъ, обывшимъ окружающую ихъ природу. Свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ обрывалъ уцѣлѣвшія еще на деревьяхъ желтыя листья. Небо было чисто и на темносинемъ

его сводѣ начинали блистать ночныя свѣтила, какъ алмазы на бархатѣ. Въ эту пору, по дорогѣ, ведущей изъ Ревеля въ Гапсаль, ѣхали верхомъ три рыцаря. Нѣсколько поодаль за ними слѣдовали ихъ конюхи и два Эстонца, ведшіе на сворахъ гончихъ и борзыхъ собакъ. Охота по видимому была не очень успѣшна, потому что, по строгомъ изысканіи, оказывались всего два зайца, привязанные къ сѣдлу одного изъ конюховъ. Рыцари, усталые вѣроятно отъ подвиговъ на охотѣ, ѣхали или молча, или обмѣнивая другъ съ другомъ нѣсколько отрывистыхъ фразъ, клонившихся къ одобренію или оужденію погоды. Одинъ восхищался ясностію неба, другой жаловался на то, что вѣтеръ продуваетъ его храбрія рыцарскія кости. Въ такомъ созерцательномъ положеніи ѣхали они болѣе часа, какъ наконецъ зябкій рыцарь, будучи вѣроятно словоо-

хотнѣе и нетерпѣливѣе другихъ, обратился къ своимъ товарищамъ съ замѣчаніемъ, что уже очень поздно.

—Чортъ побери, прибавилъ онъ,—мнѣ кажется, Іоганнь, что твой Ризенбергъ какъ нарочно отодвинулся сегодня на цѣлый лишній часъ ѣзды.

Рыцарь, къ которому относился сей возгласъ, поправилъ правою рукою густые и длинные усы и, посмотрѣвъ съ насмѣшливой улыбкой на нетерпѣливаго товарища, сказалъ:

—И такъ, благородный рыцарь меча, храбрый сподвижникъ на полѣ брани, неистовый, неумолимый каратель враговъ ордена, изволилъ устать отъ двухчасовой ѣзды шагомъ?

—Ты, Іоганнь, всегда одинъ и тотъ же, вѣчный насмѣшникъ! — Война, — дѣло другое, тамъ знаешь изъ чего бьешься...

—Изъ хорошей добычи, пробормотала сквозь зубы третій спутникъ.

Но храбрый рыцарь не слыхаль, въ жару ораторства своего, этого замѣчанія и продолжалъ:

—Тамъ проливаешь кровь враговъ; тамъ честь; тамъ слава; а здѣсь что?— Гоняться за зайцами цѣлыхъ четыре часа и привести домой только двухъ несчастныхъ,—это просто изъ рукъ вонъ. Провались сквозь землю проклятая охота ближе ста верстъ отъ Ревеля. Еще, добро бы, довхали мы хоть до Бригитова монастыря, такъ можно бы перемигнуть ся съ какойнибудь прекрасной затворницей. . . .

—Полно, прервалъ его тотъ изъ рыцарей, котораго онъ называлъ Юганномъ,—что болтать вздоръ, расскажи-ка намъ лучше, что говорить на Вышгородъ объ новомъ магистрѣ? Когда видѣлъ ты командора?

—На всѣ эти вопросы буду я отвѣчать не прежде, какъ когда мы прїедемъ въ Ризенбергъ и я согрѣю себѣ желудокъ доброй кружкой пива и наполню пустоту его плотнымъ ужиномъ. Клянусь шпорами моими, еслибъ лошадь моя не была такъ измучена и мнѣ бы не нужно было беречь ея силы на завтра, я бы сейчасъ пустился во весь духъ, въ твой заколдованный Ризенбергъ.

—Недалеко, братъ, ускачешь; не вертись такъ проворно на сѣдлѣ, отъ этого толку не будетъ, а только разотрешь спину твоему жеребцу, такъ завтра хоть пшникомъ иди въ городъ. Я тебѣ совѣтую, чтобы сократить время ѣзды, рассказать намъ городскія новости.

—Ни за что въ свѣтъ! у меня языкъ присохъ къ гортани. А лучше, Юганнъ, послалъ бы ты одного изъ этихъ долговолосыхъ чудовищъ впередъ въ Ри-

зенбергъ. Пусть онъ скажетъ, что мы приближаемся и чтобы насъ встрѣтили какъ слѣдуетъ. Ты понимаешь какъ?

—Еще бы не понять! Ты намъ уши прожужжалъ твоимъ голодомъ и холодомъ. Эй! *куле*, (послушай) Густавъ!

Сухощавый Эстонецъ съ длинными но рѣдкими, распущенными по плечамъ волосами, въ сѣромъ, короткополомъ кафтанѣ полуоткрытомъ на груди, подъѣхалъ къ своему господину, представляя изъ своего лица вопросительный знакъ.

—Густавъ, сказалъ рыцарь, ступай впередъ доброй рысью, а коли лошадь побѣжитъ, такъ и галопомъ, и скажи старой Маргаритѣ, чтобы она торопилась страдать ужинъ, что мы голодны.

—Чтобы она не забыла сжарить двѣ, три селедки, прибавилъ проголодавшійся рыцарь,—я ихъ очень люблю.

Эстонецъ низко поклонился и, ударивъ

длиннымъ хлыстомъ измученную лошадь, убѣдилъ ее пуститься довольно крупной рысью.

Когда онъ удалился, рыцарь Иоганнъ прервалъ воцарившееся молчаніе.

—Не слыхалъ ли ты, высокостепенный Германъ фонъ Бергшильдъ, чегонибудь о Буксгевденѣ³⁾?

—Объ епископѣ? спросилъ его озябшій рыцарь, къ которому относился вопросъ.

—Разумѣется объ епископѣ, Рейнгольдъ фонъ Буксгевденѣ.

—Новаго ничего, все старое: онъ попрежнему сидитъ въ Аренсбургѣ и оттуда дѣйствуетъ противъ коадьютора; да гдѣ ему! Что мы разъ положили, того ему не переменить.

—Ну, Богъ знаетъ, Германъ, не говори. Кoadьюторъ Вильгельмъ фонъ Бранденбургъ что-то плохо дѣйствуетъ; рыца-

ри не совѣмъ довольны имъ. Какъ бы Буксгевденъ не поставилъ на своемъ.

— Помилуй, Иоганнъ, да это будетъ просто наказаніе. Буксгевденъ преслѣдуетъ благодѣтельную реформацію Лютера.

— Мнѣ въ самомъ дѣлѣ очень жаль что Вѳтеръ фонъ Плеттенбергъ, во время правленія своего, не кончилъ этого дѣла; онъ вѣрно рѣшилъ бы его въ нашу пользу и Буксгевденъ сидѣлъ бы себѣ недолго въ своемъ Аренсбургѣ: Плеттенбергъ скоро пугнулъ бы его оттуда. Какъ ты думаешь, Тарсбахъ?

Тарсбахъ, хранившій до сего времени молчаніе, какъ бы пробудился отъ сна, слыша, что Иоганнъ произнесъ его имя.

— Что ты спрашиваешь, Иксуль? сказалъ онъ, поднявъ на Иоганна свои черные глаза изъ-подъ густыхъ бровей. Иоганнъ фонъ Иксуль повторилъ свой вопросъ.

— Я согласенъ съ тобою, отвѣчалъ Тарс-

бахъ, и снова впалъ въ прежнее молчаніе.

— О чемъ жалѣть, прервалъ Бергшильдъ, магистръ Германъ фонъ Брюггеней не хуже Плеттенберга справится съ епископомъ. Вѳтеръ, не тѣмъ будь помянутъ, былъ уже очень старъ и...

— Не договаривай, Германъ, съ жаромъ произнесъ Иксуль, — я не позволю тебѣ ни малѣйшей шутки противъ почтеннаго Плеттенберга. Память его должна быть священна для всѣхъ насъ, и если Богу угодно будетъ кончить жизнь его, то вѣрно не одна слеза упадетъ на его могилу.

— Говори, что хочешь, Иксуль, а я останусь при своемъ, что Брюггеней вѣрно будетъ не хуже...

— Да кто же говоритъ тебѣ это, вѣтренная голова? ты всегда радуешься всему новому, какъ будто ждешь какихъ

нибудь чудесь отъ будущаго, а я, при-
знаюсь, не довѣряя ему много, жалѣю
о томъ, что было хорошо, и что про-
шло.

—Das ist zu gelehrt! Этого я и сытый
не скоро пойму, а голодному и ни за что
въ умъ не пойдетъ такая мудрость. Да
что это, въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы какіе
нибудь ратсгеры, что у насъ то и рѣчь
что о дѣлахъ! Богъ съ ними! Пропадай
Буксгевденъ, попадай Бранденбургъ,
лишь бы не было постовъ! Сдѣлай ми-
лость, Иоганнъ, сдѣлайте милость, высоко-
родный господинъ рыцарь, пощадите ме-
ня, избавьте отъ премудрыхъ разгово-
ровъ,—у меня отъ нихъ голова трещить.

—Тебѣ бы, Германъ, все объ пустя-
кахъ говорить, не правда ли?

—А хоть бы и такъ; веселый пустякъ
гораздо лучше скучнаго дѣла.

—*Amen*, произнесъ Искуль, такая

прекрасная аксіома непременно требуетъ
латинской печати.

—Да кстати, Иоганнъ, запечаталъ ты,
нашъ разговоръ, потому что, если глаза
мои служатъ мнѣ еще вѣрно, я вижу ба-
шни Ризенберга.

Дѣйствительно, невдалекѣ отъ вду-
щихъ рыцарей чернѣлись невысокія ба-
шни замка Ризенберга.

—Радуйся, Германъ, сказала Искуль:
ты точно видишь берегъ.

Нетерпѣливый Бергшильдъ приши-
рилъ коня и въ нѣсколько секундъ стоялъ
уже у запертыхъ воротъ замка. Не имѣя
при себѣ рога, онъ принялся изо всей си-
лы стучать придѣланнымъ къ воротамъ
молоткомъ въ желѣзную бляху. На шумъ
выбѣжали люди. Когда ворота были от-
перты, то подоспѣвшіе Искуль и Тарс-
бахъ вѣхали вмѣстѣ съ Бергшильдомъ
на дворъ замка. У подъѣзда соскочили

они съ лошадей и покуда Искуль отдавалъ приказанія конюху, Бергшильдъ уже пробрался въ столовую; но къ великому сожалѣнiю, не нашель въ ней ничего, надъ чѣмъ бы можно было потѣшить аппетитъ.

—Грета, Грета! ревѣль онъ во всю мочь, Густавъ! разбойники!

Такъ какъ никто не являлся на его крикъ, то онъ счелъ лучшимъ отправиться въ кухню собственной своей особой.

Во время его отсутствiя, Густавъ накрыль столъ, а черезъ нѣсколько минутъ явились и блюда съ кушаньемъ подъ предводительствомъ храбраго рыцаря Германа фонъ Бергшильда.

II.

УЖИНЪ.

Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ.

Жуковский.

Зала, въ которой былъ накрытъ ужинъ для рыцарей, находилась въ нижнемъ этажѣ замка. Она была довольно пространна, но невысока. Сводчатый потолокъ тяжело висѣль надъ нею. Чрезвычайно толстыя каменные стѣпы дѣлали, что при каждомъ окнѣ образовался родъ отдельной комнатки или кельи. Окна оканчивались къ верху остроконечными

дугами, а въ пестрыя стекла ихъ глядѣли снаружи сухія вѣтви дикихъ каштановъ и липъ, кой-гдѣ опушенныя пожелтѣвшими листьями. На стѣнахъ, выкрашенныхъ сѣрватою краскою, висѣли четыре портрета, изображавшіе родителей и дѣдовъ Искуля. Живопись портретовъ не могла похвалиться изящностію, но за то дубовыя рамы ихъ, украшенныя въ верху гербами, могли бы и теперь красоваться въ любой гостиной своей отличной рѣзной работой. Вообще, комната имѣла видъ мрачный, свойственный строеніямъ среднихъ вѣковъ.

При всемъ желаніи щегольнуть предъ читателями роскошью ужина, предложеннаго рыцарямъ, мы должны, согласно съ истиною, признать что кухня того времени не могла бы удовлетворить не только строгимъ требованіямъ нынѣшнихъ гастрономовъ, но врядъ ли прельстила бы сама-

го снисходительнаго, неразборчиваго изъ нашихъ современниковъ, безъ помощи сильнаго голода. На столѣ не было ни соусовъ съ трюфлями, ни паштетовъ, ни даже *окровавленнаго ростбифа*. Вся роскошь ужина заключалась въ баранинѣ и приготовленной съ шафраномъ, пшеномъ и изюмомъ; въ копченой рыбѣ, жареныхъ селедкахъ и колбасъ съ рисомъ, миндалемъ и коринкой. Не смотря на эту незавидную скудость, рыцари, не ѣдавшіе ничего лучшаго, находили все прекраснымъ. Бергшильдъ утверждалъ, что невозможно вообразить ничего лучшаго, и что Маргарита заслуживала бы пары поцѣлуевъ на обѣ щеки за прекрасный соусъ къ баранинѣ, еслибъ не была такъ стара и безобразна.

Воспользуемся временемъ, когда благородные рыцари будутъ утолять свой голодъ чтобы рассмотреть ихъ наружность

которую намъ невозможно было разглядѣть при первомъ знакомствѣ съ ними, подѣ открытымъ небомъ, при слабомъ мерцаніи звѣздъ. По порядку, начнемъ съ хозяина.

Иоганнъ фонъ Иксуль, ведущій родъ свой отъ самой древней дворянской фамиліи Эстляндін⁴), былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати или немного побольше. Онъ былъ высокаго роста. Открытое лицо его было осынено лѣсомъ кудрявыхъ, темнорусыхъ локоновъ. Большіе глаза его выражали твердость воли и благородство души. Вышитый золотомъ, широкій воротникъ рубашки, вырѣзанный городками, лежалъ вокругъ шеи по широкимъ, могучимъ плечамъ. Полукафтанъ темнаго цвѣта было стянуто широкимъ кожанымъ поясомъ съ серебряными бляхами; узкіе лосиные панталоны рисовали краснѣйшія формы его ногъ, а

сапоги съ широкими раструбами, подбитыми желтой матеріей, были украшены большими стальными шпорами, оканчивавшимися колесами, съ длинными острыми шпичами. Тарсбахъ, одѣтый такъ же, какъ и Иксуль, но еще проще его, былъ выше его ростомъ. Волосы на головѣ и на усахъ были черны какъ смоль; длинный орлиный носъ его перегибался черезъ верхнюю губу; нахмуренныя брови и взглядъ изъ подлобья показывали или врожденную скрытность характера, или временную задумчивость.—Бергшильдъ составлялъ разительную противоположность съ своими товарищами. Онъ былъ очень малъ ростомъ и толстѣ; короткія ноги его были въ безпрестанномъ движеніи и, сидя за столомъ, не имѣя въ своемъ расположеніи большаго пространства, онъ долженъ былъ довольствоваться мѣрнымъ качаніемъ правой

ноги, положенной на лѣвую. Полукафтаны его, ярко-краснаго цвѣта, украшенное по мѣстамъ лентами, изобличало въ немъ щеголя. Оно едва сходило съ животъ и угрожало ежеминутно уступить могуществу расширяющагося желудка. воротникъ рубашки его, по причинѣ короткости шеи и жирныхъ плечъ, торчалъ къверху, такъ что красное и пухлое лицо рыцаря похоже было на піонъ, полувывавшійся изъ почки. Маленькіе глаза рыцаря не имѣли лукаваго выраженія, свойственнаго обыкновенно глазамъ такого устройства, и, казалась, наслаждались всѣмъ окружавшимъ ихъ; а вѣчная улыбка самодовольствія на устахъ, придавала лицу его какую-го медовую сладость, странно противорѣчащую его воинственному, рыцарскому костюму. Во всемъ нарядѣ Бергшильда видна была претензія на красоту и желаніе нравиться. Онъ ни-

когда не снималъ своихъ золотыхъ шпоръ; раструбы сапоговъ его были подбиты бархатомъ, а полукафтаны, шелковое или бархатное, украшалось бантами, изъ коихъ каждый велъ свое начало съ платья прекрасной грѣшницы, прельстившейся ловкостію и любезностію краснаго рыцаря. Все это, разумѣется, говорилъ самъ Бергшильдъ, а банты, какъ лишенные дара слова, не могли противорѣчить ему.

Рыцари усердно уписывали предложенный имъ ужинъ, и Бергшильдъ не могъ нахвалиться искусству Маргариты; каждый кусокъ сопровождалъ онъ восклицаніями: Ай-да Гретхень, ей хоть бы для самага магистра стряпать кушанье! Мастерница! Славно, славно! Клянусь мечомъ моимъ, нельзя вообразить лучшаго соуса! какой изюмъ! прелесть! А селедка, объѣдене! Большія кружки пива дѣлали частыя путешествія отъ стола къ губамъ

собесѣдниковъ, и Бергшильдъ, безпрестанно возбуждавшій жажду жареного селед- кой, скоро началъ дремать. Еще одна кружка пива и онъ прислонился къ вы- сокой спинкѣ кресель; голова его накла- нилась на правое плечо, а руки, сложен- ния на животъ, распались и улеглись на стеганныхъ ручкахъ кресла; протяжное храпѣніе его извѣстило Искуля и Тарс- баха, что храбрый рыцарь Германъ фонъ Бергшильдъ отправился на поклоненіе Морфею.

Тарсбахъ, искоса поглядѣвъ на спяща- го, проворчалъ сквозь зубы: «наконецъ замолчалъ, несносный болтунъ. Какъ онъ надѣдается своимъ пустословіемъ!»

—Да признаюсь Тарсбахъ, отвѣчалъ Искуль:—его смѣшно послушать съ пол- часа, но долѣе не выдержишь; такая одо- лѣеть скука, что не дай Богъ! Хорошо, что мы отдѣлались отъ него; поговоримъ

о твоихъ дѣлахъ. Ты хочешь жениться? — доброе дѣло; но скажи, на комъ же?

—На самой прелестной дѣвушкѣ всего Ревеля. Вообрази, Іоганнъ, стань, строй- ный какъ лилія; голубые глаза какъ небо; румянецъ какъ роза; русые кудри какъ тончайшій шелкъ—и ты будешь имѣть слабую идею о той несравненной, кото- рой я подарилъ сердце!

—Я не думаю, Тарсбахъ, чтобы соче- таніе неба, розъ и лилій могло дать мнѣ слабую идею о красотѣ твоей возлюб- ленной; у меня воображеніе живое, и я, даже изъ худшихъ матеріаловъ, могу пред- ставить себѣ очень, очень красивую дѣ- вушку. Но все это не есть отвѣтъ на мой вопросъ. Я спрашиваю тебя, кто, она? я желаю знать имя красавицы, оковавшей цѣплями любви, моего добраго Тарсбаха.

—Что до ея имени Іоганнъ? не все ли равно кто она, я ее люблю—и это главное.

—Конечно, и я не запрещаю тебѣ любить ее, но прошу сказать мнѣ кто она, чтобы я могъ тоже любить будущую подругу моего друга, и не былъ бы обязанъ обожать какое-то, не только незримое, но даже и безыменное существо.

—О! она прелестна, Иоганнъ, и какъ люблю я ее, и какъ она меня любитъ!

Разговоръ въ этомъ мѣстѣ былъ прерванъ стукомъ у воротъ. Иксуль, боясь, чтобы кто нибудь не потревожилъ своимъ присутствіемъ ихъ дружеской бесѣды, позвалъ слугу и велѣлъ ему сказать позднему гостю, что благородные рыцари, уставъ отъ охоты, легли уже почивать. Слуга вышелъ.

—Кто бы это могъ быть такъ поздно? сказала Иксуль. Вѣдь ужъ восемь часовъ.

Между тѣмъ у воротъ замка пріѣзжій

обмѣнивался крупными словами съ людьми Иксуля.

—Дайте хоть переночевать, кричалъ онъ, — вѣдь мнѣ не ѣхать же не кормя обратно въ городъ.

—Ступай куда хочешь, отвѣчалъ Густавъ, — у насъ въ замкѣ только и есть мѣсто что для благородныхъ рыцарей; гдѣ намъ пускать всякую дрянь.

—Чтобы чортъ побралъ твою душу, безмозглая собака, ревелъ густымъ басомъ пріѣзжій.

—Хорошо, хорошо, ворчи что хочешь, а въ замокъ не пустимъ; да не кричи, господь разбудишь. Энергическія проклятія, которыхъ не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь сыпались снаружи и изнутри замка, пока наконецъ шумъ утихъ и послышался стукъ копытъ удалявшейся лошади путешественника.

—Кто тамъ такъ шумѣлъ? спросилъ Иксуль входящаго Густава.

—А Богъ его знаетъ, кто онъ такой, отвѣчалъ флегматически Густавъ, по одеждѣ видно, что не благородный; купецъ что ли какой.

—Да развѣ онъ не сказалъ своего имени?

—Сказалъ: Шредеръ, что-ли.

—Шредеръ, Шредеръ? произнесли въ одинъ голосъ Иксуль и Тарсбахъ.

—Да, кажется что такъ, отвѣчалъ Густавъ.

—Какая досада! закричалъ Иксуль, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что кружки задрожали и спящій Бергшильдъ вздрогнулъ на своемъ креслѣ.—Нельзя ли воротить его, Густавъ?

—Куда, благородный рыцарь! онъ съ сердцовъ такъ скоро поѣхалъ, что его никакъ не догонишь.

—Какая досада! повторилъ Иксуль.

Тарсбахъ, пораженный въ первую минуту именемъ Шредера, скоро оправился отъ этого впечатлѣнія и довольно равнодушно спросилъ Иксуля, отчего онъ такъ сокрушается.

—Предосадно, Тарсбахъ; у меня есть съ нимъ денежные дѣла: третьягодня видѣлся я съ нимъ въ городѣ и онъ обѣщалъ побывать въ Ризенбергѣ, когда кончитъ ихъ, т. е. достанетъ для меня денегъ. Да кто же могъ знать, что онъ именно сегодня явится и къ тому же такъ поздно? Провались сквозь землю эта проклятая охота!

—Въ такомъ случаѣ очень жаль, отвѣчалъ Тарсбахъ: что его такъ невѣжливо выпроводили отсюда.

—Какъ же не жаль! Онъ обидчивъ и теперъ никакъ не согласится сдержать обѣщанное. Ты его, можетъ быть, не

знаешь, Тарсбахъ, онъ хуже всякаго жиды.

—Я его очень мало знаю, разсѣянно отвѣчалъ Тарсбахъ.

—Густавъ, Густавъ, крикнулъ Иксуль, что говорилъ тебѣ Шредеръ?

—Онъ говорилъ, сударь, что будетъ жаловаться на васъ командору, что люди ваши грубѣльны. Да вѣдь мы знаемъ, что это за жалобы!

—Жаловаться командору за то, что люди благороднаго рыцаря вытолкали изъ замка поганнаго *бюргера*! вскричалъ Иксуль съ жаромъ; пусть жалуется, командоръ научитъ его, что значить рыцарь, что значить имѣть дѣло съ высокороднымъ фонъ Иксулемъ.

—Я такъ и думалъ, отвѣчалъ Густавъ.

—Не твое дѣло думать, болванъ, сказала Иксуль:—убирайся вонъ. Напорти-ли вы мнѣ сегодня довольно, безмозглые.

—Вы изволили приказы....

—Убирайся вонъ и молчи.

Густавъ низко поклонился и вышелъ, почесывая спину.

—Надобно же случиться такому несчастію, продолжалъ Иксуль, теперь я безъ денегъ и буду еще въ добавокъ имѣть на шеѣ этого неугомоннаго Шредера. Конечно, онъ не можетъ сдѣлать мнѣ ничего, но хлопоты, хлопоты, смерть моя. Надобно будетъ ѣхать завтра къ командору, предупредить его и сказать какъ было дѣло. Чего добраго, онъ не знаетъ еще новаго магистра и можетъ быть потрусить выгнать Шредера съ его жалобой, какъ то дѣлалось при Плеттенбергѣ.

—Не лучше ли тебѣ, Иксуль, объясниться съ Шредеромъ, возразилъ Тарсбахъ, можетъ быть онъ согласится забыть обиду; вѣдь объ ней никто не знаетъ. Эта трещотка, прибавилъ онъ, ука-

зывает на Бергшильда, спитъ крѣпкимъ сномъ . . .

—Нѣтъ, Тарсбахъ, ни за что не соглашусь входить въ объясненія съ Шредеромъ: это значило бы, такъ сказать, просить у него прощенья, а я никакъ не рѣшусь на такой постыдный поступокъ Рыцарю просить извиненія у бюргера! Нѣтъ, Тарсбахъ, никогда не запятнаю я герба моего такимъ унижительнымъ поступкомъ. Хорошо однако, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ болтунишка спитъ;—онъ бы отъ трусости своей надѣлалъ намъ хлопотъ. Проклятое проишествіе!

—Впрочемъ, Искуль, если ты думаешь, и можетъ быть не безъ основанія, что командоръ не обратитъ вниманія на жалобу Шредера, то объ чемъ же и говорить?

—Я бы не усумнился въ этомъ при жизни Плеттенберга, а теперь Богъ зна-

еть! Эти проклятые горожане съ нѣкоторыхъ поръ такъ много о себѣ думаютъ!

—Ну, какая же случилась бы бѣда, еслибъ командоръ дѣйствительно взялъ сторону Шредера? Вѣдь ты не приказывалъ выгонять его, ты даже не зналъ, что это онъ стучался къ тебѣ. Командоръ велитъ наказатъ примѣрно твоего грубаго слугу—и конецъ.

—Наказатъ моего Густава! громко произнесъ Искуль, нахмуривъ брови и стиснувъ кулакомъ серебряную ручку кружки, нѣтъ Тарсбахъ, этому не бывать! Янепозволю изъ-заэтого аршинника Шредера тронуть не только кого нибудь изъ моихъ слугъ, но даже моей дворовой собаки. А Густава, ни за-что! Онъ человекъ преданный мнѣ тѣломъ и душою; такихъ людей, какъ Густавъ, днемъ со свѣчю не отыщешь.

—Если такъ, продолжалъ Тарсбахъ,

поправляя усы, то я не совѣтую тебѣ даже ѣхать къ командору, а лучше оставить дѣло идти своимъ ходомъ. Кто знаетъ, что будетъ? А тамъ посмотришь: Kommt Zeit, kommt Rath, говоритъ пословица, и говорить правду. Что задумывать какъ и что будетъ?

—Твоя правда, Тарсбахъ, пусть въ самомъ дѣлѣ Шредеръ дѣлаетъ что ему угодно; пусть командоръ прикажетъ назначать Густава: онъ прикажетъ,—а я могу не исполнить. Пора намъ вспомнить старое время, когда рыцарь былъ существо неприкосновенное для низкорожденныхъ купцовъ и горожанъ.

—А все мы сами виноваты, отвѣчалъ Тарсбахъ, за чѣмъ озлобляемъ мы ихъ неумѣстными требованіями? Рыцари начали падать въ общемъ мнѣніи съ тѣхъ поръ какъ вздумали браться не за свое дѣло.

—Что разумѣешь ты подъ упадкомъ

въ общемъ мнѣніи? Я надѣюсь, Тарсбахъ, что теперь какъ и прежде нѣтъ ничего почетнѣе, важнѣе благороднаго рыцаря.

—Не спорю объ этомъ, Иксуль, но согласишься, что, сохраняя полное достоинство нашего званія, мы не должны были вмѣшиваться въ купеческія дѣла, мы не должны были требовать права торговли въ городѣ⁵).

—Я всегда говорилъ, что это гадость, отвѣчалъ Иксуль: срамъ и поношеніе для гербовъ нашихъ. Вся мерзость этого дѣла лежитъ на нѣсколькихъ гольшахъ, проигравшихъ въ карты прадѣдовскіе замки свои. Все это надѣлали презрительныя твари, подобныя этому спящему борову. Последнія слова Иксуль произнесъ въ полголоса.

—Ну, пристало ли рыцарю вести купеческія дѣла? да изъ насъ сдѣлають лавочниковъ. Срамъ, срамъ, вѣчный срамъ!

Сказавъ эти слова, Искуль всталъ съ кресла и началъ широкими шагами прехаживаться по комнатѣ.

Не знаю, стукъ ли его шпоръ или иное что заставило Бергшильда воспрянуть отъ сна. Онъ зѣвнулъ громогласно, протеръ руками глаза и, приподымая голову, спросилъ хозяина не пора ли спать?

— По мнѣ, пожалуй, ступай, сухо отвѣчалъ Искуль.

— Хорошо, Иоганнъ, отвѣчалъ Бергшильдъ: но не лечь же намъ съ пересохшимъ горломъ; велика подать меду. Наши сегодняшніе подвиги на охотъ, кажется, заслуживаютъ въ награду по кружкѣ шипучаго меду на брата. Искуль, не отвѣчая ни слова, приказалъ слугѣ напѣнить кружки медомъ.

— Что вы такъ стали невеселы, высокородный рыцарь? спросилъ съ притворною улыбкой Бергшильдъ.

— Къ кому относится этотъ вопросъ? спросилъ Искуль.

— Да, пожалуй, хоть къ вамъ обоимъ, отвѣчалъ Бергшильдъ.

— Устали и больше ничего.

Кружки съ медомъ были скоро опорожнены, и рыцари, пожелавъ другъ другу доброй ночи, разошлись въ разныя комнаты.

Искуль, пожимая руку Тарсбаха, сказалъ ему шопотомъ:

— Ты однако не называй мнѣ своей возлюбленной.

— Въ другой разъ скажу, отвѣчалъ Тарсбахъ.

III.

ГОРОДЪ.

Городъ лежалъ передъ ними...

Жуковский.

Когда Иксуль, на другое утро, всталъ, Бергшильда уже не было въ замкѣ. Онъ ранехонько уѣхалъ въ городъ, куда призывали его заботы по случаю предстоящей въ тотъ самый день свадьбы двоюродной его сестры. Иксуль и Тарсбахъ, приглашенные на эту же свадьбу, послѣ небольшого завтрака, собрались также въ

дорогу. Утро было ясное и свѣжее. Наши путешественники ѣхали то шагомъ, то небольшою рысью. Верстахъ въ пятнадцать отъ Ризенберга стояла корчма.

—Заѣдемъ сюда, сказалъ Иксуль Тарсбаху, я хочу узнать въ которомъ часу провели вчера здѣсь моихъ лошадей въ городъ, и не изволили ли мои люди пьянствовать.

—Что касается до пьянства, отвѣчалъ Тарсбахъ, то ты на этотъ счетъ вѣрно не узнаешь правды: корчмарь вѣрно не станетъ выдавать заѣзжающихъ къ нему гостей.

Подѣхавъ къ корчмѣ, Иксуль остановилъ свою лошадь и, не сходя съ нея, кликнулъ громкимъ голосомъ корчмара который въ ту же минуту явился на порогъ корчмы.

—Въ которомъ часу были здѣсь вчера мои люди?

— Незадолго передъ закатомъ солнца, благородный рыцарь, отвѣчалъ корчмарь, кланаясь въ поясъ.

— А долго ли они оставались здѣсь?

— Очень недолго, благородный рыцарь, только-что повернулись, да и поѣхали далѣе.

— И ты напоилъ ихъ исправно.

— Нѣтъ, высокородный рыцарь, я еще не такъ богатъ, чтобы даромъ пить проѣзжихъ, а у вашихъ людей не было ни крошки денегъ. А вотъ эту ночь у меня ночевалъ здѣсь большой господинъ; пріѣхалъ онъ очень поздно, ужь мы всѣ спали; конюхъ его говорилъ, что они изъ Ризенберга, что ихъ туда не пустили за чѣмъ поздно ѣздить, такъ имъ до городу-то и далеко...

— Онъ здѣсь еще и теперя? спросилъ Иксуль, нѣсколько смутившись.

— Никакъ нѣтъ, благородный рыцарь.

Очень рано пріѣхалъ сюда господинъ рыцарь Бергшильдъ, увидѣлъ моего посто-яльца, и они вмѣстѣ поѣхали въ городъ, и такъ громко говорили, что мнѣ страшно стало; я думалъ, что они непременно подерутся. Однако, слава Богу, кажется помирились.

Послѣ этой подробной реляціи, рыцари поѣхали далѣе и Иксуль замѣтилъ Тарсбаху:

— Вѣрно Шредеръ разсказалъ Бергшильду вчерашнее приключеніе, а тотъ, по обыкновенію своему бранить всѣхъ за глаза, вѣрно не пожалѣлъ насъ съ тобой.

Разговаривая такимъ образомъ, пріятели послѣ четырехъ-часовой ѣзды увидѣли передъ собою стѣны и башни Ревеля. Городъ въ то время, хотя и довольно подходилъ наружностию на теперешній, но не былъ однако окруженъ обширными

форштатами, или, если угодно, предмѣстїями, раскинувшимися нынѣ на большое разстояніе, по всемъ направленїямъ. Въ городскихъ стѣнъ, была нѣсколько застроена только одна гора Св. Антонїа, называемая въ просторѣчїи Тѣнисбергъ (Tönisberg). Значительныя зданїа, обращающїя на себя теперь вниманїе любопытныхъ путешественниковъ, существовали уже и въ то время, къ которому относится наше повѣствованїе. Олеарій, проѣзжавшїй черезъ Ревель въ 1656 году, оставилъ довольно любопытный видъ Ревеля, приложенный къ его путешествїю. Городъ такъ понравился ему (Олеарїю), что его поэтическая муза, заставила его сложить краткую пѣснь, въ честь прекрасной столицы Эстонїи. Вотъ начало пѣсни:

So liegt die tapffre Stadt, wenn man sie aus-
sen schauet,
Die König Waldemar, der Ander, hat erbauet:

Die Gott und die Natur so reich gesegnet hat,
Als sonsten an der See in Liefflandt eine Stadt.
и пр.

За симъ слѣдуютъ безконечныя похвалы богатству и красотѣ города. Этотъ блистательный панегирикъ напечатанъ подъ видомъ Ревеля. Если откинуть вымыслы и преувеличенїа Олеарїа, необходимыя въ поэтическомъ произведенїи, то все-таки намъ представится Ревель, по наружности своей, весьма замѣчательнымъ городомъ. Высокая, зубчатая стѣна съ башнями окружала городъ со всѣхъ сторонъ, и ограждена была широкимъ и глубокимъ рвомъ; изъ числа башенъ примѣчательны: одна вышиною своею, называемая длиннымъ Германомъ (der lange Herrmann), другая толщиною, за что и дали ей названїе толстой Маргариты (die dicke Margarethe) и наконецъ третья, построенная въ 1532 году и о-

грешенная названіемъ Кикъ или ди Кёкенъ (Kick inde Köcken), т. е. гляди въ кухни. Башня эта дѣйствительно довольно высока, и съ вершины ея удобно видѣть внутренность дворовъ, слѣдовательно и кухонныя двери. Олай, съ недремлющимъ пѣтухомъ на своемъ шпичѣ, гордо возвышалъ главу свою и спорилъ вышшею съ шпичомъ Вышгородской церкви. Николаевская церковь, башня ратуши и церковь Михайловскаго дѣвичьяго монастыря, Систертинскаго ордена, видѣлись также издалека. Бывшій за нѣскольکو лѣтъ предъ симъ пожаръ, истребилъ большую часть огромнаго зданія, занимаемаго монастыремъ черныхъ монаховъ, (Schwarzen Mönche) изгнанныхъ изъ обители въ слѣдствіе реформаціи. Сверхъ того, Ревель постигнуть былъ въ Маѣ 1433 года пожаромъ, истребившимъ городъ и Вышгородъ со всѣми церквами и мона-

стырями. Хроники сохранили объ этомъ событіи слѣдующій хронометръ, (Chronometrum):

tVnC IaCet eXVsta MaIo reVaLla
pVLChra.

Если сложить большія буквы, то получится годъ пожара 1433. Улицы Ревеля были кривы и узки, что осталось и теперешнему городу наслѣдствомъ съдой старины. Участіе Ревеля въ Ганзейскомъ союзѣ привлекало туда много иностранныхъ купцовъ и вызывало эстляндскихъ капиталистовъ, въ отдаменные края для торговли. Великій Новгородъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Ревелемъ. Такая оживленная торговля вносила лучи просвѣщенія въ Ревель, и можно сказать, что онъ не отставалъ отъ Европы, не смотря на грубое невѣжество рыцарей, наслѣдовавшихъ отъ предковъ неукротимую сѣсь, и полагавшихъ просвѣще-

ніе удѣломъ людей нижняго класса. Турниры, въ истинномъ ихъ значеніи, не были въ модѣ въ Ревелѣ, а если такого рода увеселенія и происходили иногда, то они были болѣе вынуждаемы необходимостію, нежели желаніемъ блеснуть знаніемъ военнаго дѣла, или щегольнуть одеждою, и въ такомъ случаѣ, не одни рыцари принимали въ нихъ участіе, но и горожане. Необходимость эта происходила отъ закоренѣлой ненависти рыцарей къ горожанамъ и обратно. Такимъ образомъ то, что иные выдавали за турниры, было ни что иное, какъ схватки между дворянствомъ и купечествомъ. Одинъ изъ такихъ турнировъ въ 1536 году стоилъ много крови и, безъ сильнаго вмѣшательства правительственныхъ лицъ имѣлъ бы вѣроятно еще худшія послѣдствія.

Главною причиною этихъ несогласій бы-

ла дворянская спѣсь рыцарей и ихъ желаніе поправить, разстроенные безпрерывнымъ роскошничаньемъ, финансы. Имъ досадно было видѣть, что купцы наживаются, а они проживаются; въ слѣдствіе этого, рыцари вздумали присвоивать себѣ нѣкоторыя права иностранной торговли, предоставленныя исключительно купечеству. Изъ этого возникли споры и ссоры.

Публичныя увеселенія были тогда мало извѣстны въ Ревелѣ; иногда заѣзжіе фокусники показывали свои штуки, но это бывало рѣдко. Такъ однажды прибылъ въ Ревель канатный плясунъ и, по протянутому съ вершины Олая, почти черезъ весь городъ, канату, ходилъ и прыгалъ къ великой радости зрителей. Не смотря на этотъ недостатокъ увеселеній, жители Ревеля и рыцари проводили большую часть времени въ пирахъ и,

если вѣрить Руссову, эти безпрестанные пиры частенько выходили изъ границъ воздержанія и благопристойности.

Военно-купеческое сословіе черноголовыхъ, учрежденное въ 1343 г. въ то время когда было въ Эстляндіи ужасное возстаніе мужиковъ, имѣло въ Ревель, въ длинной улицѣ (Lange Strase) красивое зданіе. Сословіе сіе, состоящее изъ холостыхъ купцовъ, учреждено было съ цѣлю защищать городъ отъ вѣшнихъ нападений. Дома, принадлежавшіе большой и малой купеческой гильдіямъ, имѣли большія залы, въ которыхъ нерѣдко пировали жители Ревеля. Кромѣ этихъ зданій, было еще въ городѣ нѣсколько церковныхъ домовъ и домовъ принадлежащихъ епископамъ и частнымъ лицамъ; словомъ, Ревель былъ застроенъ не менѣе, нежели теперь. Многія древнія зда-

нія сохранились и донынѣ и наружность ихъ носить на себѣ отпечатки глубокой старины.

Однако, мы замѣчаемъ, что зная сами Ревель какъ свои карманы, мы какъ бы предполагаемъ такое же знаніе и въ нашихъ читателяхъ, упуская изъ вида, что многіе изъ нихъ вѣроятно не были въ Ревель, а многіе можетъ быть и не будутъ тамъ никогда. И такъ, чтобы поправить нашу ошибку, постараемся хоть наскоро набросить картину этого древняго города. Ревель имѣетъ свою особенную фizioномію, которая не удивитъ ни Нѣмца ни Француза, но неминуемо поразитъ Русскаго, незнакомаго съ чужестранной архитектурой среднихъ вѣковъ. Мы, Русскіе, любимъ разгуль; наша матушка Россія такъ велика, такъ безгранична, что намъ ничего не стоитъ давать нашимъ улицамъ величественную ширину. На-

противъ того, у Нѣмцевъ мало земли; они рассчитываютъ по необходимости каждый вершокъ, и потому улицы ихъ узки до невѣроятности. Таковъ и Ревель съ своими закоулками. Дома въ немъ большею частію высоки и узки, съ остроко- нечными крышами, покрытыми черепи- цею и украшены небольшими флюге- рами, показывающими направленіе вѣтра и годъ построения дома *. Нѣкоторые до- ма украшены изваяніями; такъ напримѣръ, на иномъ домѣ виднѣется высѣчен- ная въ камнѣ фигура рыцаря, во весь ростъ, въ полномъ вооруженіи, съ ви- домъ грознымъ и рѣшительнымъ; иные же, нося на себѣ отпечатокъ католицизма украшены изображеніями святыхъ Угод-

* На большой части такихъ флюгеровъ вырѣзанъ годъ построения дома. На иныхъ же домахъ, годъ построе- нія или высѣченъ въ камнѣ, или составленъ изъ метал- лическихкихъ буквъ на фасадѣ строения.

никовъ. Во всѣхъ вообще домахъ окна расположены неправильно и нельзя ска- зать, чтобъ эта поэтическая вольность въ архитектурѣ придавала зданіямъ изящ- ный видъ; напротивъ того, они похожи на кривыхъ, или хромыхъ и вообще весь- ма неграціозны.

Башнямъ и башенкамъ разныхъ ви- довъ и величинъ нѣсть числа. Городъ, ка- жется, какъ будто сбить въ кучу и будто, не имѣя мѣста распространиться въ ши- рину, ползъ въ вышину. Ревель раздѣ- ляется на двѣ части: на городъ собствен- но, и Вышгородъ (Dom). Вышгородъ ра- сположенъ на возвышеній, оканчива- ющемся къ паружной части крутымъ, неприступнымъ обваломъ. На верху этихъ скалъ и на самомъ ихъ краю построены дома, которые кажутся прильпленными къ нимъ, какъ гнѣзда птицъ. Внизу шумитъ вѣчный гулъ морскихъ валовъ, которые

на могучихъ хребтахъ своихъ носили суда ганзейскаго союза, флоты, шведскій, датскій, и на которыхъ теперь развѣвается флагъ, украшенный русскимъ, двуглавымъ орломъ. Видъ Ревеля съ моря очарователенъ, равно какъ и видъ его съ Лаксберга, горы, по которой надобно пробѣжать, ѣдучи изъ Петербурга. Разнообразіе, пестрота и оригинальный видъ зданій, сѣрыя, высокія стѣны, увѣнчанныя зубцами, башни, расположенныя мѣстами, все это поражаетъ и нравится своею новизною для русскаго глаза. Отъ Ревеля пахнетъ стариной. Разглядѣвъ городъ вблизи, видишь на каждомъ шагу неизглаженные еще слѣды древности, внушающіе невольное почтеніе къ городу, мимо котораго мелькнуло столько столѣтій, промчалось столько поколѣній... Нагорная часть Ревеля, т. е. Вышгородъ, въ особенности замѣчатель-

но красива съ моря. Церкви, съ ихъ высокими острыми шпицами, покрытыми черною краскою, задумчиво глядятъ на небо, и какъ опытные въ наукѣ жизни старцы, съ презрѣніемъ смотрятъ иногда своими слуховыми окнами на шумъ и суету вокругъ нихъ на землѣ.

Было около полудня, когда Иксуль и Тарсбахъ вѣхали въ городъ черезъ Систертинскія ворота. Въ теченіе дороги, Иксуль нѣсколько разъ допрашивалъ Тарсбаха объ имени его возлюбленной; но Тарсбахъ всякій разъ или отклонялъ разговоръ, или отвѣчалъ ему, что скажетъ когда нибудь, со временемъ, что судьба его еще не совсѣмъ рѣшена и что потому онъ не хочетъ называть будущей своей невѣсты.

—Если ты такъ упоренъ, отвѣчалъ Иксуль, вѣзжая въ городскіе ворота,

то Богъ съ тобой, я и самъ доберусь можетъ быть до истины, и чтобы начать, не хочешь ли захватить со мною въ Михайловскій Монастырь? Какъ знать! можетъ быть твоя любезная тамъ. Мнѣ нужно уже давно побывать въ монастырѣ; вотъ ужъ почти два года, что отдали туда на воспитаніе одну изъ моихъ двоюродныхъ племянницъ, и я до сихъ поръ не могъ собраться навѣстить ее. Что ты думаешь объ этомъ, Тарсбахъ?

—Я съ охотою пойду съ тобою, отвѣчалъ сей послѣдній,—но напрасно думаешь ты найти въ этомъ монастырѣ того, кого ищешь... Луиза никогда не бывала тамъ.

—Луиза, прервалъ Искуль,—Луиза, вотъ ты и самъ проговорился. О! влюбленные, влюбленные, у васъ у всѣхъ сердце на языкѣ. Знаешь ли, Тарсбахъ, что по

одному имени Луизы я можетъ быть дознаюсь кто она такова.

—Сомнѣваюсь, Искуль, отвѣчалъ Тарсбахъ,—въ Ревелѣ много Луизъ...

—Я отыщу самую прекрасную и вѣрно это будетъ твоя Луиза; я буду искать небеснаго цвѣта глаза (что по правдѣ сказать не совсѣмъ красиво, но вкусъ дѣло важное), лилейный станъ, розовыя щеки; я буду искать все это во всѣхъ ревельскихъ Луизахъ и, ... и найду.

—Желаю тебѣ счастія въ попыткѣ, но мнѣ что-то не правдоподобна удача.

Говоря такимъ образомъ, рыцари проѣхали часть *широкой* улицы и поворотили въ небольшой, узкій переулокъ. Проѣхавъ мимо церкви съ высокою башнею, они остановились у большаго но невысокаго строенія, сошли съ лошадей и постучались въ двери. Въ это время въ

одномъ изъ оконъ этого зданія раздался легкій шумъ. Рыцари посмотрѣли наверхъ. У окна стояла молоденькая дѣвушка и пристально глядѣла на улицу.

IV.

МОНАСТЫРЬ.

..... Опа

Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

А. Пушкинъ.

Систертинскій монастырь, существовавшій уже нѣсколько столѣтій въ Ревель, пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ городѣ. Рядъ благочестивыхъ настоятельницъ, управлявшихъ имъ, поддерживалъ его въ томъ положеніи, которое способствовало къ упроченію самостоятелно-

сти святой обители. Число монашествующихъ сестеръ было невелико; но населеніе монастыря значительно увеличилось, особенно въ послѣдніе годы, дѣвцами, отдаваемыми туда на воспитаніе.

Лѣтъ зашестнадцать до начала нашего повѣствованія, почтенная настоятельница монастыря, Софія Шварцгофъ ⁶⁾ возвращалась изъ монастырской церкви послѣ вечерней молитвы. Проходя по одному изъ длинныхъ корридоровъ, упирающемуся однимъ концомъ въ наружныя двери, а другимъ въ общую столовую, настоятельница была поражена пронзительнымъ дѣтскимъ крикомъ, раздававшимся снаружи; вмѣстѣ съ тѣмъ слышны были довольно сильные удары въ дверь, — такъ что казалось, будто ребенокъ просится войти. Настоятельница позвала придверницу и приказала ей отворить двери и посмотреть кто стучится въ та-

кую, пору, когда, по монастырскому уставу, запрещено было впускать кого бы то ни было.

Приблизившись къ двери, сестра Анна, (такъ называлась придверница) громкимъ голосомъ спросила: кто тамъ?— Отвѣта не было, но удары въ дверь усиливались.

— Кто тамъ? спросила вторично сестра Анна, прикладывая ухо къ двери, но до нея доходили только удары и крикъ ребенка, усиливавшіеся вмѣстѣ съ стукомъ. Нѣсколько минутъ стояла настоятельница съ сестрой Анной, не зная что предпринять въ такомъ случаѣ. Наконецъ, настоятельница подошла сама къ двери и твердымъ голосомъ сказала:

— Я, Софія Шварцгофъ, настоятельница сей святой обители, спрашиваю тебя, кто бы ты ни былъ, кто ты таковъ и че-

го хочешь отъ насъ въ такую позднюю пору?

—Отворите, ради Христа, отворите, ради Божіей Матери и всѣхъ Святыхъ, отворите несчастной, раздався снару- жи голосъ, довольно слабый, но которо- му сильное волненіе придавало твердость убѣжденія.

Софія Шварцгофъ не знала, что ей дѣ- лать. Отворя въ такую пору дверь не- знакомымъ людямъ, она могла подверг- нуть опасности монастырь, вѣренный ея управленію, съ другой же стороны, от- казывая просящему убѣжища, она пре- ступала законъ Божій; — а въ тотъ день еще, за обѣдней, священникъ читалъ Еван- геліе и слова: *просите и дастся вамъ, толиците и отверзется вамъ*, раздава- лись въ ухахъ ея. Какъ отказать прося- щему во имя Христа? Голосъ снаружи,

по слабости своей, казался женскимъ и настоятельница, взвѣсивъ въ умѣ своемъ все сіи обстоятельства, приказала сест- рѣ Аннѣ отворить двери. Съ трепетомъ, едва внятнымъ голосомъ, придверница объявила, что она боится. Настоятельница взяла у нея изъ рукъ большой ключъ и сама отворила дверь. Выглянувъ на ули- цу, не увидѣла она никого; мѣсяць свѣ- тилъ ярко, но освѣщаль только пустын- ную улицу,—ни одного живаго существа не было видно. Не понимая ничего, на- стоятельница хотѣла удалиться, какъ вдругъ у ногъ ея послышался дѣтскій крикъ: у самыхъ дверей лежалъ въ кор- зинѣ ребенокъ. Бережно взявъ на руки невинное существо, которое жалобнымъ крикомъ своимъ какъ бы просило защи- ты и покровительства, настоятельница приказала сестрѣ Аннѣ запереть дверь, а сама понесла младенца въ свою келью.

На шеѣ у ребенка было привязано ленточкой письмо. Настоятельница, отвязавъ его, прочла слѣдующее:

«Несчастливая мать, не имѣющая права, предъ глазами людей, признать младенца сего дочерью своею, въ надеждѣ на Божіе милосердіе и на благородныя качества души настоятельницы Систертинскаго Монастыря, Софіи Шварцгофъ, поручаетъ ей то что имѣетъ драгоценнѣйшаго на свѣтѣ.»

Дѣвочка казалась на видѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Открывъ свои большіе, черные глаза, она устремила ихъ на настоятельницу, протягивая къ ней поспѣвшія отъ холоднаго вечерняго воздуха ручки, и казалось, благодарила ее за данный ей приютъ. Въ письмѣ не было ничего сказано объ имени дѣвочки, изъ чего настоятельница заключила, что она можетъ быть еще не окрещена. По этой

причинѣ, раскрывъ календарь свой, увидѣла она, что въ тотъ день, т. е. 10 сентября, праздновалась церковною память Св. Альбертины, а потому и рѣшилась на слѣдующій день окрестить младенца и дать дѣвочкѣ имя Альбертины. Всѣ старанія настоятельницы, для отысканія родителей младенца, оставались тщетными. Истинно материнскими попеченіями г-жи Шварцгофъ, маленькая Альбертина росла и хорошѣла съ каждымъ годомъ. Одна мысль мучила престарѣлую уже настоятельницу: что будетъ съ дѣвочкой, когда я умру? кто будетъ пецисъ объ ней?—На этотъ счетъ однако настоятельница вскорѣ была утѣшена: Отецъ Небесный, хранитель оставленныхъ и несчастныхъ, подалъ и въ этомъ случаѣ Свою всецѣдную руку помощи. Вотъ какъ это случилось. Одинъ изъ зажиточныхъ дворянъ эстляндскихъ, человѣкъ пожилыхъ

лѣтъ, по имени Готфридъ фонъ Шерцвальдъ, былъ женатъ и имѣлъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Онъ пользовался совершеннымъ счастьемъ; дѣти его, вышедшіе уже изъ ребячества, росли ему на радость, какъ вдругъ, заразительная болѣзнь, свирѣпствовавшая въ то время въ Ревель ⁷⁾, унесла у него въ теченіе двухъ недѣль пятерыхъ изъ его дѣтей и жену, такъ что несчастный старецъ, окруженный за нѣсколько дней предъ тѣмъ многочисленнымъ семействомъ, остался вдвоемъ съ 15-ти лѣтней дочерью. Болѣзнь не пощадила и послѣднее дѣтище Шерцвальда. Бѣдная Агнеса занемогла. Ужасное отчаяніе овладѣло несчастнымъ отцомъ: въ мучительной горести своей онъ прибѣгнулъ съ горячею молитвою къ Всещедрому Богу, и, при одрѣ изнемогающей дочери своей, далъ обѣтъ, въ случаѣ, если дочь его выздоровѣетъ, оты-

искать сироту и призрѣть ее какъ собственное дитя свое. Агнеса, къ неописанной радости отца, возвратилась къ жизни. Исполняя обѣтъ свой, Шерцвальдъ обратился къ Софіи Шварцгофъ, женщины извѣстной своимъ челоѡколюбіемъ, отыскивавшей бѣдныхъ для подаенія имъ помощи. Онъ просилъ ее сказать ему, не знаетъ ли она какой либо сироты, которой бы можно было оказать благодѣяніе, принятіемъ ея подъ свое покровительство. При семъ Шерцвальдъ объяснилъ, что онъ намѣренъ надѣлать ее богатствомъ наравнѣ съ дочерью своею и обѣщалъ имѣть объ ней родительское попеченіе. Г-жа Шварцгофъ, мучимая, какъ сказано выше, судьбою своей воспитанницы, нашла, что предложеніе Шерцвальда, извѣстнаго за челоѡка благороднаго, есть какъ бы указаніе для нея свыше, и предложила ему,

не хочеть ли онъ взять подъ свое покровительство Альбертину, но съ тѣмъ условіемъ, что она до семнадцатилѣтняго возраста останется въ монастырѣ, и въ теченіи этого времени, можетъ посѣщать Шерцвальда, знакомиться съ его дочерью. Въ случаѣ смерти своей, настоятельница требовала, чтобы Шерцвальдъ все таки оставилъ Альбертину въ монастырѣ до назначенныхъ лѣтъ и платилъ бы за нее преемницѣ ея ту сумму, которая на сохраненіе ея будетъ потребна. Шерцвальдъ, съ радостію на все согласился и хотѣлъ тутъ же познакомиться съ своей будущей дочерью. Настоятельница рѣшилась выдать Шварцвальда за дядю Альбертины и представила ее ему какъ его племянницу. Альбертина, подъ надзоромъ своей благодѣтельницы, исполняла то, что по уставу монастыря положено было для бѣлицъ; но, не смотря на строгое соблю-

деніе постовъ, она цвѣла какъ роза и Шерцвальдъ нашелъ ее столь пригожею, что говорилъ, будто она похожа на его Алису; что впрочемъ было вовсе неправда: Альбертинѣ было тогда четырнадцать лѣтъ. Образованная г-жа Шварцгофъ старалась обучать ее по мѣрѣ силъ и развивала такимъ образомъ, природный умъ дѣвушки. Свиданіе Шерцвальда съ его мнимой племянницей обошлось безъ особенныхъ происшествій. Замѣчательно только то, что молоденькая Альбертина спросила Шерцвальда, зналъ ли онъ ея родителей? Шерцвальдъ отвѣчалъ утвердительно.—Какъ мнѣ было не знать моего брата, сказалъ онъ,—я его какъ теперь передъ собой вижу; онъ ужъ очень давно померъ, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ умерла и жена его.

—Такъ моя фамилія также Шерцвальдъ, вскричала Альбертина, всплеснувъ руками:—а я этого и не знала; за чѣмъ мамень-

ка, не говорили вы мнѣ этого? сказала она взявъ за руку г-жу Шварцгофъ. Какъ это хорошо: Альбертина Шерцвальдъ!

—Фонъ Шерцвальдъ, прибавилъ старикъ.

—Фонъ Шерцвальдъ, это еще лучше.

Напрасно водить читателя потѣснымъ закоулкамъ первоначальнаго знакомства Альбертины въ домъ Шерцвальда. Скажемъ въ короткихъ словахъ, что характеры Агнесы и Альбертины казались созданными одинъ для другаго, и дѣвушки, въ слѣдствіе этой природной симпатіи душъ, подружились скоро. Отбросивъ въ сторону *мнимое* родство свое, онѣ считали себя родными сестрами. Альбертина, съ согласія своей благодѣтельницы, г-жи Шварцгофъ, посѣщала довольно часто домъ Шерцвальда и даже сопровождала иногда Агнесу въ приходскую Олаевскую церковь, куда въ то время стекалось

много служителей по случаю прибытія изъ Виттенберга, новаго пастора Николая Колоссенуса, или иначе называемаго Глоссена. Онъ былъ присланъ изъ Германіи Лютеромъ, при собственноручномъ письмѣ, которое и доселѣ хранится въ оригиналѣ въ архивѣ ревельскаго Магистрата⁸). Добрая г-жа Шварцгофъ сначала не соглашалась на то, чтобы воспитанница ея, крещенная по обряду римско-католической церкви посѣщала церкви протестантскія, но впоследствии, принимая въ соображеніе, что съ распространеніемъ реформации въ Эстляндіи, католики претерпѣвали сильныя гоненія и что даже въ ихъ монастырѣ предписано было лютеранскимъ пасторамъ держать рѣчи⁹), она дала на это свое согласіе. Умная настоятельница мало по малу пришла даже наконецъ къ слѣдующему разсужденію. Конечно, обязанность моя поддерживать

Альбертину въ томъ законѣ, къ которому она принадлежитъ съ дѣтства; но притерпѣвшихъ обстоятельствеяхъ она сама можетъ со временемъ пожелать принять реформу. Къ тому же, я потеряла надъ нею власть мою съ тѣхъ поръ, какъ она считается племянницей Шерцвальда. Впрочемъ, посѣщеніе изрѣдка протестантскихъ церквей не значитъ еще, что Альбертина оставляетъ католическую церковь.

Такимъ образомъ дѣло уладилось къ общему удовольствію. Агнесъ пріятно было быть чаще въ обществѣ своей нареченной сестры, Шерцвальдъ въ душѣ надѣялся, что его новая дочь со временемъ перейдетъ въ лютеранскую вѣру, а Альбертина рада была хотя въ церкви посмотрѣть на людей, которыхъ она досель видывала только изрѣдка изъ оконъ монастырскихъ.

Возвращаясь однажды, въ воскресенье вечеромъ, отъ Шерцвальда, послѣ пріятнаго дня, проведеннаго ею въ обществѣ Агнесы и нѣкоторыхъ ея подругъ, Альбертина, въ сопровожденіи старой наставницы Агнесы, приближалась къ дверямъ монастыря. Когда она взялась за подвижный желѣзный молотокъ, дабы постучать имъ въ дверь, изъ-за угла сосѣдняго дома показался человекъ, закутанный въ плащъ, съ шляпой, надвинутой на брови и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чтобы приблизиться къ ней; но, увидѣвъ вѣроятно ея спутницу, остановился. Альбертина, распростившись на порогѣ съ старушкой, взбѣжала по небольшой деревянной лѣстницѣ въ комнату настоятельницы и, поцѣловавъ у ней руку, подошла къ окну, усиливаясь распознавать предметы на улицѣ сквозь ночную темноту.

Незнакомецъ въ плащѣ стоялъ все на томъ же мѣстѣ неподвижно.

— Что ты смотришь въ окно, Альбертина? спросила настоятельница.

— Ничего, отвѣчала дѣвушка, смутившись отъ первой лжи своей.

Послѣ этого вечера, незнакомецъ каждый день около полудня приходилъ въ улицу, гдѣ стоялъ монастырь и останавливался по нѣсколько минутъ передъ окнами настоятельницы. Альбертина замѣтила это. Незнакомецъ, наружностію своею, не понравился ей вовсе. Ему могло быть около сорока или пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и сухощавъ; цвѣтъ лица его былъ желтъ, щеки впалыя, волосы темнорусые съ небольшою просѣдью. Однажды, когда незнакомецъ стоялъ въ обыкновенной своей позитурѣ, сложа руки на груди и глядѣлъ въ то ок-

но, у котораго стояла Альбертина, красивый рыцарь, на гнѣдомѣ жеребцѣ, проѣхалъ мимо и конь его забрызгалъ грязью незнакомца. Незнакомецъ выпрямился, казалось хотѣлъ поучить рыцаря въжливости, но потомъ какъ бы опомнился и удовольствовался тѣмъ что бросилъ на него презрительный взглядъ и ушелъ. Альбертина видѣла все это; она стояла все еще у окна, какъ рыцарь проѣхалъ назадъ.

— Какой молодецъ, подумала Альбертина:— какъ онъ статенъ, какъ хорошо сидитъ на лошади, какая лошадь; какъ онъ хорошо сдѣлалъ, что забрызгалъ грязью этого докучливаго старика, который какъ старая кукушка приходитъ всякій день глядѣть намъ въ окна; я боюсь его!

Незнакомецъ дѣйствительно не возвращался два дня и Альбертина думала, что онъ не придетъ вовсе. Не смотря на то, что ей были неприятны посѣщенія ста-

рика, она какъ-то начала тосковать, что не видитъ его. Не болѣнъ ли онъ, думала она; — не разсердился ли онъ? мнѣ его жалко. И среди этихъ размышленій являлся ей образъ прекраснаго рыцаря на гнѣдомъ жеребцѣ, и она думала: не проѣдетъ ли онъ опять здѣсь! какъ бы мнѣ хотѣлось на него посмотреть. — Но ни рыцарь, ни незнакомецъ не являлись.

Три дня спустя, пришла къ Альбертинѣ дѣвушка отъ Агнесы. Альбертина сошла въ корридоръ. Дѣвушка была ей незнакома и сказала, что только лишь на дняхъ опредѣлилась къ Агнесѣ въ услуженіе, при чемъ, вручивъ ей письмо, ушла, сказавъ, что отвѣта не нужно.

Альбертина побѣжала на верхъ и на вопросъ хозяйки, за чѣмъ приходили отъ Агнесы, сказала ей, что принесли письмо.

—Что же пишетъ она тебѣ?

— Не знаю, маменька, я еще не читала.

— Прочти же, дитя мое.

Альбертина распечатала письмо. Рука была ей незнакома; она посмотрѣла на адресъ, на немъ написано было ея имя. Какой-то внутренній голосъ шепнулъ ей, что письмо это отъ прекраснаго рыцаря. Глядь на подпись. Подписи нѣтъ.

—Что же пишетъ тебѣ Агнеса, спросила г-жа Шварцгофъ.

—Я еще не прочла, маменька, отвѣчала Альбертина едва внятнымъ, отъ внутренняго волненія, голосомъ. Она начала читать:

«Милая Альбертина». О это вѣрно отъ рыцаря, думала она, какъ это нѣжно? «милая Альбертина! Я увидѣлъ тебя и полюбилъ.»—это онъ, нѣтъ сомнѣнія, думала дѣвушка.—«Я не умѣю изъясниться краснорѣчиво, скажу тебѣ, что люблю тебя пламенно» безъ сомнѣнія это отъ него

«и готовъ пожертвовать остаткомъ дней моихъ для тебя; скажи что нужно сдѣлать, чтобы быть любимымъ тобою;—богатства,—я ихъ имѣю»...

—Что же ты такъ долго читаешь, Альбертина?

—Сей часъ, маменька, сей часъ.

—Читай громко.

—Сей часъ, маменька, сей часъ, отвѣчала на-скоро Альбертина, и глаза ея пожирали слова письма.

«Нужна ли тебѣ любовь,—я люблю тебя выше всего на свѣтѣ. Нѣ ужасайся сѣдыхъ волосъ...»

—Ахъ, это отъ ужаснаго старика, вскричала Альбертина, всплеснувъ руками и закрывъ ими глаза, разразившіеся потокомъ слезъ.

—Какой старикъ, что съ тобою? спросила съ безпокойствомъ настоятельница. Отвѣтомъ Альбертины были громкія ры-

данія. Г-жа Шварцгофъ встала со стула и подошла къ Альбертинѣ такъ поспѣшно какъ это позволяла ей ея старость. Первымъ движеніемъ старушки было поднять лежащее на колыняхъ у Альбертины раскрытое письмо. Она надѣла очки и прочла пламенное посланіе. Незнакомецъ говорилъ далѣе, что готовъ увезти ее не только изъ монастыря, но даже изъ Эстляндіи, если она на то согласна; обѣщаль ей богатство и веселую жизнь, словомъ, рисовалъ ей будущее самыми яркими, плѣнительными красками. Если она согласится, то пусть явится на другой день у окна съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. Остальное его дѣло.

—Правду говорятъ, подумала про себя настоятельница,—что дѣтямъ, незнающимъ родителей своихъ, счастье. Дѣвучка никого не видитъ, не съ однимъ мужчиной сроду слова не говорила, а ужъ на-

вязывается женихъ. Другія вѣкъ цѣлый толкаются между людей, да мужа не същутъ. Диво, да и только!

Не понимая какъ это могло случиться, настоятельница начала спрашивать Альбертину, что она знаетъ объ авторѣ неподписаннаго письма, гдѣ съ нимъ видѣлась, кто онъ такой.

На послѣдній вопросъ Альбертина отвѣчала, что не знаетъ кто онъ такой, и въ короткихъ словахъ рассказала все, что знала объ этомъ странномъ обстоятельстве, т. е. то же, что извѣстно и читателю. Настоятельница пожуривъ Альбертину за ея излишнее любопытство глядѣть въ окно и сказала, что впредь будетъ просить Шерцвальда отсылать ее въ монастырь съ приличнымъ конвоемъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться, прибавила, въ заключеніе, старушка: этотъ сумасшедшій старикъ, чего добраго, взду-

маеть схватить тебя на улицѣ. А у окна, дитя мое, болѣе не садись, или когда захочешь поглядѣть, то скажи мнѣ, я прежде сама посмотрю, можно ли.

Альбертина слушала со вниманіемъ наставленія старушки, но не могла однакожь не думать съ нѣкоторою досадою, что надежды ея не сбылись, что не прекрасный рыцарь, а жалкій старичишка вздумалъ писать ей любовное посланіе.

Вскорѣ, т. е. въ началѣ 1534 года, настоятельница Софія Шварцгофъ занемогла и послѣ кратковременной болѣзни перселилась въ вѣчность. Много искреннихъ слезъ пролито было надъ трупомъ доброй женщины, но никто не чувствовалъ такъ сильно ея потерю, какъ Альбертина. Она ухаживала за старушкой въ послѣдніе дни ея земной жизни какъ любящая дочь, ни день ни ночь не отходя отъ ея постели. За полдня до

смерти, больная не узнавала болѣе никого, кромѣ своей дорогой Альбертины и когда предсмертное онѣмѣніе сомкнуло уже ея уста, ея взглядъ не покидалъ ни на минуту милый образъ дѣвушки: душа ея вѣрно молилась за нее. Послѣдній вздохъ старушки повѣялъ могильнымъ холодомъ на сердце Альбертины. Она припала своими жаркими губами къ остывающимъ устамъ своей благодарницы и горячія слезы благодарнаго, тоскующаго сердца, оросили безжизненный трупъ. Не станемъ описывать глубокой горести бѣдной Альбертины; ее можетъ понимать сердце, она не подлежитъ разбору разсудка и перо притупляется, бесплодно пытаясь изобразить печали такого рода.

Тѣло г-жи Шварцгофъ предали землѣ. Мѣсто ея заняла Елизавета Таубе. Альбертина въ первомъ порывѣ отчаянія хотѣ-

ла-было вовсе оставить монастырь, и переѣхать къ мнимому дяди своему; но, вспомнивъ желанія покойной настоятельницы, она перестала и думать о своемъ намѣреніи, считая обязанностію своею свято исполнять ея волю.

Спустя мѣсяца три послѣ смерти Софіи Шварцгофъ, Агнеса Шерцвальдъ была объявлена невѣстою и свадьба ея назначена въ ноябрѣ того же года. За четыре мѣсяца до опредѣленнаго для бракосочетанія дня, Шерцвальдъ нанялъ секретаря, который обязанъ былъ писать приглашенія ко всему рыцарству и дворянству эстляндскому. Если комунибудь покажется страннымъ сзываніе такого множества гостей и сзываніе столь благовременное, то мы отвѣчаемъ на это, что таковъ былъ обычай того времени; а на свѣтъ найдешь очень мало такихъ

храбрецовъ, которые бы пренебрегали обычаями. *Обычай деспотъ!*

Альбертина отъ души радовалась предстоящему сестрѣ ея счастію, но не могла вполнѣ предаваться тѣмъ восторгамъ, къ которымъ склонна была по живости характера, потому что образъ отшедшей благодѣтельницы преслѣдовалъ ее всюду и въ одинъ мигъ останавливалъ радостные порывы ея сердца. Елизавета Таубе, наслѣдовавшая г-жѣ Шварцгофъ по управленію обителью, была отличная женщина во всѣхъ отношеніяхъ, но, не смотря на ея добрыя качества и на желаніе сохранить все въ томъ же видѣ, какъ оно было у ея предшественницы, она не могла замѣнить для Альбертины то существо, которое слѣдило за нею отъ колыбели, лелеяло и не перестало любить въ ее грозный часъ разлуки души съ тѣломъ.

Большинхъ трудовъ стоило Агнесѣ убѣдить Альбертину быть на ея свадьбѣ, и мы даже полагаемъ, что Агнеса едва ли успѣла бы уговорить ее, еслибъ старикъ Шерцвальдъ самъ не взялся за дѣло. Альбертина считала себя невправѣ ему отказывать въ чемъ бы то ни было, и обѣщала присутствовать при бракосочетаніи нарѣченной сестры своей.

Вотъ наступила и суббота, канунъ свадебнаго дня. Невѣста должна была предстать гостямъ, приглашеннымъ на свадьбу, въ пышномъ уборѣ и окруженная ближайшими родственницами своими. Шерцвальдъ прислалъ сказать Альбертинѣ чтобы она была готова ѣхать къ нему въ домъ около 2-хъ часовъ пополудни.

Какъ ни велика была грусть Альбертины, она не могла однакожь отказать себѣ въ удовольствіи явиться среди толпы гостей одѣтою со вкусомъ, къ лицу.

Къ тому же, думала она, можетъ быть въ числѣ гостей будетъ и прекрасный рыцарь плѣнвшій уже давно ея дѣвическое воображеніе. Ахъ, сердце, сердце! кто угадаетъ тебя? кто въ состояніи заглянуть въ твои тайные изгибы? А сердце женщины! кто разгадаетъ его? легче безъ микроскопа увидѣть народонаселеніе капли воды, нежели проникнуть въ безмѣрную глубину человѣческаго сердца вообще, не говоря уже о женскомъ. Альбертина была проникнута раздирающимъ горемъ о разлукѣ съ усопшей благодѣтельницей своей; ей казалось, что въ ея сердцѣ нѣтъ мѣста для другихъ ощущеній и, не смотря на это, мысль о незнакомомъ рыцарѣ частенько являлась ей какъ желанный гость и освѣщала радостнымъ, благотворнымъ свѣтомъ, грустный сумракъ дѣвственной души ея. Ахъ! еслибъ мнѣ увидѣть его еще хоть разъ, ду-

мала Альбертина: какъ онъ хорошъ! Онъ вѣрно добрый человѣкъ; еслибъ онъ зналъ, какъ я его люблю, то вѣрно бы полюбилъ меня!

Прошу растолковать такое явленіе! Дѣвушка увидѣла одинъ разъ въ жизни издали мужчину и полюбила его, не зная, увидитъ ли когданибудь опять, не зная кто онъ. Онъ могъ быть заѣзжій рыцарь, мелькнувшій въ Ревель и уѣхавшій навсегда обратно въ свое отечество. Почти цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она его увидѣла, почти цѣлый годъ не знала она гдѣ онъ, что съ нимъ сдѣлалось и, не смотря на это, ея неопытное сердце, посвятившее себя разъ служенію идеала, оставалось ему вѣрнымъ.

Во всякомъ незнакомомъ человѣкѣ, встрѣчавшемся съ нею на улицѣ, Альбертина искала знакомыя черты, знакомый станъ прекраснаго рыцаря и не

находила ихъ. Казалось бы, должно ожидать, что молодая дѣвушка забудетъ черезъ два дня мгновенное явленіе человека, поразившаго ее; но такова иногда сила первой любви, переживающая всѣ препятствія и неудачи.

Вмѣстѣ съ этимъ привѣтливымъ образомъ, являлась Альбертинѣ иногда и фигура старика, и тогда невольный трепеть пробѣгалъ всѣ фибры ея ума и сердца, холодный потъ выступалъ на ея челѣ. Она боялась его безотчетно. Послѣ полученнаго ею письма, она не встрѣчала его нигдѣ, но часто, на яву и во снѣ, тревожилъ ее видъ незнакомца, закутаннаго въ плащъ, съ блѣдными щеками, сверкающими, изъ-подъ надвинутой на брови шляпы, глазами. Ей мнилось иногда, что старый незнакомецъ будетъ преслѣдовать ее и мѣшать ея счастію, когда она будетъ соединена съ прекраснымъ рыцаремъ.

Старикъ являлся ей злымъ духомъ, а рыцарь добрымъ гениемъ. И страшно было бѣдной дѣвущкѣ подумать, что, можетъ быть, когда нибудь настанетъ время борьбы добраго начала съ злымъ. О Боже! сохрани его, вскрикивала иногда Альбертина, когда, среди невинныхъ дѣвственныхыхъ сновидѣній, она видѣла этихъ двухъ людей; одного, несомато на крыльяхъ херувимовъ, другаго опирающагося на облака чернаго дыма.

Такія тревожныя мысли и ощущенія, пуская глубокіе корни въ умъ и сердце Альбертины, вмѣстѣ съ горестной мыслию, что она уже болѣе не увидитъ на семь свѣтъ свою благодѣтельницу, сильно подѣйствовали на характеръ дѣвочки. Ея живость исчезла, уступивъ мѣсто частой задумчивости; она находила менѣе удовольствія въ бесѣдѣ подругъ своихъ, собиравшихся у Агнесы. Но врожденное

женщинамъ свойство лицемѣрить, служило и ей вѣрою и правдою. Подруги ея не замѣчали ея внутренней задумчивости, потому что она умѣла прикрывать ее притворной веселостію.

Въ тотъ самый день, когда она должна была отправиться къ Шерцвальду, для празднованія кануна свадьбы Агнесы, Альбертина была внутренно повеселѣе. Она думала, какъ сказано выше, что можетъ быть судьба сведетъ ее на предстоящемъ пиршествѣ съ прекраснымъ рыцаремъ, и эта мысль одушевляла ее такъ, какъ капля росы оживляетъ траву, склонившую печальную головку свою отъ порыва сильнаго вѣтра.

Въ такомъ расположеніи, мечтая о пріятныхъ минутахъ, являемыхъ ей ея воображеніемъ, она сидѣла въ своей комнаткѣ и разбирала наряды, подаренные ей Шерцвальдомъ и Агнесой. Она примѣрива-

ла по очередно каждый и совѣтовалась съ зеркаломъ своимъ, вѣрнымъ другомъ дѣвушекъ и женщинъ на всемъ земномъ шарѣ. Особенно обращали на себя ея вниманіе двѣ фрезы. Поочередно надѣвая то ту, то другую, она никакъ не могла рѣшиться, которую предпочесть. Выборъ былъ дѣйствительно труденъ. Одна была вышита золотомъ, другая обшита богатымъ кружевомъ; золотая, болѣе торчащая къ верху, мѣшалась съ ея черными кудрями и блистала изъ-подъ нихъ ослѣпительно; другая, болѣе лежащая на плечахъ, открывала пѣсколько ея шею и желтоватый цвѣтъ кружевъ придавалъ еще большую бѣлизну атласной кожѣ ея пухленькой шейки.

Не зная, на что рѣшиться, Альбертина въ раздумьѣ держала обѣ спорныя фрезы въ рукахъ и глазами вопрошала ихъ, какъ будто требуя отъ нихъ отвѣта.

Въ это время послышался на улиц конскій топотъ. Альбертина прыгнула къ окну, и что жь? У дверей монастырскихъ стояли два рыцаря верхами. Гнѣдой, знакомый жеребецъ бросился ей въ глаза, станъ рыцаря знакомъ, . . . онъ слѣзаетъ съ лошади. . . это онъ! О! блаженство, это онъ! И съ этимъ словомъ Альбертина такъ скоро бросилась вытирать отуманенное дыханіемъ ея стекло, не смотря на стукъ произв одимый ея кольцами, что чуть не вышибла его. Шумъ этотъ привлекъ вниманіе рыцарей, они подняли головы къ верху. Это онъ! Это онъ! вскрикнула еще разъ Альбертина, всплеснувъ руками и тотчасъ сбѣжала въ низъ, чтобы посмотреть на прекраснаго рыцаря, когда онъ будетъ проходить по корридору.

Въ продолженіе этого времени, рыцарямъ отворили двери и они вошли, спросивъ одну изъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ монастырѣ.

Альбертина прошла медленно по корридору, прокашливалась, чтобы обратить вниманіе прїѣзжихъ и остановилась за одной изъ толстыхъ колоннъ, поддерживавшихъ сводчатый потолокъ корридора, чтобы, не будучи потомъ замѣченною, наслаждаться лицезрѣніемъ прекраснаго рыцаря. Альбертина нашла, что онъ былъ еще гораздо красивѣе того, какимъ она себя его воображала. Дѣвица, къ которой рыцари прїѣхали, скоро явилась. Поговоривъ съ нею короткое время, прекрасный рыцарь на прощанье поцѣловалъ ее въ лобъ. Альбертина видѣла все это и кровь бросилась ей въ лицо; не знаю отъ чего, но кажется намъ, что ей было жаль, что этотъ поцѣлуй коснулся не ея лба.

Рыцари уѣхали. Альбертина хотѣла сначала спросить у подруги своей имя прекраснаго незнакомца, но потомъ отдумала и рѣшилась выждать для этого благопрїятнѣйшей минуты.

Черезъ часъ пріѣхали за нею посланные отъ Шерцвальда и она, нарядившись такъ хорошо, какъ умѣла, поѣхала въ домъ своего дяди.

Читатель вѣрно давно узналъ уже въ прекрасномъ рыцарѣ стараго знаконца своего Иоганна фонъ Иксуля.

V.

ПРЕДСВАДЕБНОЕ ПИРОВАНЬЕ.

Freilich grosse überfüllende Gefühle, wie des Frühlings, der Liebe, der Erhebung zum Unendlichen, verbergen ihr Fliesen wie das Meer das seinige; aber dasselbe stehende Meer, dasz nicht wie ein Bach dahin zu rinnen scheint, geht, wenn nicht vor- doch aufwärts als Wasserwolke.

J. PAUL.

Въ тотъ самый день, когда Иксуль посѣтилъ Михайловскій монастырь, въ Ревель съѣхалось множество дворянъ изъ окрестныхъ помѣстьевъ; многіе прибыли

на канунѣ. Это была суббота. Готфридъ фонъ Шерцвальдъ, какъ сказано выше, праздновалъ свадьбу единственной дочери своей Агнесы, съ однимъ изъ благородныхъ рыцарей. Свадьба назначена на слѣдующій день, а суббота должна была быть посвящена пиrowанію, какъ бы въ задатокъ будущаго веселья. Часа за два до заката солнца, всѣ приглашенные на свадьбу мужескаго пола особы выѣхали за городъ. Тутъ надобно было посмотреть на благородныхъ рыцарей и полюбоваться ихъ щегольствомъ. Золото и серебро, бархатъ и шелковыя ткани блестяли яркими, разноцвѣтными красками на ихъ одеждахъ. Красивыя лошади, управляемыя искусными ѣздоками, дѣлали всевозможные курбеты и вольты, не смотря на то, что были покрыты съ ногъ до головы разными вещами для красы. На головѣ, между ушей, торчали у нихъ

перья; узда и мундштукъ, съ безчисленнымъ множествомъ золотыхъ и серебряныхъ бляхъ, покрывали почти совершенно всю морду, и среди этого множества украшеній виднѣлись только искрометные глаза и пышущія ноздри. Кромѣ сѣдла и обыкновеннаго чапрака, лошади покрыты были отъ груди до хвоста богатыми покрывалами, вышитыми по тонкому сукну или шелковымъ тканямъ, золотомъ и разноцвѣтными шелками. Блестящіе шлемы рыцарей, украшенные перьями, развѣвавшимися по воздуху; длинные мечи, въ которыхъ играли лучи заходящаго солнца, шумъ, движеніе, кипучая жизнь, все это вмѣстѣ придавало картинѣ странный и вмѣстѣ величественный видъ. Когда всѣ гости собрались на назначенное мѣсто, одинъ пожилой рыцарь, родственникъ невесты, отдѣлился

отъ толпы, раскланялся на всѣ стороны и началъ такъ:

— Благородные рыцари! отъ имени родственника моего, благороднаго рыцаря Готфрида фонъ Шерцвальда, который выдаетъ завтра за мужъ дочь свою, благодарю васъ за честь, которую вы дѣлаете ему, собравшись сюда, по приглашенію его, для присутствія при священномъ обрядѣ вѣнчанія. Желаю всѣмъ вамъ провести эти дни праздника въ полномъ удовольствіи и согласіи. Если между вами есть какія нибудь распри или ссоры, прошу васъ забыть ихъ, такъ, чтобы никакое непріятное происшествіе не потревожило нашего веселія. Въ знакъ согласія вашего, на сохраненіе мира и тишины, поднимите правыя руки ваши и да будетъ сіе дѣйствіе ваше запечатлѣно искреннею рѣшимостію отложить всѣ несогласія!»

При этихъ словахъ, всѣ рыцари подняли руки къверху. Давъ, такимъ образомъ, родъ клятвеннаго обѣщанія сохранять тишину и спокойствіе, рыцари прищипорили своихъ коней и, кто галономъ, кто крупной рысью, поскакали въ городъ. Искуль и Тарсбахъ, неразлучные пріатели, ѣхали рядомъ, подбирая повода своихъ лошадей и стараясь, на ряду съ другими рыцарями, выказать красоту своихъ жеребцовъ, богатство ихъ сбруи и великолѣпіе своихъ собственныхъ одеждъ. Галопируя такимъ образомъ, они дѣлали иногда сатирическія замѣчанія на счетъ собратій своихъ. Въ особенности фигура Бергшильда возбуждала въ нихъ порывы веселости. Его измученный конь, съ потертыми ребрами и съ тощимъ желудкомъ, являлъ странную противоположность съ толстымъ туловищемъ сѣдока. Странная посадка Бергшильда, его корот-

кія ноги, украшенныя, выигранными недавно въ кости, золотыми шпорами, наконецъ безчисленное множество бантовъ, развѣвавшихся по волѣ вѣтра, все это не мало потѣшало присутствовавшихъ. Во всю дорогу онъ не переставалъ ворчать, что ему, какъ ближайшему родственнику Шерцвальда, слѣдовало бы держать рѣчь къ рыцарямъ и что этотъ старичишка, своими сѣдыми волосами отбилъ у него честь. «Чтобы чертъ его побралъ!» восклицалъ онъ ежеминутно. Шумъ и крикъ между рыцарями были ужасны; иные стрѣляли на воздухъ изъ пистолетовъ, другіе трубили въ рога, третьи просто кричали для изъявленія своей радости.

Такимъ образомъ поѣздъ въ торжествѣ проскакалъ часть города и когда приблизился къ дому большой гильдіи, то шумъ увеличился еще и всѣ приобдри-

лись, шпоры заработали, лошади запрыгали.

Надобно сказать мимоходомъ, что гильдейскіе дома служили тогда попеременно всякому, кто хотѣлъ дать большой пиръ, потому что дома частныхъ лицъ, хотя и были довольно обширны, но не имѣли довольно большихъ залъ, могущихъ вмѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ,—а на свадьбы и крестины съзывалъ каждый, нѣсколько богатый дворянинъ, всѣхъ своихъ собратій и даже нѣкоторыхъ горожанъ, нужныхъ ему для чего бы то ни было. Такъ и на этотъ разъ гильдейскій домъ былъ назначенъ для празднованія свадебныхъ пировъ. У оконъ этого дома стояла невѣста, разодѣтая со всевозможною роскошью, окруженная своими подругами и родственницами. Множество драгоценныхъ камней, навьюченныхъ на невѣсть и тяжелая корона,

также украшенная алмазами, изумрудами и яхонтами, до того давили се къ землѣ; что она едва могла держаться на ногахъ отъ тяжести нѣши. Въ числѣ окружавшихъ невѣсту мы не можемъ не замѣтить Альбертину Шерцвальдъ, обращающую на себя всеобщее вниманіе своею ослѣпительною красотою. Драгоценные камни, блиставшіе разноцвѣтными огнями въ нарядѣ невѣсты, которая также была хороша собою, будучи перенесены на скромный нарядъ Альбертины, не могли бы ничего прибавить къ ея прелести, а лишивъ оныхъ невѣсту, можно было ожидать, что личико ея много потеряло бы, лишившись лучезарной короны, сіявшей на ея головѣ. Много женщинъ молодыхъ и пожилыхъ окружало невѣсту; — охотникъ до каррикатуръ нашель бы изрядную пицу для сатирическаго карандаша своего, списывая съ натуры затѣй-

ливья фигуры и еще затѣйливѣйшіе наряды многихъ присутствовавшихъ.

Дамы, стоя, какъ сказано выше, у оконъ гильдейскаго дома, разглядывали гарцующихъ рыцарей и навѣрное можно сказать, что не одна пара глазъ разбѣгалась въ пестрой толпѣ, отыскивая знакомый шлемъ, знакомый гербъ, знакомый станъ, знакомаго жеребца, и на оборотъ, знакомое личико, знакомые локоны, знакомые шейки и глазки.

— Скажи, Агнеса, спросила Альбертина свою сестру: кто этотъ рыцарь, что ѣдетъ теперь мимо окна?

— Ты не узнала его, Альбертина: это Бергшильдъ, мой двоюрод...

— Не онъ, не онъ, другой, подалше, полюбвѣ?

— Это Францъ...

— Душа моя, Агнеса, я его знаю; ты не понимаешь о комъ я говорю: вотъ этотъ

высокій рыцарь на гнѣдомъ жеребцѣ, онъ смотритъ сюда, онъ поправляетъ усы... видишь ли теперь?

—А!... теперь понимаю. Это Иоганнъ Фонъ Иксуль. Не правда ли, онъ красивъ собою?

—Не скажу, чтобы онъ былъ очень красивъ, отвѣчала Альбертина: однако не дурень. При сихъ словахъ огонь вспыхнулъ на щекахъ дѣвушки. Она думала: если онъ не красивъ, то я не знаю кто можетъ послѣ того назваться пригожимъ. Смѣшной вопросъ дѣлаетъ мнѣ Агнеса. А у нея у бѣдной какой женихъ! Когда видишь его одного, онъ еще туда сюда, а какъ поставить возлѣ него Иксуля, такъ право не на-что посмотреть. Онъ, кажется, смотрѣлъ сюда пристально и вѣрно узналъ меня; онъ такъ ласково поглядывалъ на насъ и прибодрялся на сѣдлѣ: вѣрно онъ знаетъ, что на него присталь-

но смотреть. Такъ думала Альбертина, разсынно глядя на толпу остальныхъ рыцарей. Между тѣмъ, рыцари мало по малу развѣзжались по домамъ, дабы переодѣться и явиться къ приготовленному Шерцвальдомъ въ гильдейскомъ домѣ уживу.

Вскорѣ общество собралось на пиръ. Большая зала пылала огнями; среди ея были накрыты столы, на которыхъ, однако, по обычаю, соблюдаемому тогда на свадебныхъ пирушкахъ, не видно было вовсе серебряной посуды: деревянные ложки и деревянные кружки замѣняли блестящій металлъ, которымъ во всякое другое время рыцари щеголяли. Дамы, подъ предсѣдательствомъ невѣсты, усѣлись за особый столъ. Мужчины разсѣлись куда кто попалъ. Во всей залѣ говорили много о невѣстѣ и почти столько же, если еще не больше, объ Альбер-

тинѣ. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка привлекла на себя все взоры. И дѣйствительно, нельзя было не восхищаться ею. Ея маленькое личико, подернутое задумчивостію, ея пылающія щеки, ея томный взглядъ, въ которомъ некусный наблюдатель узналъ бы съ первой минуты, что у дѣвушки есть глубокія задушевные тайны, все это вмѣстѣ придавало ей прелесть невыразимую.

Икскуль глядѣлъ на нее со вниманіемъ. Ему казались черты ея знакомыми. Онъ сталъ припоминать и наконецъ убѣдился, что точно видѣлъ ее въ тотъ самый день по утру, у окна и въ корридоръ въ Систертинскомъ монастырѣ.

— Не знаешь ли ты, спросилъ онъ у Тарсбаха: кто эта хорошенькая *фрейлейнъ*, что сидитъ возлѣ невѣсты?

— Не знаю, отвѣчалъ Тарсбахъ: спрошу у Бергшильда, онъ вѣрно знаетъ всѣхъ.

Бергшильдъ объявилъ, что она приемышь, и слыветъ племянницей Шерцвальда. При семъ словоохотный рыцарь замѣтилъ, что старый Шерцвальдъ сущій полоумный: что вмѣсто того, чтобы набирать въ домъ какихъ-то безымянныхъ дѣтей, онъ бы гораздо лучше сдѣлалъ, усыновивъ его и назначивъ его своимъ наследникомъ. А теперъ, прибавилъ онъ, гляди на все это равнодушно, да еще въ добавокъ изволь называть эту дѣвчонку двоюродной сестрой; не то, сказалъ мнѣ Шерцвальдъ, онъ отниметъ у меня и ту маленькую пенсію, которую мнѣ удалось выжать изъ его скряжническихъ рукъ. Чортъ бы побралъ всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей!

Не знаемъ, отъ чего Икскулю было досадно слушать эти рѣчи. Онъ не зналъ къ чему бы придратъся, чтобъ избранить Бергшильда; языкъ у него ужасно чесался.

Пиво лилось рѣкою и тяжелые пары его вскорѣ захватили головы благородныхъ рыцарей. Бесѣда становилась шумнѣе и шумнѣе. Шерцвальдъ далъ знакъ дочери своей. Она встала, а за нею и всѣ дамы. Мужчины ни мало не тревожились и продолжали пить и говорить не трогаясь съ мѣста. Когда дамы удалились, то Альбертина, проходя мимо Иксуля, бросила на него взглядъ своихъ черныхъ большихъ глазъ. Этотъ взглядъ, полный силы и огня, встрѣтился съ нѣжнымъ, выражающимъ участіе взоромъ Иксуля. Альбертина въ ту же минуту потупила глаза и едва могла удержаться на ногахъ отъ внутренняго трепета, овладѣвшаго ею мгновенно; взоръ Иксуля произвелъ на нее дѣйствіе электричества. Иксуль слѣдовалъ за нею глазами и впивался взоромъ въ прелестное созданіе. Они поняли другъ друга. Искра, брошенная въ сердце дѣвуш-

ки, случайной встрѣчей годъ тому назадъ, вспыхнула пожаромъ. Огонь глазъ прекрасной дѣвушки зажегъ душу Иксуля.

Пированье продолжалось и громкіе разговоры сливались въ одинъ нестройный шумъ, подобный треску валовъ, гонимыхъ ревущей бурей и разбивающихся объ утесы. Большая часть рыцарей говорили, не имѣя слушателей, дѣлали вопросы, не ожидая и не требуя на нихъ отвѣтовъ. Число тостовъ росло вмѣстѣ съ числомъ опустошаемыхъ кувшиновъ съ пивомъ. Усладительная, для всякаго истинно нѣмецкаго сердца, хмѣльная влага лилась въ такомъ изобиліи, что рыцари съ-пьяна проливали цѣлые потоки оной на полъ. Спустя нѣсколько часовъ, по залѣ нельзя было сухо пройти и потому слуги внесли огромныя вязанки сѣна и рассыпали его по полу. Нѣкоторые, не совѣмъ опьянѣвшіе рыцари, могшіе еще говорить безъ

записки, употребляли языки свои для изреченія самыхъ безчинныхъ словъ и проклятій; эти разговоры повлекли за собою ссоры, брань и вскорѣ въ разныхъ углахъ залы началъ раздаваться стукъ оружія. Рыцари, забывъ клятву свою сохранять тишину и спокойствіе во время пируванія, отсчитывали другъ другу удары тяжелыми мечами своими. *In vino veritas*, эту поговорку можно отнести и къ пиву. Всякій рыцарь, имѣвшій что нибудь противъ своего собрата, разгоряченный изобильнымъ употребленіемъ пива, забывалъ данное за нѣсколько часовъ обѣщаніе и смѣлилъ расчитаться съ противникомъ своимъ. Раненымъ дѣлали тутъ же перевязки и относили по домамъ.

Во время этого всеобщаго шума и буйства, Икскуль и Тарсбахъ, занятые каждый своимъ предметомъ, сидѣли молча, принимая весьма малое участіе въ общемъ веселіи.

—Ее зовутъ Альбертиной, думалъ Икскуль: какое прекрасное имя!

—Что дѣлаетъ моя Луиза? думалъ Тарсбахъ.

Бергшильдъ, предававшійся вполнѣ наслажденію чудеснаго напитка, кричалъ во все горло и никто не понималъ о чемъ онъ говоритъ. Онъ вставалъ и садился, размахивалъ руками и наконецъ, охриплымъ уже голосомъ, сказалъ довольно внятно:

—Чтобы чортъ побралъ моего дядю! Его пріемышь Альбертина вѣрно будетъ со временемъ негодная дѣвчонка.

Икскуль, услышавъ это, поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы и задыхающимся отъ гнѣва голосомъ крикнулъ Бергшильду:

—Полно врать, пьяная голова! Ты ужь всёмъ надоѣлъ своимъ болтаньемъ.

—Господинъ фонъ Икскуль, сказалъ

Бергшильдъ, приподымаясь: вы... вы... забывается.

—Это довольно трудно сдѣлать, говоря съ фонъ Бергшильдомъ.

—*Мейнъ геръ!* зарѣвѣлъ Бергшильдъ, и голова его въ одно мгновеніе какъ бы освѣжилась отъ сильной досады.—*Мейнъ геръ!* такія слова смываются кровью.

—Для этого нужно тебѣ протрезвиться, отвѣчалъ Иксуль: я не буду дратъся съ пьянымъ.

—Ты увидишь, что я не пьянъ, прервалъ его Бергшильдъ: вынимай мечъ твой. А чтобы всѣ знали, что никто не смѣетъ запретить мнѣ говорить, что я хочу, повторяю, что дядя мой фонъ Шерцвальдъ скоро будетъ раскаяваться, принявъ къ себѣ въ домъ негодн....

—Замолчи, негодная тварь, закричалъ Иксуль: я не позволю никогда оскорблять невинность!

—Вынимай твой мечъ, грубый хвастунъ! Или онъ заржавѣлъ въ ножнахъ твоихъ; или фонъ Иксуль забылъ рыцарское происхожденіе? Вынимай мечъ, не то я....

И съ этимъ словомъ Бергшильдъ замахнулся тяжелымъ мечемъ своимъ на Иксуля.

—Если такъ, нечего дѣлать, сказала спокойно Иксуль и стальная широкая полоса блеснула въ могучей рукѣ рыцаря. Бергшильдъ въ пылу гнѣва бросился очертя голову на противника своего. Иксуль же хладнокровно стоялъ на одномъ мѣстѣ и старался только отклонить частые удары Бергшильдова меча. Не знаемъ, долго ли бы продолжался этотъ бой такимъ образомъ, еслибъ Бергшильдъ наконецъ самъ не наткнулся лѣвымъ плечомъ на остріе меча противника. Тогда Иксуль искуснымъ и силь-

нымъ ударомъ вышибъ оружіе изъ рукъ безумца. Бергшильдъ зашатался и упалъ не столько отъ полученной раны, которая была весьма незначительна, сколько отъ силы удара, выбившаго изъ рукъ его мечъ.

Во время поединка, рыцари, сидѣвшіе по сосѣдству Иксуля и Бергшильда встали съ своихъ мѣстъ, чтобы вблизи посмотреть, чѣмъ кончится бой. Слухъ о томъ, что Иксуль дерется съ Бергшильдомъ за оскорбительное слово, сказанное объ Альбертинѣ Шерцвальдъ, скоро распространился между присутствовавшими, такъ что можно было быть увѣрену, что на завтра, съ протрезвившимися головами, рыцари протрубятъ по всему городу Юганна фонъ Иксуля защитникомъ прекрасной племянницы Шерцвальда, ея рыцаремъ, обожателемъ и т. д.

Что касается до послѣдняго обвиненія, то, вопрошая свое сердце, Иксуль дол-

женъ бы былъ сознаться, что оно имѣетъ нѣкоторое основаніе. Свидѣтели поединка, не смотря на то, что были довольно пьяны, не могли не признать поведенія Иксуля, въ отношеніи къ его сопернику, благороднымъ, и громко отдавали ему справедливость, обвиняя Бергшильда въ невоздержаніи языка и смѣясь надъ его манерой сражаться. Бергшильдъ отъ природы былъ трусливаго десятка, что было извѣстно всѣмъ, знавшимъ его, такъ что еслибъ пивные пары не вскружили ему головы, онъ никакъ не рѣшился бы вступить въ бой съ противникомъ славящимся своею храбростію и совершеннымъ знаніемъ фехтовальнаго искусства, каковъ былъ Иксуль. По всѣмъ симъ уваженіямъ, Бергшильдъ распостертый на смоченномъ пивомъ сѣнѣ съ окровавленнымъ плечомъ, не возбуждалъ ни въ комъ сожалѣнія; надъ нимъ смѣялись и

никто не думалъ приказать сдѣлать ему перевязку. Иксуль, видя жалкое положеніе противника, не могущаго подняться на ноги, подошелъ къ нему, взявъ его за плечи, поднялъ и посадилъ на кресло. Потомъ, позвалъ онъ одного изъ бывшихъ тамъ фельдшеровъ и приказалъ ему осмотрѣть рану Бергшильда и подать ему нужную помощь.

Старикъ Шерцвальдъ, бывший свидѣтелемъ какъ спора, такъ равно и поединка, подошелъ къ Иксулю и взялъ его за руку.

—Благородный рыцарь, сказалъ онъ ему, вы, сколько мнѣ извѣстно, не знаете вовсе моей племянницы, но смѣю васъ увѣрить, что вы заступились за дѣвушку, заслуживающую вполне всеобщаго уваженія; не смотря на то, что вы обнажили мечъ въ моемъ домѣ противъ роднаго моего племянника, я могу только

благодарить васъ за дѣльный урокъ, который вы дали этому вѣтрогону.

—Я вовсе не имѣю чести знать вашу племянницу, отвѣчалъ Иксуль нѣсколько смѣшавшись, но я имѣю привычку всегда зажимать ротъ тѣмъ, которые осмѣливаются, безъ всякой причины, оскорблять публично честь беззащитныхъ. Эта дѣвушка принята вами, герц фонъ Шерцвальдъ, и я по этому уже не сомнѣваюсь въ ея полной невинности.

—Благодарю васъ за хорошее мнѣніе обо мнѣ, возразилъ Шерцвальдъ. Мой племянникъ Бергшильдъ завистливъ до крайности и притомъ, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, его денежныя дѣла въ весьма плохомъ состояніи. Онъ надѣялся, что уменьшеніе моего семейства, (при сихъ словахъ старикъ глубоко вздохнулъ и двѣ крупныя слезы нависли на его сѣдыхъ рѣсницахъ), будетъ для

него выгодно. Узнавъ о намѣреніи моемъ принять въ домъ сироту, онъ бѣсился ужасно и цѣлый мѣсяць мучилъ меня, чтобы я усыновилъ его. Но я не дерзнулъ преступить даннаго мною обѣта и принялъ въ домъ круглую сироту.

—Я слышалъ объ этомъ обстоятельстве, отвѣчалъ Иксуль:—но скажите кто же родители этой дѣвушки?

Шерцвальдъ разсказалъ все, что зналъ изъ разсказовъ покойной Софіи Шварцгофъ, присовокупивъ, что Альбертина была увѣрена, что она дѣйствительно его племянница и что онъ, Шерцвальдъ, старался поддерживать и укрѣплять ее въ этомъ мнѣніи, прося тѣхъ, кому извѣстны были подробности сего происшествія, не говорить объ нихъ никогда Альбертинѣ.—Доселѣ опаснѣйшій болтунъ держался, прибавилъ старикъ, боясь сдѣлаться нищимъ, если я откажусь

давать ему то, что онъ получаетъ отъ меня, но сегодня пиво перепортило-было все дѣло. Слава Богу, что нашелся человекъ благородный, какъ вы, господинъ рыцарь! Ваше наставленіе долго будетъ памятно Бергшильдѣ.

Иксуль говорилъ, что сдѣлалъ только то, что бы исполнилъ всякій порядочный человекъ на его мѣстѣ и просилъ у Шерцвальда позволенія познакомиться съ той дѣвицей, за которую онъ сегодня сражался.

—Вы всегда были для меня пріятнымъ гостемъ, геръ фонъ Иксуль, а теперь еще болѣе нежели когда либо. Завтра отпразднуемъ мы свадьбу и Альбертина должна будетъ возвратиться въ монастырь; но на дняхъ будетъ она опять ко мнѣ и я буду имѣть честь пригласить васъ тогда къ себѣ.

Между тѣмъ, пирующие начинали ма-

ло по малу расходиться. Уже было за полночь. Въ сѣняхъ и на крыльцѣ толпилось много разнаго рода любопытныхъ, принимающихъ участіе во всѣхъ пиршествахъ безъ приглашенія.

Иксуль, протѣсвившись черезъ сѣни, вышелъ на крыльцо; онъ кликнулъ Густава. Густавъ подвелъ жеребца. Въ то время, когда онъ закидывалъ ногу въ стремя въ толпѣ раздался громкій голосъ.

— Рыцарь Иксуль, берегись, не тронгай чужихъ невѣсть!

Иксуль оборотился въ ту сторону, откуда раздался голосъ; но за темнотою не могъ различить ни одного лица, все молчало; ему казалось будто какая-то тѣнь мелькнула около стѣны и скрылась.

— Если ктонибудь имѣеть до меня дѣло, скажаль твердымъ голосомъ Иксуль? то пусть скажетъ мнѣ это въ лицо, среди бѣла дня, и если онъ благородный

рыцарь, то я готовъ переломить съ нимъ копье или мечъ, если же онъ подлый вассаль, то я покажу ему, что слуги мои умѣютъ управляться съ негодьями.

Послѣ этихъ словъ Иксуль, давъ шпоры коню своему, поскакаль на Вышгородъ въ сопровожденіи Тарсбаха.

на счетъ таинственнаго голоса, раздававшагося въ толпѣ. Предоставляемъ читателю вообразить себѣ, какую ночь провелъ Иксуль, волнуемый разнообразными мыслями. Скажемъ только, что, когда сонъ *сыпалъ макъ* на его вѣжды и утомленное тѣло его предавалось кратковременной дремотѣ, милый образъ Альбертины; распростертый на полу, окрававленный Бергшильдъ попеременно являлись предъ его глазами и вмѣстѣ съ этимъ ему слышались слова: «*Рыцарь Иксуль, не трогай чужихъ невѣсть!*» произносимыя человекомъ ему неизвѣстнымъ, съ страшною наружностію. Пробуждаясь, вскакивалъ онъ съ постели и грозилъ.... ночной темнотѣ.

Надобно признаться, сказалъ онъ Тарсбаху, что со мною были вчера странныя пріключенія. Дорого бы далъ я за то, чтобы узнать, кто осмѣлился грозить

VI.

С В А Д Ъ Б А .

Сиротинушка, дѣвушка

Полюби меня, молодца.

Дельвигъ.

На слѣдующее утро, Иксуль, остановившійся вмѣстѣ съ Тарсбахомъ на Вынгородѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ обыкновенно жилъ, во время пребыванія своего въ Ревель, сидѣлъ съ товарищемъ своимъ у окна и разговаривалъ съ нимъ о пріключеніяхъ вчерашняго дня. Друзья наши, соединенными силами, бранили Бергшильда. Они оба терялись въ догадкахъ

миѣ, и что значать эти слова: о какой невѣстѣ говорилъ незнакомецъ?

— Ужь вѣрно не объ Агнесѣ, отвѣчалъ Тарсбахъ, а кто знаетъ, можетъ быть дерзкій разумѣль Альбертину, ... миѣ кажется, ты на нее заглядывался...

— Я!... я!... и не думалъ, отвѣчалъ Иксуль, повидимому спокойно, но о дѣйствительномъ положеніи его духа можетъ судить золотой перстень, надѣтый на указательномъ пальцѣ правой руки, который впился въ тѣло его, давимый лѣвою рукою.

Друзья сидѣли и разговаривали такимъ образомъ, когда въ комнату вошелъ Шредеръ. Иксуль до крайности изумился его приходу и не зналъ что сказать, но Шредеръ вывелъ его изъ затрудненія.

— Какъ я радъ, благородный рыцарь, сказалъ онъ, что засталъ васъ дома и могу наконецъ исполнить свое обѣщаніе; и

съ этими словами Шредеръ положилъ на столъ мѣшокъ съ золотомъ.

Иксуль слушалъ и глядѣлъ, и не зналъ что думать, что сказать въ отвѣтъ. Шредеръ продолжалъ:

— Прошу извинить меня, геръ фонъ Иксуль, что я третьягодня потревожилъ можетъ быть васъ моимъ позднимъ посѣщеніемъ. У меня была тѣма дѣлъ въ городѣ и я никакъ не могъ посѣтъ ранѣе. Я жалю объ этомъ, потому главное, что вы можетъ быть нуждались въ деньгахъ и изволили гнѣваться на меня, но я право ни въ чемъ не виноватъ.

— Помилуйте, господинъ Шредеръ, отвѣчалъ, съ видимымъ замѣшательствомъ Иксуль, я и не думалъ сердиться на васъ и миѣ очень жаль, что люди мои были такъ глупы, что не попросили васъ переночевать въ Ризенбергъ.

— Напрасно изволите беспокоиться

благородный рыцарь, возразилъ Шредеръ: мы люди простые и не можемъ требовать, что бы для насъ безпокоились высокородные дворяне.

За симъ Шредеръ принялся считать деньги, укладывая ихъ кучками. Иксуль кликнулъ секретаря и приказалъ ему написать вексель.

—Залога, г-нъ Шредеръ, по условію нашему не нужно: вы знаете, что у меня долговъ вовсе нѣтъ и Ризенбергъ довольно великъ, чтобъ...

—Помилуйте, господинъ фонъ Иксуль, ваше рыцарское слово для меня дороже всякаго залога.

—Однако вы не всегда такъ поступаете, отвѣчалъ Иксуль.

—Вамъ извѣстно, благородный рыцарь, что я вовсе не занимаюсь этими дѣлами, и если дѣлаю это когда нибудь, то единственно изъ желанія быть прият-

нымъ господамъ, которыхъ я почитаю такъ какъ васъ.

Кстати сказать, что за это одолженіе Шредеръ бралъ тридцать процентовъ, которые и были вписаны въ вексель вмѣстѣ съ капитальною суммой.—Шредеръ ушелъ.

—Надобно сказать правду, говорилъ Иксуль, глядя на идущаго по улицѣ Шредера,—что надо мной свершаются чудеса. Мало было вчерашнихъ происшествій; надобно было Шредеру увѣнчать дѣло его теперешнимъ поступкомъ.

— Признаюсь, Иксуль, я не ожидалъ этого, промолвилъ Тарсбахъ, и душевно радуюсь, что дѣло приняло такой прекрасный оборотъ.

— Впрочемъ, знаешь ли что, Тарсбахъ, сказала Иксуль, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если подумать хорошенько. Шредеръ умный человѣкъ, мы

всѣ это знаемъ ; ну, онъ посердился можетъ быть сгоряча, а потомъ, какъ увидѣлъ, что всѣ его жалобы не поведутъ ни къ чему, весьма умно и разсудиль, что лучше взять жидовскіе проценты, чѣмъ хлопотать изъ пустяковъ.

— Можетъ быть, разсѣянно отвѣчалъ Тарсбахъ, глядя въ окно.

Черезъ нѣсколько времени рыцари одѣлись и отправились въ домъ невѣсты, потому что часъ, назначенный для вѣчанія, приближался.

Теперь надобно намъ перенестись въ домъ Шерцвальда и посмотреть, какія тамъ дѣлаются приготовления къ торжеству. Агнеса сидѣла въ своей комнатѣ, въ обществѣ одной пожилой родственницы. Старушка давала невѣстѣ наставленія. Имѣя право безнаказанно слушать у дверей и записывать самыя большіе секреты, мы скажемъ читателю до послѣд-

няго слова все, что говорилось въ дѣвической комнатѣ Агнесы.

Старушка, прокашлявшись, начала такъ:

— Ну, слава Богу, дожила я до твоей свадьбы, дитя мое ; хотя ужъ я и стара, а повеселюсь, глядя какъ мою Агнесу поведутъ къ олтарю.

— Вы такія добрыя, отвѣчала Агнеса.

— Смотри же, Агнеса, продолжала старушка, когда тебя приведутъ въ церковь, ты стой и не шевелись, гляди въ землю, руки сложи вмѣстѣ и отнюдь не ворочай головы по сторонамъ.

— Вы ужъ говорили мнѣ это, отвѣчала Агнеса.

— Не мѣшаетъ, душа моя, лишній разъ сказать. У мододыхъ дѣвушекъ головка и всегда-то довольно вѣтренная, а какъ дѣло идетъ объ свадьбѣ, такъ онѣ и совсѣмъ

растеряются. Смотри же, не забудь. Когда меня вѣнчали съ моимъ покойнымъ, такъ матушка мнѣ цѣлую недѣлю твердила о томъ, какъ надобно держаться. У тебя, бѣдная, нѣтъ матери, такъ мнѣ надобно хлопотать. При сихъ словахъ старушка поцѣловала дѣвушку въ лобъ, а у Агнесы навернулись слезы.

— Вотъ, какъ приведутъ тебя къ алтарю, пасторъ будетъ у тебя спрашивать желашь ли ты выйдти за мужъ? Ты гляди въ полъ, не шевелясь и не говоря ни слова. Пасторъ спроситъ еще разъ,—ты все молчи, какъ будто ничего не слышишь. Пусть онъ разъ пять или шесть спрашиваетъ, ты все молчи, куда наконецъ не станеть у тебя терпѣнія, тогда ты потихоньку, сквозь зубы скажи: «Ja!» но все же смотри въ полъ и не шевелись. Когда меня вѣнчали съ моимъ покойнымъ такъ я почти полчаса стояла

и не говорила ни слова. Меня-то вѣнчали въ католической церкви, а теперь, весь свѣтъ на выворотъ; то и рѣчи что про Лютера. Отецъ твой умный человекъ, а на старости лѣтъ вздумалъ переходить въ другую вѣру. Меня, душа моя, вѣнчали въ Николаевской церкви; просила я, просила отца твоего, чтобы и тебя тамъ же повѣнчали, такъ нѣтъ,— не убѣдишь ничѣмъ: говорить, что въ Николаевской церкви католическій алтарь, и что тамъ пахнетъ папистами! Богъ да проститъ ему грѣхъ тяжкій!

Агнеса слушала и молчала.

— Какъ обвѣнчаютъ васъ, продолжала старушка: пасторъ велитъ вамъ поцѣловаться. Женихъ сейчасъ готовъ, такъ и бросится. Ахъ, Боже мой! какъ вспомню моего покойнаго, его тогда какъ будто кто горячимъ желѣзомъ кольнулъ, такъ и сунулся дорогой мой. Такъ вотъ, какъ

женихъ захочетъ поцѣловатьъ тебя, ты отворачивайся и долго, долго мучь его, а какъ сжалишься надъ бѣдненькимъ, такъ подставь ему щеку, а сама все гляди въ землю и заплачь. Ну, теперь, душа моя, ты кажется должна наизусть знать, что я тебѣ говорила вчера три раза, да сегодня вотъ ужь другой разъ. Смотри же, не забудь ничего, не надѣлай мнѣ, старухѣ, сраму; вѣдь никого больше не осудятъ, какъ меня. Теперь пора тебѣ одѣваться. Пока ты будешь снаряжаться, поразскажу еще кое-что.

Здѣсь прекращаются права наши подслушивать и подсматривать. Впрочемъ, еслибъ мы и вздумали преступить назначенную намъ границу, наше любопытство осталось бы неудовлетвореннымъ, потому что толстую дубовую дверь, ведущую въ комнату Агнесы, заперли на ключъ и мы бы только перемерзли, стоя,

въ холодный октябрскій день, на каменномъ полу нетопленныхъ сѣней. И такъ, оставимъ невѣсту, занятую своимъ туалетомъ и слушающую окончательныя, дальнѣйшія наставленія старушки, какъ должно ей вести себя во время свадебнаго дня въ церкви, въ гильдейскомъ домѣ и въ ея новомъ жилищѣ.

Скоро ли, тихо ли Агнеса одѣвалась, все равно; вотъ она готова, всѣ гости собрались и съ факелами, свѣчами, при звукѣ трубъ и литавръ, жениха и невѣсту провожаютъ въ Олаевскую церковь, гдѣ пасторъ Глоссенъ ожидаетъ встрѣтить ихъ приличною рѣчью. Обрядъ вѣнчанія обошелся безъ всякихъ приключеній. Агнеса строго соблюла все предписанное ей старушкой родственницей и заслужила всеобщее одобреніе присутствовавшихъ за свою скромность и умѣнье жить. Когда все общество выходило изъ церкви, то

Альбертина, искавшая глазами изъ подлѣбья Иксуля, вдругъ увидѣла въ одномъ изъ самыхъ темныхъ угловъ церкви два сверкающіе глаза, устремленные на нее. Она подавила готовый вырваться изъ груди ея крикъ и, прижимаясь къ Агнесѣ, спѣшила выйти изъ церкви.

Для полнаго уразумѣнія дѣла должно знать, что старикъ Шерцвальдъ поутру разсказалъ дочери своей и Альбертинѣ въ короткихъ словахъ происшествія, случившіяся наканунѣ въ гильдейскомъ домѣ и не могъ удержаться, чтобы не потрунить при семъ случаѣ надъ Альбертиной.

— Вотъ тебѣ и женихъ! сказалъ онъ въ заключеніе.

— Какъ вамъ не стыдно смѣяться надъ мной, дядинька, промолвила Альбертина и начала плакать.

Шерцвальдъ, приписывая эти слезы

обыкновенной дѣвической застенчивости и не подозрѣвалъ, чтобы, кромѣ этого обыкновеннаго чувства, другое гораздо сильнѣйшее побужденіе выжимало слезы изъ глазъ дѣвушки. Еслибъ можно было разложить эти слезы, то составныя части ихъ оказались бы весьма разнородными; тутъ были слезы радости, горя, стыдливости, надежды и страха. Источникъ каждой изъ сихъ частей читательницы наши найдутъ въ своемъ собственномъ сердцѣ, если спросятъ его, о чемъ оно тревожилось въ такихъ случаяхъ. И такъ, послѣ этого, весьма понятно отъ чего Альбертина еще съ бѣльшимъ вниманіемъ нежели обыкновенно разсматривала толпу и старалась узнать въ ней знакомое лицо Иксуля: она искала въ немъ не только любимаго, но и любящаго человека. И въ эту самую минуту встрѣтился ей слишкомъ знакомый взоръ не-

знакомца. Альбертина убаждалась внутренно въ своихъ предположеніяхъ, что этотъ незнакомецъ преслѣдуетъ ее и будетъ помѣхою ея счастью. Въ этой сердечной тревогѣ, въ виду храма Создателя, Альбертина вознеслась душой къ Всемогущему и поручала себя и любезныхъ своихъ Его всеблагому промыслу. Милосердая Матерь Божія, молилась дѣвушка, защити насъ, покрой насъ твоимъ покровомъ, отгони отъ насъ всякое зло! Святая Альбертина, будь моею заступницей! *Omni Sancti orate pro nobis!*

Облегчивъ такимъ образомъ сердце изліяніемъ чувствъ своихъ, предъ общимъ утѣшителемъ скорбящихъ, Альбертина успокоилась. Пестрая толпа гостей, двинувшихся въ обратный путь той же процессіей, развлекла ее и она позабыла на время свое горе.

Гильдейскій домъ снова наполнился

гостями. Блестательный, по тогдашнимъ понятіямъ, обѣдъ, былъ предложенъ посѣтителемъ и снова кружки, напѣвенныя пивомъ, заходили по столамъ. Скоро послѣ обѣда начались танцы, при звукѣ трубъ, волюнки и литавръ. Читатели наши заключать изъ этого, что музыка для танцевъ была не самая затѣйливая; но не смотря на это, тогдашнее веселье было искреннѣе того, какому предаемся мы нынѣ подъ ладъ полнаго оркестра, развигрывающаго вальсы Штрауса и Ланнера.

Отсутствіе Бергшильда подало поводъ къ разговорамъ, и тѣ, которые наканунѣ, отъ излишняго употребленія пива, или по другой какой либо причинѣ, не знали о поединкѣ его съ Искулемъ, могли сегодня вполне удовлетворить свое любопытство, прислушиваясь къ всеобщимъ толкамъ. Искуль старался избѣгать разговоровъ по сему предмету, потому что они

неминуемо влекли за собою разныя двусмысленныя фразы, намеки на мгновенно родившуюся въ немъ страсть къ Альбертинѣ; а онъ не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь видѣлъ его смущеніе.

Альбертина танцевала безпрестанно. Каждый рыцарь желалъ имѣть счастье повертѣться съ царицей красоты, какъ вскорѣ прозвали ее. Иксуль, глядя на всеобщее веселье, захотѣлъ принять въ немъ участіе и потому, подошедъ къ Шерцвальду, просилъ познакомить его съ Альбертиной. Шерцвальдъ взялъ Иксуля за руку и подвелъ его къ мнимой своей племянницѣ.

— Рекомендую тебѣ господина фонъ Иксуля, сказалъ онъ, обращаясь къ Альбертинѣ; который такъ благородно заступился за тебя вчера.

Альбертина, до крайности смутившись, не знала что сказать рыцарю; она чув-

ствовала какъ кровь бросалась ей въ лицо и отхлынувъ отъ него заставляла трепетать сердце. Собравшись съ духомъ, она взглянула на Иксуля и пробормотала сквозь зубы:

— Не знаю... какъ благодарить васъ, благород...

— Не трудитесь, *мейнъ фрейлейнъ*; прервалъ ее Иксуль: за одинъ взглядъ вашихъ глазъ, кланусь мечемъ моимъ, я готовъ бы драться со всѣмъ рыцарствомъ Эстляндіи.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, благородный рыцарь, отвѣчала краснѣя Альбертина.

— Если такъ, то прошу васъ не сомнѣваться и въ моей готовности употребить ее на вашу защиту всегда, когда только будетъ нужно.

— Я ничѣмъ не заслужила такого са-

мопожертвованія съ вашей стороны, возразила Альбертина.

— Вы, — царица красоты, съ жаромъ произнесъ Иксуль, пожирая глазами прелестную Альбертину, можете говорить это! Клянусь всѣмъ, что у меня есть драгоценнаго, вы рождены для того, чтобы повелѣвать милліонами, и вѣрно всякій рыцарь отдастъ душу свою за одно слово, упавшее съ вашихъ прелестныхъ губъ.

Читатель вѣрно ожидаетъ теперь формальнаго объясненія въ любви со стороны Иксуля и скромнаго молчанія со стороны Альбертины, молчанія краснорѣчиваго, замѣняющаго простыя, но выразительныя слова, за которыя всякій изъ насъ въ свою очередь обѣщаль вѣчную любовь съ компаніей, слова: «Я также люблю тебя!» Но на сей разъ мы дол-

жны, попросивъ извиненія у читателя, объявить ему, что прозорливость его догадокъ, обыкновенно такъ вѣрныхъ, отклоняется нынѣ отъ истины. Альбертина отвѣчала Иксулю на его восторженную фразу довольно пошлымъ общимъ мѣстомъ, отъ котораго мы избавляемъ читателя, и, по приглашенію его, пошла съ нимъ танцовать.

Трудно описать восторгъ Альбертины, видѣвшей сбывающимися ея мечты о прекрасномъ рыцарѣ. Она, которая иногда отчаявалась увидѣть его когда нибудь въ жизни, теперь не только видитъ его, не только говоритъ съ нимъ но и убѣждена, что этотъ сверхъестественный человекъ любитъ ее. Она предавалась всему увлекательному упоенію своего блаженства, когда Шерцвальдъ, подошедъ, объявилъ ей, что пора ей собираться домой, что настоятельница крѣпко на-

крѣпко поручила ему непременно отправить ее въ монастырь въ 8 часовъ. Какъ ни трудно было Альбертинѣ оставить веселое общество, она однако не посмѣла воспротивиться волѣ настоятельницы и яды и, распростившись съ Агнесой, вышла изъ залы. Наставница Агнесы одѣла ее какъ можно теплѣе. Къ крыльцу подвели пріобыкшую къ осторожной ѣздѣ съ дамами лошадь, осѣланную сѣдломъ Агнесы, съ гербомъ Шерцвальда. Альбертина какъ легкая серна прыгнула въ сѣдло и, въ сопровожденіи двухъ конюховъ и старой наставницы Агнесы, отправилась домой. Дорогой не говорила она ни слова; голова и сердце ея были полны чудесныхъ воспоминаній; ей все еще мнилось, что она находится въ многолюдной залѣ, что передъ нею стоитъ прекрасный Искуль и расточаетъ ей утонченные комплименты, сквозь

которые пробивается неподдѣльное чувство любви. Убаюкиваемая такими сладкими мечтаніями, Альбертина забывала весь міръ и не знала, что вокругъ нея происходитъ. Изрѣдка, старая спутница прерывала ея сновидѣнія на яву прозаическими увѣщаніями.

—Фрейлейнъ, не раскрывайтесь, вамъ вѣтеръ надуетъ въ грудь.

—Фрейлейнъ, вы, кажется, изволили заснуть, и т. д.

Черезъ нѣсколько времени старушкѣ показалось, что они ѣдутъ не той дорогой. Она спросила одного изъ конюховъ. Тотъ отвѣчалъ, что они нарочно ѣдутъ другою улицей, потому что въ той, по которой бы имъ слѣдовало ѣхать, нѣтъ проѣзду отъ лошадей и конюховъ рыцарей. Старушка удовольствовалась этимъ отвѣтомъ. Минуть десять спустя, они очутились у городскихъ воротъ.

— Что это значитъ, Карль, спросила опять старушка, за чѣмъ мы ѣдемъ за городъ?

— Мы объѣдемъ кругомъ, отвѣчалъ конюхъ и потомъ въѣдемъ въ систертинскія ворота.

Въ это время проѣхали они по мосту и лишь только миновали его, оба проводника ихъ схватили лошадь Альбертины за узду, прищипорили лошадей своихъ и пустились во весь духъ по полю. Лошадь старушки рванулась также имъ вслѣдъ, но послѣ двухъ, трехъ прыжковъ сбросила ношу свою и понеслась безъ сѣдока. Альбертина въ ужасѣ мчалась, поддерживаемая на сѣдлѣ однимъ изъ конюховъ и не могла понять, что съ ней происходитъ. Они мчались довольно долго, какъ вдругъ выплыла луна изъ черной тучи. Альбертина взглянула на поддерживающаго ея конюха, вскрикнула

и упала безъ чувствъ на шею лошади. Въ конюхѣ узнала она черты блѣднаго старика.

Старикъ и конюхъ Шерцвальда должны были остановиться. Снявъ Альбертину съ лошади, старикъ бережно положилъ ее на свои колѣни и, велѣвъ конюху взять лошадь Альбертины подъ усьцы, прищипорилъ коня своего.

Вскорѣ послышался позади ихъ конскій топотъ. Не оглядываясь назадъ, старикъ понуждалъ свою лошадь, которая подъ двойною ношей бѣжала медленнѣе обыкновеннаго: скачущій позади приближался. Еще минута и мощная рука схватила старика сзади за шею. Старикъ, бросивъ поводья своей лошади, выхватилъ короткій ножъ и хотѣлъ поразить имъ нападавшаго, но ножъ скользнулъ по стальному оплечью противника и только слегка ранилъ правую его руку. Конюхъ, съ

лошадью Альбертины, видя еще двухъ противниковъ, ускакалъ. Тогда другой всадникъ преслѣдовавшій бѣгущихъ оставилъ лошадь старика. Альбертина упала на землю. Первымъ дѣломъ преслѣдовавшаго было поднять ее. Старикъ, видя, что все потеряно и что ему невозможно противостоятъ нападающей силѣ, выстрѣлилъ изъ пистолета на удерживавшаго его лошадь конюха. Окровавленный трупъ покотился на землю.

—Теперь между нами на жизнь и на смерть, заревѣлъ отчаяннымъ голосомъ старикъ: проклятiе, проклятiе! и умчался по полю.

VII.

КОРСАРЬ.

Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ,
Они сошлись для стяжаній,

А. Пушкинъ.

Мы должны, на время, прервать нить нашего повѣствованія и перенести его за нѣсколько лѣтъ назадъ, дабы ознакомить короче читателя съ нѣкоторыми дѣйствующими лицами.

Графъ Мельхиоръ Кербушъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ благородныхъ Германскихъ фамилій. Предки его зани-

мали важныя должности при дворѣ Нѣмецкаго Императора. Онъ былъ женатъ на Итальянкѣ и имѣлъ, отъ сего брака, одного сына Роберта. Семейныя обстоятельства заставили графа Мельхіора поселиться на житье въ Любекѣ. Робертъ, будучи единственнымъ сыномъ, былъ, какъ то къ несчастію часто случается избалованъ родителями своими, любившими его любовью сильной но безразсудной. Съ самаго нѣжнаго возраста, Робертъ привыкъ исполнять во всемъ свои прихоти и, незамѣтнымъ образомъ, сдѣлался, мало по малу, до того своевольнымъ, что всѣ увѣщанія родителей его оставались тщетными, если онъ чтонибудь задумывалъ. Привыкнувъ видѣть отца и мать покорнѣйшими слугами своими, онъ не постигалъ, что устройство свѣта неминуемо требуетъ повиновенія отъ младшихъ къ старшимъ, и что можетъ су-

ществовать какая нибудь сила, имѣющая право предписывать границы его желаніямъ. Дурное общество, которѣе всегда держитъ двери настежь для желающихъ сманило и Роберта. Богатство его отца, давало ему значительное преимущество передъ товарищами его, большею частію бѣдняками, которые были рады погулять на его счетъ и, въ награду за то, величали его своимъ амфитріономъ, предводителемъ ихъ разгульнаго веселья.

Пьянство и развратъ не замедлили овладѣть неопытнымъ умомъ 19-ти лѣтняго юноши, и Робертъ, вскорѣ могъ стоять наравнѣ съ самыми распутными членами безумнаго общества, въ которомъ находилел.

Въ это время умеръ его отецъ. На одрѣ смерти, старый графъ увѣщевалъ сына своего обратиться на путь истины и, казалось, голосъ родителя, голосъ

сь того свѣта, смягчили сердце зачерствѣвшее въ порокахъ. Не долго однако дѣйствовали увѣщанія отца. Оставшись по смерти его полнымъ распорядителемъ имѣнія, Робертъ впалъ снова въ прежнія привычки, оставленные имъ на минуту. И этотъ возвратъ къ пороку былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ не чувствовалъ надъ собою даже слабаго владычества отца. Робертъ началъ притѣснять свою мать. Онъ сыскалъ деньги, не предвидя конца сокровищамъ своимъ. Дѣйствительность убѣдила его въ противномъ. Вскорѣ увидѣлъ онъ, что блистательное наслѣдство оставленное ему отцомъ исчезало такъ быстро, что онъ рисковалъ остаться *нищимъ*. Эти горестныя виды на будущее, можетъ быть и ужасали его, но не могли заставить обратиться къ умѣренности. Его обыкновенные доходы далеко не покрывали издержекъ,

и его рука не дрогнула лишать необходимѣйшаго мать свою, для удовлетворенія грубымъ страстямъ своимъ. Такимъ образомъ, Робертъ достигъ 24-лѣтняго возраста. Однажды, поздно вечеромъ, возвращаясь домой, послѣ одной изъ самыхъ буйныхъ пирушекъ, съ головою разгоряченною винами нарами, Робертъ встрѣтилъ, въ пустынной улицѣ города, католическаго монаха, который былъ призванъ къ постели умирающаго. Одною изъ главныхъ отраслей распутства, въ то время и въ позднѣйшія времена, было осмѣяніе религіи и пренебреженіе къ духовенству. Робертъ, въ полномъ разгарѣ опьяненія, завидѣвъ издали бѣлое платье доминиканца, вздумалъ подшутить надъ нимъ.

Поровнявшись съ прохожимъ онъ схватилъ его за воротъ и сказалъ:

— Что ты таскаешься по почамъ, старая баба?

—Иди своею дорогою, сынъ мой, отвѣчалъ доминиканецъ, и имѣй уваженіе къ моему сану.

—Старая лисица, возразилъ Робертъ съ громкимъ хохотомъ, ты вѣрно не даромъ гуляешь такъ поздно!

—Не ругайся надо мною, отвѣчалъ доминиканецъ, именемъ Бога, приказываю тебѣ оставить меня!

—Какъ смѣешь ты мнѣ приказывать! закричалъ съ гнѣвомъ Робертъ. Знаешь ли ты бѣлокафтанникъ съ кѣмъ ты имѣешь честь говорить? я графъ Робертъ Кербушъ, и кто разъ слыхалъ мое имя, тотъ не забудетъ его никогда.

—И я знаю тебя, возразилъ съ важностію доминиканецъ, твой отвратительный развратъ гремитъ повсюду, какъ извѣстіе о язвѣ.

—Проклятіе! заревѣлъ Робертъ, я ставлю тебя молчать. И съ этими сло-

вами, коротенькой ножъ сверкнулъ въ его рукъ и вонзился въ грудь прохожаго. Доминиканецъ упалъ за-мертво на землю.

Первымъ дѣломъ Роберта, при видѣ окровавленнаго монаха, было спастись бѣгствомъ отъ могущаго случиться преслѣдованія.

На слѣдующее утро, по всему городу разнесся слухъ, что католическій монахъ былъ найденъ полумертвымъ на улицѣ, съ широкою ранною въ груди, но что доселѣ не извѣстно ничего обстоятельнаго о томъ, какъ это случилось, ибо доминиканецъ отъ слабости не могъ еще говорить. Впрочемъ надѣялись на его выздоровленіе и ожидали сего времени съ нетерпѣніемъ, дабы вывѣдать отъ него что нибудь, на счетъ имени, или наружности его убійцы. Положеніе Роберта было ужасно когда до него дошла сія вѣсть. Онъ думалъ, онъ былъ увѣренъ,

что ножь его нанесъ смертельную рану доминиканцу, и что, за недостаткомъ свидѣтелей, дѣло умереть вмѣстѣ съ несчастною жергвою его гнусныхъ страстей. И вдругъ, раненый возвращался къ жизни, чтобы предать его суду человѣческому. Что было дѣлать Роберту? Любекъ, въ которомъ всѣ уличные мальчишки знали его, былъ для него мѣстомъ слишкомъ опаснымъ. Надобно было бѣжать. Но куда? Въ раздумьи на счетъ того, что предпринять въ эту критическую минуту, Робертъ забралъ все, что было у него и у матери его наличныхъ денегъ, и отправился къ пристани, чтобы сѣсть на первый, отплывающій куда бы то нибыло, корабль. Въ то время, когда онъ пришелъ въ гавань, одинъ корабль готовился отплыть съ товаромъ въ Ревель. Не думая ни о чемъ, и радуясь счастливому случаю, представлявшемуся ему

для бѣгства изъ Любека, Робертъ, въ ту же минуту сговорился съ капитаномъ корабля, и черезъ два часа, судно на всѣхъ парусахъ поплыло къ сѣверо-востоку. Попутный вѣтеръ и хорошее устройство корабля, весьма способствовали быстрому плаванію. Погода была ясная. Робертъ, былъ одаренъ отъ природы, какъ бы для противоположности съ качествами души, прекрасной наружностію. Большіе черные глаза, доставшіеся ему въ наследство отъ матери, родившейся и взросшей подъ пламеннымъ небомъ Италіи, сверкали огнемъ знойнаго юга. Черные волосы волнистыми кудрями лежали по плечамъ и осыпали смугловатое лицо его. Большой ростъ и гордая поступь, перешедшія къ нему отъ отца, придавали всей его наружности какой то *com-
me il faut*, (выраженіе, которое самъ Пушкинъ призналъ не переводимымъ на нашъ

православный языкъ). Врожденная живость характера и веселость, часто поддѣльная, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, приобрѣли ему вскорѣ расположеніе всего экипажа. Онъ разгонялъ дорожную скуку своихъ товарищей веселыми пѣснями и расказами.

Однажды вечеромъ, когда они были верстахъ во ста отъ Ревеля и радовались скорому окончанію плаванія, они завидѣли два судна, плывущія на всѣхъ парусахъ съ необыкновенною быстротою. Имъ казалось, что суда бѣгутъ прямо на нихъ.

—Гей! Соломонъ, сказалъ капитанъ, обращаясь къ жида, находившемуся на кораблѣ, при одной партіи товаровъ, у тебя глаза зоркіе, посмотри-ка, что это за люди лѣзутъ какъ бѣшеные прямо на насъ.

—Сей часъ, *геръ капитанъ*, отвѣчалъ жидъ, и прищуриваясь сталъ пристально смотрѣть на плывущія суда.

—Ну чтожь? спросилъ капитанъ.

—И не знаю и не вѣдаю, отвѣчалъ жидъ.

—Столько-то и я знаю, проклятый Иуда, вѣдь ты самъ же хвасталъ, что съ перваго взгляду узнаешь какое судно видишь на горизонтѣ, съ чѣмъ оно, куда идетъ, кто капитанъ, . . . и сатана вѣдаетъ что ты еще говоришь.

Жидъ продолжалъ пристально смотрѣть и искривлялъ рожу, чтобъ устроить позорче свои глазные нервы. Вдругъ онъ перемѣнился вълицѣ, вытаращилъ брови, схватился обѣими руками за шапку и отчаяннымъ голосомъ закричалъ:

—О вай! о вай! это морскіе разбойники!

Капитанъ, не имѣвшій съ этими господами, по особенному благословенію Неба, никогда дѣла, глядѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Но вскорѣ слова Соломо-

на оправдались вполнѣ. Корабль, при всѣхъ усиліяхъ экипажа, не могъ подвигаться съ тою быстротою, съ какою набѣгали на него два судна. Прѣшло еще нѣсколько минутъ и одно изъ судовъ дало сильный залпъ по кораблю. Весь экипажъ встрепенулся, бросился къ оружію. Въ то время, оба разбойничьи судна подошли такъ близко къ кораблю, что можно было слышать разговоры, происходящіе на нихъ. Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ была жаркая. Робертъ, будучи хорошимъ стрѣлкомъ, повалилъ не одного непріятеля. Вскорѣ дѣло дошло до абордажа. Морскіе разбойники, какъ львы, бросились на экипажъ корабля и тогда начался ужасный рукопашный бой. Одинъ высокій ростомъ разбойникъ подошелъ къ капитану корабля. Капитанъ старался обороняться, но сильная рука противника схватила его поперегъ туловища и

въ одинъ мигъ перебросила черезъ бортъ. Кровь лилась рѣкою. Нападеніе и сопротивленіе были отчаянны: жажда богатой добычи и защита жизни одушевляли каждое лицо этой ужасной картины. Безжизненные трупы валились въ море. Когда начался рукопашный бой, Робертъ, видя, что сопротивленіе не спасетъ его, сталъ, прислонясь къ мачтѣ и сложа руки на груди. Какъ безчувственная статуя, какъ равнодушный зритель, не принимающій ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ о жизни и смерти, стоялъ онъ тамъ и смотрѣлъ съ спокойнымъ видомъ на убійство, какъ бы выжидая когда дойдетъ до него очередь. Въ это время проходилъ мимо него тотъ самый человекъ, который перебросилъ капитана черезъ бортъ. Увидя Роберта, онъ остановился и началъ разсматривать его съ головы до ногъ, какъ бы размѣривая ростъ его. Робертъ

стоялъ неподвижно и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Не смѣемъ утверждать, чтобы онъ внутренно былъ также спокоенъ какъ и наружно; сердце его билось сильно въ груди. Долго стоялъ разбойникъ передъ нимъ не говоря ни слова, но наконецъ прервалъ молчаніе:

—Скажи любезный, что стоишь ты какъ вкопанный и чего ждешь?

—Я жду конца этой рѣзни, отвѣчалъ спокойно Робертъ, хочу посмотреть, чѣмъ все это кончится.

—Но отъ чего же ты не дерешься?

—Отъ того, что я не имѣю привычки дѣлать чтонибудь напрасно.

—Но къ чему же все это поведетъ тебя?

—А вотъ къ чему. Если до конца драки меня никто не убьетъ и побѣда останется на вашей сторонѣ, я подойду къ вашему атаману и скажу ему: хочешь

ли ты имѣть меня въ своей шайкѣ, я не трусь и не слабъ тѣломъ? Если онъ мнѣ скажетъ: хочу, то я переберусь на ваше судно; если же онъ не захочетъ моей службы, такъ мнѣ еще будетъ время самому прыгнуть въ море, въ лапы къ чорту и къ его бабушкѣ.

—Ты вѣрно крѣпко надѣешься что твоя смуглая рожа понравится атаману.

—Какъ знать! отвѣчалъ Робертъ.

—А какъ тебя зовутъ пріятель, кто ты таковъ и какъ попалъ на этотъ корабль? спросилъ его разбойникъ.

—Зовутъ меня Робертомъ, отвѣчалъ тотъ, кто я таковъ, — я и самъ позабылъ, а попалъ я на этотъ корабль потому, что долженъ былъ бѣжать изъ моего города, боясь чтобы меня часа на два не повѣсили за то что мнѣ не удалось убить...

—Я тебя не понимаю, прервалъ разбойникъ, но теперь нѣкогда съ тобой

разговаривать. Съ этими словами разбойникъ приказалъ двумъ челоуѣкамъ связать ему руки и ноги, и бросить въ одно изъ ихъ судовъ. Поговорить успѣемъ послѣ, прибавилъ онъ, теперь не до того.

Бой продолжался короткое время. Разбойники, большіе въ числѣ и закаленные въ грабежахъ и убійствахъ, скоро управились съ малочисленнымъ экипажемъ, не пощадивъ ни одного кромѣ Роберта. Когда сраженіе кончилось, разбойники принялись переносить на свои суда товары съ корабля. Окончивъ эту работу, они отплыли, оставивъ пустой корабль на волю вѣтровъ и валовъ морскихъ. Когда они потеряли его изъ виду, разбойникъ, спасшій жизнь Роберту, приказалъ развязать его и привести къ себѣ.

— Ты стоишь передъ атаманомъ, сказалъ онъ ему, у котораго ты хотѣлъ спро-

сить хочеть ли онъ принять тебя къ себѣ въ шайку.

— Радуюсь отвѣчалъ Робертъ, что атаманъ нашъ такой статный мужчина.

— Ты ужъ говоришь *нашъ* атаманъ, какъ будто принадлежишь къ шайкѣ. Кто сказалъ тебѣ что я возьму тебя?

— Еслибъ ты не хотѣлъ взять меня, то не потратилъ бы даромъ веревокъ нужныхъ для перевязки тюковъ съ товарами, отвѣчалъ Робертъ совершенно спокойно.

— О! да ты малый смѣтливый, возразилъ разбойникъ, угадалъ мошенникъ! Я съ перваго взгляду увидѣлъ что ты давно продалъ душу чорту, а мнѣ такихъ то и надобно.

— Давно ли, нѣтъ ли, отвѣчалъ Робертъ, а твоя правда атаманъ, что нечистый кажется крѣпко держитъ насъ об-
ихъ.

Это не совсѣмъ понравилось атаману; онъ не имѣлъ самъ желанія принадлежать царю тѣмъ, хотя и былъ давно уже его крѣпостнымъ и набиралъ своихъ ребятъ изъ храбраго воинства его мрачности. Онъ перемѣнилъ разговоръ и просилъ Роберта рассказать ему пояснѣ исторію его жизни.

— Сказка коротка, отвѣчалъ Робертъ, но только объ имени не спрашивай; ты хоть и добрый человѣкъ, а чортъ тебя знаетъ, въ добрый часъ вздумается, такъ и продашь меня, а можетъ и не захочешь, да невзначай сдѣлаешь. По этой же причинѣ не спрашивай меня откуда я. Коли хочешь такъ, пожалуй расскажу остальное, а не хочешь,—въ морѣ много мѣста, бросай да и концы въ воду.

— Эге, братъ, возразилъ атаманъ, да ты зубастъ; да и зубы то у тебя съ воло-

сами. Говори что можешь, остальнымъ хоть подавись.

— Коли сказкой не подавлюсь, такъ два слова, имя мое, да имя города не бось помаслу пройдутъ. Тутъ Робертъ рассказалъ атаману всю жизнь свою. Атаманъ слушалъ со вниманіемъ и когда дѣло дошло до убіенія доминиканца, онъ не вытерпѣлъ и, схвативъ рукоять ножа своего, сказалъ:

— Чтобы чортъ высушилъ мнѣ правую руку, если я когда нибудь дамъ такой промахъ.

— Напейся пьянъ какъ я тогда былъ, такъ не бось и хуже случится. Трезвый то я съ тобой поспорю.

Разговоръ кончился тѣмъ, что атаманъ принялъ Роберта въ свою службу и, чтобы испытать его искусство, обѣщалъ отпустить его при первой экспедиціи въ море.

Суда прибыли благополучно на остров Эзель, мѣсто пребыванія корсаровъ. Распутныя наклонности Роберта здѣсь ему очень пригодились. Пить и ругаться былъ онъ мастеръ,—а эти два художества весьма высоко цѣнились у разбойниковъ. На всякой попойкѣ онъ былъ первый, во всякой дракѣ первый. Не одинъ разбойникъ, каснувшись на Роберта, получалъ отъ него значительныя наставленія кулакомъ или палкой, такъ, что атаманъ, въ шутку говаривалъ ему:

— Смотри, собачій сынъ, не сядь мнѣ на шею, ты что-то больно глядишь въ атаманы.

— Ужь коли быть мнѣ атаманомъ, отвѣчалъ Робертъ, такъ не въ этой шайкѣ.

Первая экспедиція отправилась въ море около мѣсяца спустя послѣ водворенія Роберта въ число корсаровъ. Она кон-

чилась также счастливо для разбойниковъ какъ и первая. Мужество, съ какимъ Робертъ дрался, заслужило ему полную похвалу атамана, который, въ знакъ благодарности, удѣлилъ ему кое-что изъ добычи.

— Хоть бы это и не слѣдовало, сказалъ онъ при томъ, да ужь чортъ съ тобой, ты молодецъ такъ вотъ тебѣ за первую попытку. Однако не жди всякой разъ, много будетъ. Скажи спасибо и за то, что я не приказалъ выпорожнить твои карманы когда взялъ тебя къ себѣ, а денегъ то въ нихъ вѣрно не мало было.

Не станемъ однако слѣдовать за Робертомъ во всѣхъ его подвигахъ, которыя болѣе или менѣе походили другъ на друга и не имѣютъ большей связи съ нашимъ рассказомъ. И такъ, не входя въ лишнія подробности скажемъ коротко, что Робертъ цѣлый годъ неутомимо слу-

жилъ въ шайкѣ, участвуя во всѣхъ ея дерзкихъ попыткахъ и оставался цѣль и невредимъ, даже въ самыхъ жаркихъ и отчаянныхъ сшибкахъ.

VIII.

АМАЛІЯ.

Онь бродячіе почлеги
И проказы старины,
Позабылъ для сельской пѣги
И домашней тишины.

А. Пушкинъ.

Среди грабежей и разбоевъ, Роберта тревожила однако довольно часто мысль, что онъ рожденъ для иной доли, что не душегубство и кража, суждены ему были при колыбели. Иногда думалъ онъ: какой будетъ всему этому конецъ? — И

тогда ужасный трепетъ овладѣвалъ имъ. Постыдная казнь графу Роберту Кербушу, человѣку, получившему отъ отца имя честное, возвеличенное, не только незапятнанное ни однимъ преступленіемъ, но украшенное доблестными подвигами па пользу и славу отчизны! И онъ, несчастный, своею постыдною жизнію, осмѣлился опорочить такое имя, и онъ не усумнился потопить такое славное имя въ мутномъ потокѣ разъяренныхъ страстей своихъ. Ужасно, думалъ онъ иногда, быть палачемъ своей чести! Ужасно, но нельзя болѣе этому помочь, для меня нѣтъ болѣе дороги ведущей къ честной жизни: для меня, она оканчивается,— плахой! По временамъ воспоминалъ онъ о покойномъ отцѣ своемъ, о матери, оставленной имъ безъ защиты, ограбленной имъ самимъ. Тогда, нѣчто въ родѣ раскаянія овладѣвало имъ. Эти благія мысли

приходя ему въ голову, заставляли однако только минутно трепетать его сердце и не могли заглушить въ немъ громкій голосъ разврата, пустившаго глубоко свои корни въ его нравъ.

Вскорѣ Робертъ, усердіемъ своимъ, приобрѣлъ довѣренность атамана, такъ, что сей послѣдній посылалъ его часто, вмѣсто себя, въ довольно трудныя экспедиціи.

Заграбленные разбойниками товары были продаваемы въ Ревель; но привозъ ихъ въ городъ и передача въ руки купцовъ, были сопряжены съ большими трудностями. Атаманъ шайки имѣлъ на сей конецъ знакомаго купца, которому и продавалъ, съ значительною уступкою, приобретенное цѣною крови. Робертъ, какъ сказано выше, войдя въ довѣренность своего начальника, не замедлилъ принимать участіе въ трудныхъ поѣздкахъ въ

Ревель, при провозѣ товаровъ и въ переговорахъ атамана съ кунцомъ.

Время текло между тѣмъ. Роберту надоѣло играть роль подчиненнаго. Пересчитавъ деньги, онъ нашель кассу свою довольно значительною и рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, отложиться отъ атамана. Случай скоро представился. Атаманъ скоропостижно умеръ. Не ожидавъ дѣлежа его имѣнія, которое не могло обойтись безъ кровопролитій, Робертъ, въ самый день смерти атамана, оставилъ Эзель и, съ тремя товарищами, захвативъ одно изъ судовъ шайки, поплылъ на островъ Врангельсгольмъ ¹⁰⁾ лежащій близъ береговъ Эстляндіи, недалеко отъ Ревеля. Въ бурную, октябрскую ночь прибылъ Робертъ, вторичный бѣглець, на островъ, въ то время почти пустынный, т. е. обитаемый весьма малымъ числомъ такихъ же корсаровъ какъ и онъ самъ. Надобно ска-

зать, что Робертъ, во время прежнихъ экспедицій своихъ, бывалъ на Врангельсгольмѣ и свелъ тамъ знакомство съ одной пятидесятилѣтней старухой, слывшей колдуньей, но уважаемой всеми, за предполагаемую въ ней силу призывать духовъ и располагать ихъ въ пользу начинаемаго предпріятія. Робертъ имѣлъ счастье чрезвычайно понравиться старухѣ. Теперь, вступая на берегъ, для него чужой, онъ рѣшился обратиться къ старой Ленѣ, чтобы, на первый случай, укрыться у нее отъ непогоды. Хижина, въ которой жила Лена, была построена на берегу моря. И такъ вышедъ изъ судна, и оставивъ на немъ двухъ товарищей своихъ, Робертъ, въ сопровожденіи третьяго, отправился къ вѣтхому домишкѣ Лены.

На стукъ его, проснувшаяся старуха спросила:

— Кто тамъ ?

— Старый знакомый, добрая Ленхень, отвѣчала Робертъ.

— Много васъ старыхъ знакомыхъ, безмозглыхъ бродягъ, возразила старуха хриплымъ голосомъ, какъ тебя зовутъ?

— Робертомъ.

— Я тебя не знаю, ступай своей дорогой.

— Неужели ты не помнишь меня? я еще два мѣсяца тому назадъ гостилъ у тебя и подарилъ тебѣ красный платокъ, съ желтыми цвѣтками.

— Ахъ, это ты Роби! Давно бы сказалъ душа моя, чтожь ты мокнешь на дождѣ, вишь какой льеть! да и вѣтромъ-то тебя бѣдняжку продуваетъ. Войди, войди, голубчикъ! И старуха, накинувъ на плечи, что попало въ руки, отворила дверь Роберту и его товарищу.

Островъ Врангельсгольмъ, своимъ поло-

женіемъ, весьма способствовали исполненію замысловъ Роберта и подобныхъ ему грабителей. Находясь на разстояніи не болѣе тридцати верстъ отъ берега и отъ Ревеля, островъ былъ близкимъ складочнымъ пунктомъ для отбитыхъ товаровъ, и привозъ ихъ на берегъ не представлялъ такихъ затрудненій, какъ привозъ изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, потому что безпрестанно поддерживаемыя сношенія съ берегомъ, поставляли разбойниковъ въ извѣстность на счетъ малѣйшей, предстоящей имъ опасности. Купецъ, которому прежній атаманъ Роберта передавалъ свои товары, сошелся скоро на этотъ счетъ и съ самимъ Робертомъ; такъ что всѣ эти обстоятельства, благопріятствуя новому предводителю шайки воровъ, вскорѣ поставили его въ возможность завести пѣсколько судовъ и спорить въ силѣ съ главными грабителями Финскаго залива.

Однажды, вскорѣ послѣ водворенія Роберта на островъ Врангельсгольмъ, узнавъ о большой партіи товаровъ, идущей въ Ревель, онъ снарядилъ свою команду и вышелъ съ нею въ море. Нѣсколько противный вѣтеръ замедлилъ его плаваніе и когда онъ достигъ пункта, на которомъ думалъ встрѣтиться съ купеческимъ кораблемъ, то увидѣлъ, что другой корсаръ предупредилъ его и управлялся съ экипажемъ корабля. Въ досадѣ, что такая славная добыча уходитъ у него изъ рукъ, Робертъ поклялся въ душѣ, отбить ее у собрата своего и, одушевляя гребцовъ своихъ, поплылъ прямо на сѣпвшіяся суда. Приблизившись къ нимъ, Робертъ закричалъ изо всей силы.

— Прочь, проклятыя собаки! Оставьте корабль!

Отвѣта не было. Робертъ еще нѣсколько разъ повторилъ свои слова, которыя также

оставались безъ отвѣта. Тогда, направивъ ходъ своего судна прямо на судно корсара, онъ пустился къ нему съ быстротою молніи и судно его стукнулось съ судномъ противника такъ, что многіе изъ людей не могли устоять на ногахъ. Экипажъ противника былъ весь на купеческомъ корабль. Робертъ, съ самыми рѣшительными людьми своими бросился на корабль. Тогда начался между разбойниками бой. Экипажъ корабля былъ уже весь умерщвленъ кромѣ одной молодой и прекрасной женщины, на которую, въ минуту нападенія Роберта, одинъ изъ разбойниковъ занесъ уже руку. Робертъ, увидя это, однимъ мѣткимъ ударомъ свалилъ его съ ногъ. Железная рука его безпрестанно раздавала смертельные удары. Товарищи не отставали отъ него. Такимъ образомъ, не прошло и десяти минутъ какъ Робертъ, потерявшій только двухъ изъ своихъ, о-

владе́ль кораблемъ, истребивъ всѣхъ противниковъ своихъ. Переноска товаровъ произведена была быстро. Робертъ приказалъ перенести на судно и молодую женщину спасенную имъ отъ смерти, которая лежала безъ чувствъ на палубѣ купеческаго корабля. Попутный вѣтеръ понесъ побѣдителей и ихъ богатую добычу къ Врангельскому. Дорогой, молодая женщина пришла въ себя. Первый вопросъ ея былъ: гдѣ я? что сомной дѣлается? Увидѣвъ возлѣ себя Роберта, она сказала ему:

— Это вы! мой спаситель?

— Ваши глаза не обманываютъ васъ, отвѣчалъ Робертъ, дѣйствительно мнѣ удалось спасти васъ отъ неминуемой смерти.

— Но гдѣ же отецъ мой, мои братья, моя бѣдная сестра? вы конечно спасли и ихъ.

— Къ несчастію, отвѣчалъ Робертъ, я подошёлъ слишкомъ поздно; весь экипажъ вашего корабля былъ уже истребленъ.

Слезы полились ручьями изъ глазъ бѣдной женщины.

— И такъ, я лишилась всѣхъ, я совершенно одна, и умоляющій взоръ ея черныхъ глазъ, вопрошалъ Роберта.

Тронутый такою глубокою грустію, Робертъ старался успокоить ее какъ могъ. Онъ спрашивалъ ее, не имѣетъ ли она какихъ либо другихъ родственниковъ, къ которымъ бы можно было ее доставить. Но она отвѣчала, что ухавъ съ отцомъ, съ братьями и съ сестрой изъ Гамбурга, въ намѣреніи поселиться совершенно на житье въ Ревель, она кромѣ потерянныхъ ею сегодня родственниковъ, не имѣла болѣе никого.

— Если такъ то позвольте вамъ предложить на первый случай пріютъ у ме-

ня; а тамъ посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать въ вашу пользу. Я живу на островѣ Врангельсгольмъ не богато, безъ роскоши, но подѣ моей крышей всегда найдется мѣсто для беззащитныхъ, покинутыхъ.

— Благородный человекъ, воскликнула молодая дѣвушка, какъ отблагодарю я васъ за ваше благодѣяніе.

Робертъ спросилъ ее объ ея имени. Она была дочь погибшаго купца Шенкрейца, по имени Амалія. Ей было отроду 19 лѣтъ.

Судно Роберта причалило къ острову. Робертъ, высадивъ на берегъ Амалію, отвелъ ее въ хижину старой Лены и поручилъ ее ей, сказавъ старухѣ нѣсколько словъ на ухо.

IX.

КУНЕЦЪ И МОНАХЪ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ то обстоятельство, которымъ, по порядку повѣствованія, должна начаться эта глава. Но, во первыхъ, дѣло такъ было, а во вторыхъ, обсудивъ предметъ хорошенько, можно дойти до того, что странность, могущая поразить въ первую минуту, совершенно исчезнетъ. Это обстоятельство есть родившаяся въ Робертъ и Амалію любовь другъ къ другу. Проходя молчаніемъ первое время ихъ

знакомства, мы застаемъ ихъ въ то время, когда Амалія, узнавъ уже ремесло Роберта, не смотря на это не можетъ подавить въ душѣ своей, раждающуюся страсть къ прекрасному корсару. Робертъ, съ своей стороны, пораженный красотою Амалии, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ пробужденіе давно уснувшихъ чувствъ любви, въ которыхъ Провидѣніе не отказываетъ ни одному смертному. Амалія продолжала жить у старой Лены, но видѣлась съ Робертомъ ежедневно. — У меня нѣтъ никого на свѣтѣ съ кѣмъ бы я была связана узами крови или дружбы, думала Амалія, я одна и нѣтъ у меня ни защитниковъ, ни покровителей. Я люблю Роберта! Кто знаетъ! можетъ быть любовь моя будетъ имѣть силу спасти его, обратить его на путь добродѣтели. Въ немъ лежитъ семя добра, но оно только заглохло, отъ возбужденныхъ обстоя-

тельствами страстей! Такими размышленіями оправдывала оставленная всѣми, безпріютная Амалія, свою страсть, которая при другихъ обстоятельствахъ можетъ быть показалась бы ей самой преступною. Не долго длилась неизвѣстность между Робертомъ и Амалией: дѣло дошло скоро до объясненій. Робертъ, любившій истинно въ первый разъ въ жизни, не смѣлъ обращаться съ Амалией, какъ онъ дѣлалъ прежде съ женщинами правившимися ему.

Онъ приступилъ къ Амалии, со всею робкостію неопытнаго любовника, съ предложеніемъ руки своей. Амалія, не скрывая отъ него чувствъ своихъ, объявила ему, что согласится быть подругою его жизни, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на вѣкъ отказался отъ гнуснаго ремесла своего.

— Я согласна жить съ тобою гдѣ ты

захочешь, прибавила Амалія, но не иначе, какъ если ты отнынѣ же дашь мнѣ клятвенное обѣщаніе забыть прежнее житье твое и сдѣлаешься мирнымъ гражданиномъ.

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, Робертъ, подстрекаемый пламенной любовью своей, согласился исполнить желаніе Амаліи.

—Грузъ корабля, на которомъ погибъ отецъ твой, сказалъ онъ Амаліи, будетъ твоимъ приданымъ, я продамъ его въ Ревель и мы будемъ жить вырученными за него деньгами и небольшимъ состояніемъ, которое я имѣю.

Такимъ образомъ, Робертъ и Амалія вступили въ супружество. Мѣстомъ пребыванія своего выбрали они Врангельсгольмъ, потому что Робертъ не могъ считать себя совершенно безопаснымъ въ Ревель, куда часто пріѣзжали Любек-

скіе купцы, которые могли узнать въ немъ убійцу доминиканца.

Четыре года наслаждались они тихою супружескою жизнію. Робертъ забывъ свои прежнія наклонности, находилъ наслажденіе въ безмятежномъ семейномъ счастіи и каждый день благодарилъ судьбу, наградившую его не по заслугамъ. Одного не доставало имъ для полного блаженства на семъ свѣтѣ, и, казалось, судьба хотѣла дать почувствовать Роберту, что ему нельзя считать на совершенное счастіе, что онъ долженъ чѣмъ нибудь искупить прежнія свои преступленія: у нихъ не было дѣтей. Слабое здоровье Амаліи не подавало къ тому никакой надежды и въ будущемъ.

По истеченіи четырехъ лѣтъ, Робертъ, поддерживавшій тайныя сношенія съ Любекомъ, узналъ, что мать его, графиня Кербушъ, опасно больна, что медики отчаява-

ются въ ея выздоровленіи и осуждаютъ ее на близкую кончину. Раскаяніе овладѣло душою Роберта; его мучила мысль, что мать умретъ не простивъ его. Онъ рѣшился ѣхать въ Любекъ и увидѣться съ матерью своею, въ предсмертный часъ ея. Амалія, какъ ни горестно было ей разстаться съ своимъ мужемъ, не смѣла удерживать его и въ душѣ благословляла Провидѣніе, вложившее въ душу Роберта такое полное раскаяніе: она видѣла въ немъ залогъ твердости и непоколебимости возвращенія его къ добродѣтели. Одно обстоятельство представляло нѣкоторое затрудненіе. Робертъ не могъ возвратиться скоро. Что сдѣлать съ Амаліей?—Оставить ее на островѣ Врангельсгольмѣ, казалось неблагоразумнымъ; она не была въ безопасности въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, одно извѣстное всѣмъ мужество Роберта, защищало ихъ отъ нападеній безпокой-

ныхъ жителей Врангельсгольма. Надобно было перевезти Амалію на твердую землю. Но кому поручить ее? Въ этомъ раздумьи, Робертъ вспомнилъ о купцѣ, которому онъ, во время оно, продавалъ заграбленные товары. Остановившись на этой мысли, какъ на единственной представлявшейся ему, Робертъ сообщилъ ее Амаліи и отправился въ Ревель.

Купецъ жилъ въ узкой Дункеровой улицѣ. Робертъ засталъ его одного. Купецъ, при видѣ бывшаго разбойника, являющагося къ нему среди бѣлдня, испугался.

—Какой чортъ, носить тебя къ честнымъ людямъ? закричалъ онъ на встрѣчу, входящему Роберту. Ты хочешь погубить меня! Что скажутъ въ городѣ когда узнаютъ что ко мнѣ ходитъ морской разбойникъ?

—Успокойся, я ужь давно бросилъ

свое прежнее ремесло, я пришелъ къ тебѣ совсѣмъ за другимъ дѣломъ.

—Да ктожь знаетъ, что ты перестала воровать, вѣдь у тебя на лицѣ это не написано: чего хочешь ты отъ меня? Постои, войди въ эту комнату, тамъ мы запрямся, чтобъ кто нибудь не засталъ насъ.

Купецъ отворилъ дверь въ сосѣдную комнату и, вошедъ въ нее съ Робертомъ, заперся въ ней съ нимъ на ключъ.

Робертъ объявилъ ему, что важныя дѣла призываютъ его въ Любекъ и что онъ проситъ его, на время своей отлучки, дать убѣжище въ его домъ Амаліи.

—Помилуй Робертъ, возразилъ купецъ, ты съ ума сошелъ! чтобъ я, честный купецъ, принялъ къ себѣ въ домъ жену разбойника, да я буду потерянный человѣкъ!

—Что касается до твоей честности, отвѣчала Робертъ, то я объ ней съ тобою спорить не буду, хотя не знаю чему обязанъ я знакомствомъ съ тобою, если не пороку, совершенно противоположному той добродѣтели, которою ты хвалишься. Но я не вижу никакой опасности для чести твоего имени, если ты примешь на время въ домъ свой жену мою, которую здѣсь никто не знаетъ. Ты можешь выдать ее за кого хочешь.

—Все это прекрасно, отвѣчалъ купецъ, но я не понимаю Робертъ, какъ ты, при всемъ твоёмъ умѣ, не видишь въ этомъ дѣлѣ никакой для меня опасности. Ты знаешь, что ваши Врангельсгольмскіе голубчики бываютъ часто у меня: они вѣрно всѣ знаютъ жену твою. Не трудно будетъ имъ когда нибудь увидѣть ее...

—И чтожь тогда? прервалъ его Робертъ.

—Чтожь тогда? Вижу я, что умные люди бываютъ часто недогадливы. Развѣ можно привязать имъ языки? проболтаются какъ разъ и тогда я пропадшій человекъ.

—Я вижу, что ты будешь находить затрудненія до тѣхъ поръ, пока я не покажу тебѣ золота, жидовская душа.

—Конечно, отвѣчалъ купецъ, за деньги можно рискнуть кое-что, но за это дѣло дешево взять нельзя. Богъ знаетъ сколько времени ты будешь въ отлучкѣ!

—О! жадная душа, отвѣчалъ Робертъ, ты знаешь, что мнѣ нѣтъ другаго средства оставить въ безопасности жену мою, и потому готовъ требовать отъ меня за услугу моей жизни.

—Богъ съ ней, возразилъ купецъ, что мнѣ съ ней дѣлать, на твою голову найдутся и безъ меня охотники, а денежки твои, дѣло другое.

—Хорошо, хорошо, но я теперь не могу дать тебѣ много денегъ, потому что нуждаюсь въ нихъ самъ для поѣздки, а по приѣздѣ моемъ,— ты знаешь, что я не бѣденъ, дѣтей у меня нѣтъ, я заплачу тебѣ, что ты потребуешь.

—Прекрасная мысль, возразилъ купецъ, у тебя нѣтъ дѣтей, откажи мнѣ имѣніе твое и я наличныхъ не буду все просить у тебя. Родныхъ у тебя никого нѣтъ; такъ кто же по смерти твоей и твоей жены будетъ пользоваться твоимъ добромъ, лучше отдать его мнѣ, нежели бросить на растерзаніе собакамъ.

—Разсужденіе очень здравое отвѣчалъ Робертъ, а если у меня будутъ дѣти? что тогда?

—Оно хоть и невѣроятно отвѣчалъ купецъ, но на всякой случай, мы условимся такъ, что въ случаѣ если ты оставишь по себѣ наследниковъ, то они будутъ

обязаны выплатить мнѣ третью часть имѣнія.

Робертъ задумался. Онъ зналъ купца за человѣка непреклоннаго. Мысль о томъ, что онъ будетъ когда нибудь имѣть дѣтей, хотя и ласкала иногда его воображеніе, но онъ болѣе считалъ это дѣломъ невозможнымъ. Съ другой стороны, думалъ онъ, для безопасности жены я могу лишить дѣтей моихъ части того имѣнія, которое пріобрѣлъ я самъ, а не получилъ въ наслѣдство отъ родителей. Долго размышлялъ онъ, стараясь выдумать какое либо другое средство, но его не было.

— По рукамъ, 'сказалъ онъ купцу, завтра привезу я къ тебѣ жену мою и при ней одну старушку, по имени Лену, которая будетъ служить ей вѣрою и правдою; смотри же, береги мое сокровище и награда за твои труды рано или позд-

но достанется тебѣ, или твоимъ наслѣдникамъ.

Заключивъ условіе на бумагѣ Робертъ отправился домой.

На другое утро, Амалія и старая Лена вѣхали въ домъ купца. Робертъ осмотрѣлъ ихъ помѣщеніе, простился съ Амаліей и сѣлъ на корабль отплывавшій въ Любекъ.

Не станемъ слѣдовать за нимъ во время его весьма благопріятнаго плаванія. Посмотримъ лучше, какъ онъ, переодѣвшись, крадется по улицамъ Любека въ домъ матери своей.

Подошедъ къ дому, въ которомъ онъ родился и гдѣ жила мать его, Робертъ, съ неописуемымъ трепетомъ, смотрѣлъ на знакомыя ему окна и двери, и по наружности дома, старался угадать, что въ немъ происходитъ. Онъ долго стоялъ у дома, не смѣя и незная какъ ему въ него войти,

Были сумерки. Не спуская глазъ съ дверей, Робертъ увидѣлъ выходящаго изъ нихъ слугу, въ которомъ онъ немедленно узналъ прежняго своего дядьку. Не думая ни о чемъ, Робертъ подошелъ къ старику и спросилъ его.

—Каково здоровье графини?

—Плохо, плохо, очень плохо, отвѣчалъ слуга разсѣянно.

—Такъ она еще жива? вскричалъ въ восторгъ Робертъ, забывая свой инкогнито; слава Всевышнему!

Слуга, пораженный голосомъ Роберта, взглянулъ на него пристально и сказалъ:

—Еслибъ вы не благодарили Всевышняго, я бы подумалъ, что передо мной стоитъ молодой графъ. Но онъ не имѣлъ привычки поминать Бога.

—Это я, точно я, добрый Фридрихъ, сказалъ ему на ухо Робертъ, я съ пол-

нымъ раскаяніемъ пришелъ просить прощенія у матери моей.

—Боже мой, проговорилъ сквозь слезы Фридрихъ, взявъ Роберта за руку, это вы точно сударь! ради Бога войдите со мною, я боюсь чтобы васъ не узнали.

Фридрихъ ввелъ Роберта въ домъ. Они долго разсуждали, какъ бы доставить молодому графу свиданіе съ матерью такъ чтобы другіе люди въ домъ не знали о томъ. Наконецъ Фридрихъ сказалъ ему:

—Знаете графъ, какъ лучше всего сдѣлать? кормилица ваша Марья служитъ теперь барынѣ, она будетъ молчать, зная какъ можетъ повредить, если проболтается. Надобно будетъ сказать ей, что вы здѣсь, пусть она приготовитъ графиню къ свиданію съ вами.

Робертъ согласился. Черезъ часъ старикъ Фридрихъ пришелъ извѣстить Роберта, что графиня, съ неописанной радо-

стію узнала о его прибытіи и съ нестерпѣніемъ ждетъ его. Черезъ потаенную лѣстницу ввели Роберта въ спальню графини. Комната была слабо освѣщена ночникомъ. Старушка лежала на постели и простирала дрожащія свои руки, къ ожидаемому ею сыну.

— Робертъ!

— Матушка!

И сынъ лежалъ въ объятіяхъ матери. И слезы ихъ лились обильными ручьями, и согрѣтыя любовью души ихъ сливались во едино.

Старушка, отъ слабости и внутренняго волненія, не могла говорить. Робертъ горячими устами лобызалъ ея руки и вскричалъ:

— Матушка! Простите меня! Матушка, простите меня!

— Прощаю, произнесла задыхаясь отъ слезъ, старушка. Трогательная сцена при-

миренія раскаявающагося сына съ умирающею матерью была прервана приходомъ Марьи, объявившей, что пришелъ священникъ приобщать ея Святыхъ Таинъ.

Старушка изъявила желаніе, чтобы сынъ ея присутствовалъ при совершеніи сего Таинства. Но, чтобы его никто не видѣлъ, велѣла ему стать за занавѣсью которою была задернута дверь въ сосѣдную комнату.

Священникъ вошелъ. Онъ извинялся передъ старушкой, что товарищъ его, духовникъ ея, болѣнъ и что онъ, вмѣсто него, пришелъ причастить ея. Прочитавъ нѣсколько молитвъ, священникъ приступилъ къ исповѣди. Въ комнатѣ не было никого. Старушка отвѣчала ему едва внятнымъ голосомъ.

Помиритесь со всѣми, сказалъ священникъ, простите всѣхъ, кто согрѣшилъ передъ вами, простите сына вашего!

—О! я его уже простила, отвѣчала старушка, оживившись.

—Забудьте все, что онъ по заблужденію сдѣлалъ дурнаго, простите ему искренно, такъ какъ и я прощаю ему его преступленіе противъ меня.

—Такъ это вы? спросила старушка, устремивъ на него испытующій взоръ.

—Да, отвѣчалъ священникъ, я былъ жертвою. . .

—Боже мой! онъ. . .

Старушка недоговорила. Въ эту минуту что то тяжелое упало на полъ; занавѣсъ пошатнулась. Графиня испустила духъ. Робертъ лежалъ за занавѣсью безъ памяти.

Когда Робертъ пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ стоящаго передъ собою доминиканца.

—Что со мной было? спросилъ Робертъ, смутно припоминая предъидущее,

гдѣ мать моя? . . . . Святой отецъ прости преступника!

—Успокойтесь, отвѣчалъ священникъ, прощаю васъ, вижу ваше раскаяніе. Искреннее, полное сознаніе грѣховъ вашихъ можетъ снискать вамъ и милосердіе Божіе; надѣйтесь и молитесь!

—О Боже! Боже! воскликнулъ Робертъ благодарю тебя! Святой отецъ, позвольте мнѣ пойти къ моей матери.

—Ее уже не стало, отвѣчалъ священникъ, Богу угодно было призвать ее къ себѣ.

Доминиканецъ взялъ Роберта за руку и повелъ его въ комнату, гдѣ лежало тѣло графини. Въ отчаяніи бросился Робертъ обнимать охлаждающій трупъ матери и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за часъ передъ симъ, въ восторгѣ свиданія, онъ проливалъ слезы радости, его глаза разражались потокомъ горькихъ слезъ о невозвратной потерѣ.

—Молодой человекъ, сказалъ, подошедъ къ нему, доминиканецъ, ваша жизнь въ опасности, пока вы будете оставаться въ этомъ домѣ. Я не хочу быть вашимъ предателемъ, спасайтесь какъ можно скорѣе.

Робертъ сначала не соглашался оставить такъ скоро, едва остывшій трупъ матери, но усиленные просьбы и наконецъ настоятельныя требованія доминиканца, убѣдили его искать снова спасенія въ бѣгствѣ. Обнявъ еще разъ безжизненное тѣло матери и простившись съ благороднымъ доминиканцемъ, Робертъ оставилъ домъ столь дорогой его сердцу. Въ грустныхъ размышленіяхъ шелъ онъ по улицамъ Любека. Было утро. Робертъ, переодѣтый, какъ сказано выше, не боялся быть узнаннымъ и потому пустился къ гавани, какъ къ единственному мѣсту, гдѣ могло представиться средство къ

быстрому побѣгу. Все благопріятствовало Роберту. Онъ нашелъ въ купеческой гавани корабль готовый, черезъ нѣсколько часовъ, отплыть въ Ревель. Въ то время, когда онъ уговаривался съ капитаномъ, къ сему послѣднему подошелъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, въ которомъ Робертъ узналъ одного изъ прежнихъ товарищей своихъ пирушекъ въ Любекѣ. Онъ сказалъ капитану что-то на ухо и удалился. Капитанъ продолжалъ разговоръ свой съ Робертомъ, какъ вдругъ вошла въ гавань стража и окружила Роберта. Начальникъ стражи громко сказалъ:

—Арестую графа Роберта Кербуша, обвиненнаго въ намѣреніи умертвить монаха доминиканскаго ордена, за семь лѣтъ тому назадъ въ городской улицѣ!

Въ слѣдствіе сихъ словъ стража повела Роберта изъ гавани въ городскую

тюрьму. Его судили и присудили къ смертной казни, но, по усиленной просьбѣ доминиканца, увѣрявшаго, что Робертъ обратился уже на путь добродѣтели, наказаніе смягчено и замѣнено пожизненнымъ заключеніемъ.

Сидя въ темницѣ, Робертъ погруженъ былъ, какъ то легко можно себѣ вообразить, въ мучительную грусть. Недавняя смерть матери, угрызения совѣсти, неизвѣстность на счетъ участи жены его и наконецъ невозможность свиданія съ нею, мучили его до крайности. Это страшное томленіе продолжалось около года. Робертъ чувствовалъ, что сердце его раздиралось, разрушало и физическія силы его. Цѣлый годъ заключенія состарѣлъ его десятью годами. Терпѣніе его наконецъ лопнуло. Онъ подкупилъ стража темницы и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ. Море было для него закрыто, и потому онъ вы-

нужденъ былъ спасаться сухимъ путемъ. Цѣлю его бѣгства былъ разумѣется Ревель: свиданіе съ возлюбленной женою влекло его всею силою страсти сильной. После долгаго, труднаго путешествія, прибылъ онъ въ Ревель, въ сопровожденіи бѣжавшаго съ нимъ стража. Первымъ дѣломъ его было посѣтить домъ купца, заключавшій въ стѣнахъ своихъ драгоценнѣйшее его сокровище.

—Здравствуй, сказалъ онъ купцу, встрѣтивъ его въ первой комнатѣ, я пришелъ развязать тебѣ руки, пришелъ за женой моею, гдѣ она?

Купецъ молчалъ.

—Гдѣ она? Поведи меня къ ней, дай мнѣ скорѣе обнять ее.

—Ее нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ купецъ.

—Гдѣ-жь она? поганый жидъ, закричалъ съ яростію Робертъ, куда дѣлъ ты ее окаанный?

—Ее нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ купецъ, Богъ призвалъ ее къ себѣ.

—Умерла, заревѣлъ Робертъ, умерла!

—Да, отвѣчалъ купецъ. Вотъ ужъ скоро пять мѣсяцевъ, что я похоронилъ ее.

Отчаяніе Роберта, при этомъ убійственномъ извѣстїи, невыразимо. Онъ рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ купца, проклиналъ старую Лену, укорялъ ихъ въ небреженїи. Дѣлать было нечего, потеря была невозвратима. Купецъ и Лена утверждали, что причиною смерти Амалїи была грусть о продолжительномъ отсутствїи мужа и неизвѣстность на счетъ постигшей его судьбы.

По минованїи первыхъ порывовъ отчаянїя, Робертъ, не находя болѣе ни въ чемъ утѣшенїя, рѣшился прибѣгнуть къ благодати Божїей и посвятить остатокъ дней своихъ раскаянїю. На сей конецъ

вступилъ онъ, въ существовавшей тогда въ Ревелѣ монастырь черныхъ монаховъ (Schwarzmonche).

Это было въ Декабрь 1518 года. Удалившись такимъ образомъ отъ свѣта и его тревоженїй, Робертъ, издерживая весьма мало денегъ, увеличивалъ съ каждымъ годомъ значительное состоянїе свое. Мы должны сказать, соображаясь съ истиною, что Роберту тогда досадно было передать все, остающееся послѣ него, въ руки человѣка, къ которому онъ не чувствовалъ ни малѣйшей привязанности. Скорѣе отказалъ бы онъ имѣнїе свое въ пользу монастыря, но дѣлать было нечего, условїе было положительное. Нѣсколько лѣтъ Робертъ велъ тихую жизнь въ стѣнахъ монастыря, забывая все житейское; какъ вдругъ реформація Лютера, проникнувъ въ Эстляндію, начала сильно потрясать католическіе обители. Рефор-

мація, водворившаяся въ Эстландіи, почти незамѣтно, безъ всякихъ сильныхъ сотрясеній въ обществѣ, была ощутительна для монастырей. Въ 1525 году Ревельскій магистратъ, обвиняя черныхъ монаховъ въ невѣрности, въ тайныхъ, вредныхъ для реформы, сношеніяхъ съ Папою, приказавъ имъ очистить монастырь¹¹). Монахамъ было оставлено на выборъ: или покинуть Ревель, или остаться въ немъ сложивъ съ себя монашеское одѣяніе и перейдя въ лютеранскую вѣру. Робертъ, будучи привязанъ къ Эстляндіи воспоминаніями мгновеннаго минувшаго счастья, выбралъ послѣднее. И вотъ онъ снова сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ.

Излишнимъ считаемъ описывать подробно житье-бытье Роберта, по выходѣ его изъ монастыря. Скажемъ только, что онъ велъ жизнь тихую, незамѣтную. Однажды, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ,

въ Олаевской церкви случайно увидѣлъ онъ молодую дѣвушку, живо напомнившую ему его покойную жену. Эта дѣвушка была Альбертина. Освѣдомившись о ней, онъ узналъ, что она была сирота. Вспомнивъ, что Амалія говорила ему о маленькой сестрѣ, которую она считала погибшею на кораблѣ, вмѣстѣ съ отцомъ ея, Робертъ полагалъ возможнымъ и весьма вѣроятнымъ, что Альбертина была никто иначе какъ сестра Амаліи. Это поразительное сходство Альбертины съ его женою, было причиною родившейся въ Робертѣ страсти къ Альбертинѣ. Онъ началъ слѣдовать за нею повсюду. Читателю извѣстно, какъ онъ, подъ названіемъ старика, въ семь повѣствованій, преслѣдовалъ Альбертину.

Купецъ, о которомъ была рѣчь въ сей главѣ, есть никто иной, какъ старшій знакомецъ нашъ Шредеръ.

X.

Ж Е Н И Х Ъ.

Чась отъ часу пльвепный болъ
 Красами Ольги молодой,
 Владимірь сладостной неволъ
 Предался полною душой.

А. Пушкиль.

Окончивъ, такимъ образомъ, исторію жизни одного изъ дѣйствующихъ лицъ сего повѣствованія, мы можемъ продолжать прерванный разсказъ.

Когда Альбертина оставила залу гильдейскаго дома, въ 8 часовъ вечера, какъ то извѣстно читателю, свадебный пиръ

быль въ полномъ разгарѣ. Танцы смѣня-ли угощенія, угощенія смѣняли танцы; но не должно думать, чтобы эти угощенія, соотвѣтствуя требованіямъ теперешнихъ салоновъ, заключались въ прохладительныхъ лимонадахъ, конфектахъ и мороженомъ: кое-какія сласти и многое множество крѣпкаго пива и меду, замѣняли все то, чѣмъ нынѣ щеголяютъ холлева нарядныхъ гостиныхъ. Множество замѣняло качество, и разливное море пива довело гостей до повторенія всего того, что мы видѣли во время предшествовавшаго вечерняго пира.

Было около девяти часовъ вечера, когда одинъ изъ прислужниковъ, подошедъ къ Шерцвальду, сказалъ ему что-то на ухо. Старикъ тотчасъ вышелъ изъ залы. Тонкій наблюдатель, могъ легко прочесть на лицѣ его изображеніе тревожнаго состоянія души его. Въ сосѣдней комнатѣ

ожидала Шерцвальда, полуживая наставница Агнесы. Беспорядокъ ея одежды, блѣдность лица, легко дали уразумѣть Шерцвальду, что съ ней случилось, что иибудь неожиданное, неприятное.

— Что съ вами? спросилъ онъ ее.

— Ахъ, геръ баронъ, отвѣчала, едва слышимымъ голосомъ, старушка, странныя, странныя вещи случаются иногда.

— Что такое, что сдѣлалось? спрашивалъ Шерцвальдъ.

— Странныя, ужасныя вещи, геръ баронъ, какъ вспомню, такъ волосы становятся дыбомъ.

— Да, чтожь такое? говорите ради Бога!

— Языкъ не поворачивается баронъ, колдовство, злодѣйство!

— Что бы у васъ языкъ отсохъ на вѣкъ, если вы мнѣ не расскажете все сію же минуту, сказала Шерцвальдъ, рѣшительнымъ голосомъ.

— Я упала съ лошади, геръ баронъ, отвѣчала старушка замирающимъ голосомъ.

— Только-то и есть, отвѣчала Шерцвальдъ съ досадою, стоило пугать меня изъ такого вздора.

— Ахъ! еслибъ это было все, я благодарилъ бы Бога, отвѣчала старушка, еслибъ я сломала себѣ обѣ руки и ноги, все бы не бѣда, да...

— Чгожь еще? говори скорѣе, старая баба, громко произнесъ Шерцвальдъ. Не случилось ли чего съ Альбертиной?

— Не смѣю выговорить, съ ней-то и случилось несча...

— Гдѣ жъ она? гдѣ жъ она?

— Ее нѣтъ, геръ баронъ, она...

— Умерла! заревѣлъ Шерцвальдъ.

— Не знаю, не думаю, пропала безъ вѣсти.

Тутъ старушка рассказала Шерцвальду происшествіе вечера и вмѣстѣ съ нимъ

дивилась, не понимал, что могло произойти съ бѣдной Альбертиной.

—Когда они ускакали, прибавила старушка, я, оправившись отъ перваго испуга поднялась на ноги и кое-какъ добрела сюда. Лишь только я успѣла встать, меня чуть-чуть не задавили трое верховыхъ которые во весь духъ неслись по тому же направленію.

Перебирая въ умѣ своемъ всѣхъ тѣхъ, кто бы могъ увезть Альбертину, Шерцвальдъ остановился на двухъ. Бергшильдъ или Иксуль, думалъ онъ; но Бергшильдъ лежалъ больной, отъ полученной имъ вчера раны, а Иксуль... нѣтъ, думалъ Шерцвальдъ, онъ хотя и заглядывался на мою Альбертину, но онъ слишкомъ благороденъ, чтобы рѣшиться на такой поступокъ, и къ чему? Однако Шерцвальдъ, оправившись отъ перваго волненія, вошелъ въ залу и началъ отыскивать, въ

толпѣ пирующихъ, рыцаря Иксуля. Напрасно глаза его пробѣгали толпу,—Иксуля не было въ залѣ. Подозрѣніе старца усилилось. Онъ подошелъ къ Тарсбаху и спросилъ его, гдѣ Иксуль. Тотъ отвѣчалъ ему, что уже съ часъ не видитъ его и полагаетъ, что онъ уѣхалъ домой. Посланный вернулся, объявивъ, что рыцарь не возвращался домой. Чрезъ нѣсколько времени, настоятельница монастыря Елизавета Таубе, прислала узнать, отчего Альбертина не вернулась еще въ монастырь. Между тѣмъ, слухъ о происшествіи случившемся съ Альбертиной разнесся по залѣ. Злые языки, въ которыхъ нигдѣ и ни въ какія времена нѣтъ недостатка, подтверждали предположеніе Шерцвальда, что Иксуль увезъ Альбертину, добавляя все это комментаріями, увѣряя, что безъ сомнѣнія Иксуль и Аль-

бертина *согласились* убѣжать. Нѣкоторые, вспоминали слова Бергшильда, за котораго сей послѣдній, вчера вечеромъ, дралися съ Икскулемъ и находили ихъ справедливыми. Тарсбахъ, слышавшій со всѣхъ сторонъ неблагопріятные отзывы объ Икскулѣ, сначала защищалъ своего друга словами, но видя, что это не помогаетъ, вынужденъ былъ, зажимать рты словоохотныхъ мечемъ. Шерцвальдъ не зналъ что думать. Ему трудно было отказать отъ прежняго мнѣнія своего объ Икскулѣ, но, къ несчастію, всѣ обстоятельства дѣла клонились къ его обвиненію. Въ оправданіе же его нельзя было ничего привести инаго, кромѣ рыцарской чести его. Но по тогдашнему образу мыслей, такого рода поступки казались, только въ глазахъ весьма не многихъ, предосудительными; масса считала ихъ доказательствомъ умѣнья нравиться, доказатель-

ствомъ храбрости и молодечества. Отнять у честной дѣвушки ея доброе имя, сдѣлать изъ нея наложницу, считалось удалствомъ похвальнымъ, стоящимъ удивленія и подражанія. А бѣдная Альбертина была къ тому же сирота и по всѣмъ вѣроятіямъ не дворянка. Туда ей и дорога! По этому легко понять, что Шерцвальдъ не могъ съ большою силою отстаивать, у самаго себя, доброе мнѣніе объ Икскулѣ. Не отчаяваясь однако отыскать Альбертину онъ разослалъ нѣсколькихъ гонцовъ, приказавъ имъ наизощайше, приложить все стараніе къ открытію слѣдовъ пропавшей Альбертины. Волненіе въ залѣ безпрестанно усиливалось. Пивные пары кружили головы благородныхъ рыцарей. Безумные тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Многіе пили на успѣхъ предпріятія Икскуля. Агнеса встревоженная неожиданнымъ грустнымъ

извѣстїемъ, не знала чѣмъ утѣшиться въ горести своей и рыдая просила у отца ободренїя. Старикъ не зналъ что отвѣчать. Тарсбаху часъ отъ часу становилось труднѣе справляться съ наглецами, отпускаящими неблагопристойныя шутки на счетъ Искуля и Альбертины. Шерцвальдъ старался унимать поединки; напоминалъ рыцарямъ ихъ клятвенное обѣщаніе сохранять тишину и спокойствіе, во время свадебныхъ пировъ; но его слова только разжигали болѣе и болѣе взволнованную пивомъ кровь рыцарей. Уже Тарсбахъ оканчивалъ третій поединокъ, оставаясь по трезвости своей побѣдителемъ, какъ вдругъ дверь въ залу отворилась и въ ней показался.... Искуль держа подъ руку Альбертину. Всеобщее молчаніе мгновенно воцарилось въ залѣ, всѣ взоры обратились къ двери. Искуль, оглянувшись во всѣ стороны, какъ

бы ища кого то глазами, твердымъ шагомъ прошелъ черезъ всю залу и, подошедъ къ Шерцвальду, остановился передъ нимъ. Всѣ молчали, въ ожиданіи чѣмъ кончится эта сцена.—Альбертина, увидѣвъ Шерцвальда, оставила руку Искуля и бросилась въ объятїя своего нареченнаго дяди и Агнесы. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Испугъ, причиненный ей недавними, страшными происшествїями, виднѣлся еще въ чертахъ лица ее.

—Что съ тобой сдѣлалось? гдѣ ты была? спрашивалъ ее Шерцвальдъ.

Но Альбертина, взволнованная всѣмъ, что случилось съ нею, отвѣчала на вопросы своего благодѣтеля слезами.

—Позвольте мнѣ отвѣчать за Фрейлейнъ Альбертину, сказалъ Искуль, и объяснить вамъ какъ все было.

Слушайте, слушайте, раздалось въ раз-

ныхъ концахъ залы, Иксуль начинаетъ говорить.

—Посмотримъ, что онъ за сказки станетъ сочинять, говорили другіе.

—Не сказки, а истинную правду скажу я здѣсь, говорилъ Иксуль, въ отвѣтъ на послѣднія слова, дошедшія до его слуха.

—Говорите благородный рыцарь, сказалъ Шерцвальдъ, растолкуйте намъ странное приключеніе.

—Разсказъ мой будетъ весьма коротокъ, отвѣчалъ Иксуль. Когда Фрейлейнъ Альбертина ушла изъ залы, я собрался также домой. Садясь на коня, я увидѣлъ, что Фрейлейнъ Альбертина, съ своими провожатыми, поѣхала совсѣмъ въ другую сторону, т. е. не по улицъ, ведущей къ Систертинскому монастырю. Меня это удивило. Любопытство заставило меня послѣдовать за нею.

—Странно, раздалось въ залѣ, какое дѣло рыцарю Фонъ Иксулю до того, куда ѣдетъ едва знакомая ему дѣвушка?

—Это не чисто!

—Что-то не похоже на правду! Любопытство! . . .

—Ужъ вѣрно не любопытство, а чтонибудь другое! Такого рода возгласы посыпались со всѣхъ сторонъ.

—Кто осмѣливается подозрѣвать меня во лжи, громко отвѣчалъ Иксуль, тотъ стань передо мной лицомъ къ лицу и скажи мнѣ это въ глаза. А впрочемъ, прошу дослушать мой разсказъ и потомъ судить о томъ, имѣлъ ли я право быть столь любопытнымъ какъ говорю.

—Послушаемъ, послушаемъ!

—И такъ, продолжалъ Иксуль, я слѣдовалъ издалека за Фрейлейнъ Альбертиной. Направленіе, по которому она ѣхала всеяло въ меня ежеминутно болѣе

и болѣе подозрѣній. Наконецъ увидѣлъ я, что она выѣхала за городскія ворота и, миновавъ мостъ, понеслась въ каррьеръ съ двумя проводниками своими, оставивъ даму сопровождавшую ее. Тогда сомнѣнія мои, на счетъ вѣрности проводниковъ, еще болѣе усилились. Не теряя времени, я пустился въ погоню, но лошадь моя, въ первую минуту, не повиновалась шпорамъ. Однако, вскорѣ, усиленными понужденіями, заставилъ я ее скакать. Не прошло пяти минутъ какъ я нагналъ убѣгающихъ. Одинъ изъ проводниковъ, видя мое приближеніе ускакалъ, а съ другимъ я скоро справился и отнял у него его драгоценную пошу, несравненную Фрейлейнъ Альбертину. Незнакомецъ сыпалъ на меня проклятія, но видя вѣроятно неминуемую гибель свою, въ случаѣ сопротивленія, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Фрейлейнъ Альбертина отъ ис-

пуга была безъ памяти, такъ, что я съ конюхами моими долженъ былъ долго ожидать, пока она пришла въ чувство, что-бы пуститься въ путь. Слабость Фрейлейнъ Альбертины заставила меня ѣхать въ обратный путь весьма медленно и вотъ отъ чего мы заставили, можетъ быть, ожидать себя.

— Но гдѣ жъ тутъ объясненіе любопытства рыцаря фонъ Иксуля? съ хохотомъ спрашивала толпа.

— Развѣ я кончилъ свой разсказъ? отвѣчалъ Иксуль, потерпите буйныя головы, все узнаете.

— Онъ парочно тянетъ разсказъ, чтобы имѣть время выдумать что нибудь похитрѣ.

— Увидимъ, увидимъ, какъ геръ фонъ Иксуль выпутается изъ этого дѣла.

Иксуль на сей разъ не отвѣчалъ ничего на эти замѣчанія гостей. Альбер-

типа, прижавшись къ нареченному дяди своему, съ негодованіемъ слушала оскорбительныя слова, произносимыя въ залѣ противъ Иксуля. — «Кто смѣетъ подозрѣвать его?» думала дѣвушка, «его, благороднѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей Эстляндіи! Кто смѣетъ подозрѣвать въ его чистой душѣ даже тѣнь притворства?» Между тѣмъ Иксуль, какъ бы желая возбудить еще болѣе любопытство толпы, молчалъ.

— Благородный рыцарь, сказалъ ему Шерцвальдъ, благодарю васъ за участіе, которое вы приняли въ моей племянницѣ; благодарю васъ за ея спасеніе: кто знаетъ, можетъ быть не только жизнь, но и честь ея была въ опасности; я увѣренъ, что подѣ вашимъ покровительствомъ, она была вполне защищена отъ всякаго зла.

— Благодарю васъ за довѣріе, отвѣчалъ

Иксуль, я вполне умѣю цѣнить его и, въ настоящемъ случаѣ, осмѣливаюсь сказать, что заслуживаю его вполне. Жизнь мою отдаю бы я тысячу разъ, за избавленіе фрейлейнъ Альбертины отъ малѣйшей неприятности.

— Повторяю, благородный рыцарь, высокородный геръ фонъ Иксуль, возразилъ Шерцвальдъ, что сомнѣніе, на счетъ чистоты вашихъ видовъ въ этомъ дѣлѣ, никогда не входило мнѣ въ голову и что я, не смотря на мои сѣдые волосы, готовъ переломить копьѣ съ любимымъ рыцаремъ Эстоніи, который не согласится со мною. Но вы сказали намъ, что не кончили еще своего повѣствованія; я съ нетерпѣніемъ ожидаю конца; малѣйшая подробность для меня драгоценна. Не узнали ли вы, кто были дерзкіе, осмѣлившіеся посягнуть на свободу Альбертины?

— Одно — то я видѣла, скороговор-

кой отвѣчала наставница Агнесы, вошедшая въ залу, узнавъ что Альбертина возвратилась, это былъ Карлъ, одинъ изъ вашихъ конюховъ. А другой ужь Богъ знаетъ, чуть ли не нечистый!

— На этотъ счетъ я не могу дать вамъ отвѣта, говорилъ Иксуль, потому что отчасти темнота, отчасти же поспѣшность, съ которой я дѣйствовалъ, помѣшали мнѣ разглядѣть черты проводниковъ Фрейлейнъ Альбертины.

— Прошу отдать приказъ всѣмъ моимъ людямъ искать конюха Карла, говорилъ Шерцвальдъ, обращаясь къ одному изъ довѣренныхъ слугъ своихъ, стоявшему вонъ у него. Кто приведетъ мнѣ его живаго, тотъ будетъ щедро награжденъ мною. Извините, благородный рыцарь, сказалъ онъ, обращаясь къ Иксулю, что я прервалъ рассказъ вашъ; прошу васъ продолжать.

Иксуль задумался. Сжимая лѣвою рукою широкую рукоять меча, онъ крутилъ правою усы и поглядывалъ изъ подлобья то на Альбертину, то на Шерцвальда, то на пеструю толпу начинавшую уже снова волноваться. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ поднялъ голову и обращаясь къ Шерцвальду, сказалъ:

— Благородный рыцарь, почтенный хозяинъ праздника, рассказъ мой конченъ, но я долженъ еще объяснить вамъ причину, возбуждавшую во мнѣ столь сильное участіе въ судьбѣ Фрейлейны Альбертины.

— Слушайте, слушайте, раздалось въ залѣ.

— Я люблю ее, продолжалъ Иксуль, всею силою души моею и здѣсь, предъ лицомъ рыцарства Эстоніи, и почетныхъ гостей вашихъ, прошу руки ея.

При сихъ словахъ шумъ въ залѣ уси-

лился, начались разговоры, долетавшіе до ушей Иксуля невнятными звуками.

Шерцвальдъ, недовольный вѣроятно волненіемъ толпы, поднялъ правую руку и, озираясь вокругъ себя, сказалъ:

—Благородные рыцари и гости, прошу васъ замолкнуть на нѣсколько минутъ и позволить мнѣ объяснить съ господиномъ фонъ Икскулемъ.

Тишина воцарилась въ залѣ.

—Геръ фонъ Иксуль, сказалъ Шерцвальдъ, я умѣю вполне цѣнить честь, которую вы дѣлаете мнѣ лестнымъ предложеніемъ жениться на моей племянницѣ, но я долженъ сказать вамъ, что я далъ себѣ слово предоставить ей самой выборъ жениха. Къ тому же, неожиданность вашего предложенія...

—Обстоятельства извиняютъ мою поспѣшность, прервалъ Иксуль, я бы не осмѣлился дѣйствовать такъ рѣшитель-

но и скоро, еслибъ приключеніе сего вечера не могло подать повода къ гнуснымъ подозрѣніямъ, оскорбляющимъ честь Фрейлейпъ Альбертины и чистоту моихъ намѣреній.

Альбертина, во время всего этого разговора стояла какъ вкопаная потупивъ глаза.

—Фрейлейпъ Альбертина отъ васъ зависитъ мое счастье, моя судьба въ вашихъ рукахъ, говорилъ Иксуль впервые страстный взоръ въ прелестную дѣвушку.

Альбертина молчала.

—Дитя мое, скажи, что ты думаешь, говорилъ Шерцвальдъ, тебя никто не принуждаетъ, будь откровенна.

Альбертина краснѣла и молчала.

—Не стыдись, отвѣчай, продолжалъ Шерцвальдъ.

Альбертина усилилась сказать что-то, но слова замирали на губахъ ея. Наконецъ, спустя нѣсколько секундъ она про-

шептала что-то Шерцвальду. Сей послѣдній, принявъ, едва внятную исповѣдь дѣвушки, громкимъ голосомъ сказала:

— Геръ фонъ Иксуль, моя племянница согласна быть вашею женою!

Иксуль бросился обнимать Шерцвальда.

Въ это время, у входа въ залу раздался дикій хохотъ. Всѣ взоры обратились къ двери, но толпа въ томъ концѣ залы была неподвижна. Начали спрашивать у стоящихъ близь двери, не видѣли ли они кто предавался такой странной веселости; но тѣ объявили, что хохотъ происходилъ въ сѣняхъ, въ которыя дверь изъ залы, для освѣженія температуры, была открыта. Спросили людей, стоявшихъ въ сѣняхъ. Они говорили, что какой-то мужчина, закутанный въ плащъ, захохотавъ во все горло, пустился бѣжать и что въ первую минуту никому изъ нихъ не пришло въ

голову остановить его. Никто не понималъ, что могъ означать сей хохотъ. Одна Альбергина тряслась отъ страха, воображая, что вѣрно несносный, странный незнакомецъ пришелъ и на сей разъ помышлять ея счастію. Вскорѣ однако въ залѣ забыли это происшествіе и гости снова предались веселію. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и находили, что неприлично благородному рыцарю фонъ Иксулю жениться на дѣвушкѣ не знавшей своихъ родителей, но предложенный Шерцвальдомъ тостъ за здоровье жениха и невѣсты былъ выпитъ полными чашами, при звукахъ музыки и громкихъ кликахъ.

Еслибъ кто нибудь могъ заглянуть въ это время въ сердца Альбертины и Иксуля, то какую пищу нашелъ бы онъ для наблюдений. Мы не можемъ дать о томъ подробнаго отчета читателю, но

тому что такого рода описанія завлекли бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что Искуль благодарилъ Бога за дарованное ему счастье, а Альбертина просила Создателя о сохраненіи его и съ трепетнымъ сердцемъ взирала на жениха своего, какъ бы прося его о защитѣ прѣтивъ тѣхъ бурь, которыя казались ей, собирались на горизонтѣ ея жизни. Она поняла, въ первый разъ, что значить страхъ потерять блаженство. О, еслибъ счастье наше было ненарушимо, думала дѣвушка, Боже мой, Боже мой, спаси насъ! Въ первый разъ въ жизни молилась она о себѣ во множественномъ числѣ, и отрадно было душѣ ея мыслить: «Я не одна, — насъ двое!» Долго продолжался пиръ. Шерцвальдъ послалъ сказать настоятельницѣ Систертинскаго монастыря, что Альбертина проведетъ ночь въ его домѣ и на слѣдующее утро будетъ до-

ставлена въ монастырь. Танцы продолжались. Искуль и Альбертина танцевали безпрестанно вмѣстѣ и привлекали на себя вниманіе толпы. Многіе восхищались прекрасною парою, но въ числѣ гостей были и такіе, которые находили много предметовъ къ оужденію въ женихѣ и въ невѣстѣ. Зависть, этотъ недремлющій змѣй, вивающійся всегда въ чужое счастье, не пропускающій ни одного случая чтобы излить свой ядъ на блаженство ближняго, и въ этомъ случаѣ показывалъ готовность свою служить по мѣрѣ силъ. Иные дѣлали колкія замѣчанія на счетъ происхожденія Альбертины, другіе похваливали Искуля за его рѣшительность и говорили, что свадьбѣ не бывать, что-де геръ фонъ Искуль малый не промахъ, не дастъ провести себя за носъ безъмянной дѣвчонкѣ: натѣшится ею, да и броситъ. Но любовники не слышали

этого шипѣнія, для нихъ весь міръ заключался въ ихъ сердцахъ исполненныхъ любовію. Альбертина забывала даже безпокойсто, внушенное ей постоянными преслѣдованіями незнакомца: она видѣла передъ собою Іоганна, въ его глазахъ читала залогъ своего счастья, и будущее рисовалось ей одѣтымъ въ блестящіе цвѣта весенней радуги. Шерцвальдъ, глядя на нихъ, думалъ: «Вотъ счастье, до котораго мои сѣдые волосы не надѣялись дожить!—Агнеса замужемъ, а Альбертина невѣста! Теперь я могу спокойно закрыть глаза, судьба моихъ дѣтей упрочена». Между тѣмъ гости начали разъѣзжаться. Шерцвальдъ, Агнеса съ мужемъ, Альбертина и Иксуль вышли въ одно время на крыльцо. Первые хотѣли ѣхать домой въ *широкую* улицу, а послѣдній на Вышгородъ. Подвели коней. Дамы усѣлись, за ними и Шерцвальдъ. Иксуль пробирал-

ся черезъ толпу къ своему жеребцу. Въ это время, кто-то ударилъ его въ лѣвый бокъ, такъ, что онъ чувствовалъ какъ рукоять его меча съ силою ударилась о ребра. Толпа зашевелилась и видно было какъ кто-то въ плащѣ убѣгалъ. Иксуль, опомнившись и видя убѣгающаго закричалъ: «держите разбойника!» но тотъ успѣлъ уже скрыться.

— «Желалъ бы я знать кто осмѣливается нападать на меня такъ явно», громко говорилъ Иксуль, «если онъ мнѣ когда нибудь попадетъ на глаза, то я проучу его по своему».

— Проучишь! посмотримъ! раздался голосъ. Всѣ сглядывались, но въ той сторонѣ откуда послышался звукъ не было никого.

Не желая терять время въ бесплодныхъ розыскахъ, Иксуль уговорилъ Шерцвальда ѣхать домой и вызвался про-

водить ихъ. Сдѣлавъ это, онъ поѣхалъ на Вышгородъ. Вошедъ въ свою комнату, онъ оглядывалъ мечъ свой и нашель на немъ глубокую царапину.

— Еслибъ этотъ клинокъ, врѣзавшійся такъ плотно въ мечъ, попалъ мнѣ въ бокъ, то я бы теперь вѣрно не стоялъ на ногахъ, подумалъ Искуль.

Оставимъ теперь на время нашихъ героевъ. Пусть они наслаждаются покоемъ. Не будемъ говорить о тѣхъ сновидѣніяхъ, которыя попеременно то убаюкивали Альбертину и Искуля, картинами будущаго блаженства, то тревожили ихъ мыслями о гнусномъ нарушителѣ ихъ счастья. Посмотримъ что дѣлаетъ графъ Робертъ Кербушъ.

Мы видѣли какъ онъ долженъ былъ уступить Искулю Альбертину и бѣжалъ. Долго скакалъ онъ по полю какъ безумецъ, безпрестанно побуждая коня свое-

го. Трудно описать состояніе души его. Онъ радъ былъ отдать все радости земной жизни, онъ бы отдалъ все блаженство будущей, еслибъ могъ вообразить, что преступленія его приготовили ему на томъ свѣтѣ, что либо иное кромѣ вѣчныхъ мукъ, — онъ бы отдалъ все, еслибъ могъ вырвать сердце изъ груди ненавистнаго ему Искуля. Лошадь его измучилась, она едва могла бѣжать. — «А еслибъ мнѣ удалось настичь ихъ!» подумалъ онъ, «они убьютъ меня, ихъ трое; но я не отдамъ жизнь свою даромъ: умирать, такъ умирать вмѣстѣ благородный рыцарь!» — И съ этими словами Робертъ поворотилъ коня своего. Уставшая лошадь бѣжала медленно и наконецъ пошла шагомъ. — Нѣтъ, видно не настичь мнѣ ихъ въ чистомъ полѣ, думалъ Робертъ, поѣду далѣе. Приблизившись къ городскимъ воротамъ, онъ увидѣлъ, стоявшаго возлѣ

нихъ Эстонца. Въ немъ узналъ онъ Карла, конюха Шерцвальда, способствовавшего ему увезти Альбертину.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ его.

— Не знаю куда дѣться, отвѣчалъ тотъ, боюсь, что меня поймаютъ и повѣсятъ.

— И для того, чтобы не поймали ты стоишь здѣсь какъ болванъ. Видно, что ваша братья долговолосые все на одинъ ладъ. Возьми-ка мою лошадь, да ступай на взморье къ Нарвской дорогѣ и тамъ жди меня; когда я свисну ты откликнись. Не бойся, со мной не пропадешь, я беру тебя въ службу къ себѣ.

Эстонецъ повиновался.

Робертъ пошелъ въ домъ гильдейскаго общества и тамъ мы слышали какъ онъ, волнуемый злобою, встревожилъ пированье своимъ неожиданнымъ хохотомъ.

Читатель вѣрно не усумнился ни на минуту, что это онъ посягнулъ на жизнь Икскуля. Дѣйствительно такъ и было.

Раздосадованный неудачею онъ бѣжалъ туда, гдѣ ожидалъ его Эстонецъ Карль. Прибывъ на мѣсто, онъ сѣлъ въ приготовленную большую лодку, куда взялъ и лошадь свою. Гребцы всплеснули веслами, натянули парусъ и лодка, въ темную, холодную ночь, поплыла къ Врангельсгольму. Прибывъ на островъ, Робертъ, вышедъ изъ лодки пошелъ, потупивъ голову, къ небольшому дому. На стукъ его въ дверь вышла прокашлявшаяся восьмидесятилѣтняя старуха Лена, знакомая уже нѣсколько читателю.

— Что ты такъ поздно Роби? спросила она, я давно жду тебя, ужъ не случилось ли несчастье съ тобой?

Робертъ молчалъ.

— А гдѣ же твоя невѣста Роби?

— Молчи, старая дура, закричалъ Робертъ, видишь что я одинъ; не твое дѣло спрашивать. Готова ли постель? Я сей часъ лягу.

— Готова, да мнѣ жаль тебя голубчика, что ты одинъ въ нее ляжешь, ночь холодная, а зна. . .

— Замолчишь ли ты поганая тварь? заревѣлъ Робертъ, такъ, что даже старуха, привыкшая къ его брани, затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Подай вина, колдунья, сказалъ Робертъ. Вино подано, но Робертъ не прикасается къ налитой кружкѣ. Старуха стояла въ углу не шевелясь. Долго царствовала тишина въ комнатѣ. Наконецъ Робертъ взялъ кружку, вмѣщавшую въ себя по крайней мѣрѣ бутылку теперешней мѣры и высушивъ ее разомъ, сказалъ.

— Еще не рѣшено кто выиграстъ, Ры-

царь фонъ Иксуль или гр. . . , потомъ обращаясь къ Ленѣ онъ сказалъ ей: пошла спать, что ты стоишь какъ чурбанъ!

Конецъ 1-й части.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Ошибочно называютъ некоторые писатели магистровъ Лифляндскаго ордена *Гермейстерами*. Такое званіе не существовало вовсе. Въ разговоръ съ Магистромъ называли его *Herr Meister*, т. е. Господинъ Магистръ, такъ какъ говорятъ *Herr Baron*, Господинъ Баронъ, но отнодь не *Heermeister*. Нѣмецкій орденъ имѣлъ своего Hochmeister, Великаго Магистра, который съ XIV столѣтія жилъ въ Мариенбургѣ, въ Пруссіи; ему подвластны были два Landmeister, Магистра земли, или просто называемые Магистрами: Магистръ въ Германіи и Магистръ въ Лифляндіи.

См. Willigerod. Geschichte Ehistlands.

2. Не должно полагать, что дворяне, именуемые рыцарями, были дѣйствительными братьями ордена. Они только считались свѣтскими членами ордена и не носили обязанностей, воз-

ложенныхъ на братіи онаго духовнымъ уставомъ.

3. Епископъ Эзельскій Рейнгольдъ фонъ Буксгевденъ, препятствовавшій распространію ученія Лютера въ Эстляндіи, былъ отрѣшенъ отъ мѣста Эстляндскимъ дворянствомъ, которое выбрало на его мѣсто Рижскаго Кoadьютора Вильгельма фонъ Бранденбурга. Дѣло это въ послѣдствіи кончилось довольно плохо для дворянства, потому что Германъ фонъ Брюггеней, преемникъ Плеттенберга, присудилъ ихъ къ уплатѣ Буксгевдену 25,000 Рижскихъ марокъ и водворилъ его въ прежнее званіе.

См. Кельха Liefländische Historia.

4. Фамиліи Иксулей и Мейендорфовъ, происходящія отъ одного корня суть самыя древнѣйшія въ Эстляндіи. Конрадъ фонъ Мейендорпъ (Conrad von Meyndorp) прибылъ въ Эстляндію съ Епискомъ Албрехтомъ, основателемъ г. Риги, въ 1200 году и получилъ отъ него во владѣніе помѣстье Икесколе (Ukeskole). Потомки Конрада фонъ Мейендорфа приняли имя, подареннаго Албрехтомъ помѣстья и долго

носили его. Въ XVII столѣтіи возведены они въ баронское достоинство и раздѣлились на двѣ главныя линіи: Иксуль-Гюльденбандъ и Мейендорфъ изъ дома Иксуль.

См. Gadebusch Liefländische Jahrbücher.

5. Въ это время дѣйствительно происходили споры между дворянствомъ и городомъ, за то, что рыцари хотѣли присвоить себѣ нѣкоторыя отрасли торговли.

См. Willigerod Geschichte Ehstlands.

6. Съ 1513 года настоятельницей Систертинскаго монастыря въ Ревелѣ была Софія Шварцгофъ; преемница ея, Елизавета Таубе вступила въ управленіе монастыремъ въ 1534 году.

См. Arendt, Leben und Thaten der Liefländischen Ordensmeister.

7. Въ 1532 году свирѣпствовала въ Ревелѣ чума, или можетъ быть какая нибудь другая заразительная болѣзнь, истребившая много людей.

См. Willigerod, Geschichte Ehstlands.

8. Въ архивѣ Ревельскаго Магистрата находятся три собственноручныя письма Лютера отъ 1531, 1532 и 1533 года. Писаны они по нѣмецки весьма связно, такъ, что въ иныхъ мѣ-

стахъ съ большимъ трудомъ можно добраться толку. Нѣсколько устарѣвшій языкъ также затрудняетъ непривычнаго при чтеніи. Для образчика представляемъ здѣсь любопытнымъ читателямъ письмо Лютера, относящееся до Глоссена или Колоссенуса, при чемъ сохраняемъ совершенно орфографію подписки. Письмо это выписано нами изъ Нѣмецкой брошюры, коей заглавіе означено въ пр. 11.»

«Den Ersamen und weisen Herrn Bürgermeistern und Rat zu Revall meinen günstigen Herrn und guten Freunden.»

«Gnad und fried in Christo Ersame und weisen lieben Herrn. Wir haben allhier zu Wittenberg Er Nicolaus Glossen ewren berufenen Superattendenten promowirt und zum Licentiaten Theologiä gemacht, dabey unser gnädiger Herr der Curfürst sampt andern von Hertzorgen gewest, und das aus vielen beweglichen Ursachen zu dieser Zeit leuftem nötig. Derselbe kompt nun her und wird des alles Kundschaft zeigen. Befehle denselben E. W. ynn aller trewen, und Gott verleyhe yhm und ewr. gantzen christli-

chen Gemeine, dasz yhr nicht allein fest bleibet und rein an seinem heiligen Wort, sondern auch ymmer dar zunemet und vielen andern nutz seyn mögt. Amen. So nemet yhn nun an ewren Brief nach, und wie yhr euch gegen yhn under sich gegen euch halten sollet, werdet yhr durch Gottes Gnaden wol wyszen.

Hiermit Gott trewlich befohlen. Amen. zu Wittenberg IX Julii 1535.

¶ Martinus Luther. D. theol.

9. Разбирая архивъ Ревельскаго магистрата можно действительно въ семь убѣдиться. Въ одной изъ древнихъ бумагъ подъ заглавіемъ. «Eine christliche kortte Ordinantie ouver dat Junkfrawenkloster», ясно сказано, что въ монастырской церкви Систертинской обители держали рѣчи протестантскіе пасторы, но, что монахини оставались однако въ католическомъ законѣ до 1543 года, въ которомъ послѣдовало совершенное преобразование монастыря.

10. Островъ Врангельсгольмъ нынѣ принадлежитъ баронамъ Штакельбергамъ изъ Галлипапскаго дома.

11. Смотри: Einladungsschrift zur Feyer des Geburtsfestes Sr. Majestät des Kaysers und Selbstherschers aller Reussen NICOLAI PAWLOWISCH I und des dritten Jubiläums der Uebergabe der Augsburgischen Confession. Von Dr. Christian Rein, Oberlerer der Religion. Reval.

Сія любопытная брошюра, сочиненіе нынѣшняго генераль-суперинтендента, вице-президента Ревельской Консисторіи Рейна, заключаетъ въ себѣ пѣкоторыя важныя поясненія на счетъ исторіи реформаціи въ Эстляндіи.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Глава I Всадники	1
— II Ужинъ	17
— III Городъ	38
— IV Монастырь	57
— V Предсвадебное пиrowаніе	93
— VI Свадьба	120
— VII Корсарь	145
— VIII Амалія	167
— IX Купецъ и монахъ	179
— X Женихъ	206
Примѣчанія	239

**СУДЪ
ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТЪ.**

Печатать позволено съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6 Февраля 1840 года.

Ценсоръ А. Фейгангъ.

I.
РЫЦАРЬ.

..... Мантіей алаго цвѣта
Быль покрыть его фиолетовый, золотомъ шитый
Стройный колетъ; на бархатномъ, черномъ баретъ видися
Бѣлыя перья; висель у бедра, на цепи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, сиденъ и живъ...

Жуковский.

Жизнь человѣка, во все времена исторіи рода человеческого, была предметомъ размышленій философовъ, стремившихся опредѣлить ея значеніе и побуждала поэтовъ вызывать образы изъ міра фантазій

для облеченія въ нихъ дѣйствій людскихъ. Тѣ и другіе говорили правду, тѣ и другіе ошибались. Намъ не дано проникать задачи неразгаданныя доселѣ. Говорятъ, что звѣри инстинктомъ, а люди предчувствіемъ, предузнаютъ, хотя въ неопредѣленномъ видѣ, приближеніе счастья или несчастья, удачи или неудачи. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ, порождающихъ сіи способности въ животныхъ и въ людяхъ, мы скажемъ только, что повѣствованіе наше совершенно опрокидываетъ это мнѣніе. Предчувствіе Альбертины, на счетъ преслѣдованій незнакомца не сбылось. Прошло три мѣсяца послѣ попытки его убить Искуля и объ немъ не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу.

Уже Мартъ 1536 года былъ на дворѣ. Любовники ждали съ нетерпѣніемъ Мая мѣсяца, когда должно было исполниться Альбертинѣ 17 лѣтъ, прежде каковаго

срока, она, если помнитъ читатель, по приказанію первой благодѣтельницы своей Софіи Шварцгофъ, не могла оставить монастырь. Бергшильдъ давно въ здоровѣль и видя, что дѣла приняли такой оборотъ, старался всѣми силами изгладить изъ сердца Искуля то впечатлѣніе, которое произвело на него, высказанное имъ мнѣніе объ Альбертинѣ. Хитрость и лесть, удѣлъ ничтожества,—эта удочка, на которую часто попадаются умные и благородные люди, послужила и Бергшильду. Искуль, будучи отъ природы добръ и не подозрѣвая ни въ комъ притворства, повѣрилъ искренности раскаянія Бергшильда. Онъ думалъ: «человѣкъ сгоряча и, притомъ же пьяный, часто говоритъ вещи, которыхъ не думаетъ, такъ было вѣрно и съ Бергшильдомъ, онъ глупъ но не золъ, Богъ съ нимъ, что на него сердиться!» И такимъ обра-

зомъ Пекскуль чистосердечно забылъ все прошедшее. Когда человекъ счастливъ, онъ легко прощаетъ людямъ все сдѣланное ими зло.

Между тѣмъ важное происшествіе поразило всю Эстляндію и Лифляндію. Плеттенберга не стало. Престарѣлый Магистръ умеръ въ Венденѣ, въ третье воскресенье великаго поста, послѣ 40-лѣтняго, славнаго правленія, оплаканный непритворно своими современниками. Не смотря на то, что онъ, какъ извѣстно читателю, еще при жизни своей передалъ правленіе своему Ландмаршалу Герману фонъ Брюггеней, называемому Газенкампъ, смерть его произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ благомыслящихъ людей.

Вмѣстѣ съ симъ горестнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Ревель, съ значительною свитою, рыцарь изъ Маріенбурга. Онъ былъ посланъ Гогмейстеромъ, съ важными по-

рученіями къ Плеттенбергу, но, узнавъ дорогою о смерти его, не счелъ нужнымъ ѣхать въ Венденъ и отправился въ Ревель куда призывало его, какъ онъ говорилъ, исполненіе нѣкоторыхъ секретныхъ порученій Гогмейстера.

Готгардъ фонъ Эйзенфельсъ, (такъ назывался рыцарь) былъ на видъ среднихъ лѣтъ. Въ чертахъ лица его, въ осанкѣ, въ поступи было что-то величественное. Хотя онъ и называлъ себя старикомъ, говорилъ что ему уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но глядя на него никто бы не далъ ему болѣе 35-ти. Высокій лобъ, обнѣненный черными волосами, выразительные, исполненные огня глаза, прямой носъ и нѣсколько блѣдный цвѣтъ лица являли въ немъ красоты юга, столь рѣдко встрѣчаемыя на сѣверѣ. Онъ былъ богатъ и приводилъ въ изумленіе весь Ревель, роскошью окружавшей его. Рыцари, хотя

и поглядывали съ завистью на его золото, но тѣмъ не менѣ старались знакомиться съ нимъ. Вскорѣ, не зная Эйзенфельса, значило не принадлежать къ высшему обществу. Искуль, жившій почти безвыѣздно въ Ревелѣ, по случаю приготовленій къ свадьбѣ своей съ Альбертиной, вскорѣ свелъ знакомство съ Эйзенфельсомъ. Они понравились другъ другу. Оба будучи красивы и сильны, они не сердились если одного изъ нихъ хвалили болѣе нежели другаго. Эйзенфельсъ любилъ въ Искуль его благородное, истинно рыцарское непритворство; Искуль любилъ слушать рассказы Эйзенфельса о его путешествіяхъ по Европѣ и Азіи. Рассказы Эйзенфельса были весьма любопытны. Соединяя съ большимъ умомъ умѣнье играть сатирой, онъ обворожалъ всякаго просвѣщеннаго челоуѣка, своими обширными познаніями,

—невѣжу, сказанной во время шуткой не требующей ни знаній, ни проникательности, чтобы быть понятой. Онъ игралъ на большія деньги въ кости и весьма единогласно признанъ былъ за самаго пріятнаго игрока: выигрышъ казался не радовалъ его, а проигрышъ не сердилъ вовсе. Онъ оставался всегда одинаковымъ, при счастьѣ и при несчастьѣ.

Для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ передъ свадьбою своею, Искуль долженъ былъ поѣхать на короткое время въ Ризенбергъ. Эйзенфельсъ просилъ его позволить ему ѣхать съ нимъ.

—Хочу полюбоваться на твой замокъ, говорилъ онъ.

Искуль не только согласился, но и убедительно просилъ Эйзенфельса остаться въ Ризенбергъ все то время, которое онъ самъ тамъ намѣревался прожить. Таре-

бахъ и Бергшильдъ поѣхали также. Въ прекрасный Апрельскій день, рыцари выѣхали изъ Ревеля.

Первый вздохъ весны согналъ уже съ луговъ и нивъ зимнюю сѣдину. Свѣжая зелень пробивалась изъ-за пожелтѣвшей прошлогодней травы. Солнце свѣтило ясно и лучи его играли въ блестящемъ вооруженіи рыцарей. Растворенный воздухъ дышалъ радостію. Чистое, безоблачное небо и тишина располагали къ покою, къ счастію. Искуль блаженствовала. Онъ ѣхалъ въ Ризенбергъ, чтобы приготовить въ замкѣ все нужное для приѣма Альбертины, когда она сдѣлается его женою. Въ послѣдній, можетъ быть разъ, думалъ онъ, ѣду я *одинъ* въ Ризенбергъ; еще мѣсяцъ и стѣны замка моего оживятся ея присутствіемъ; какое блаженство! Убаюкиваемый такими сладкими мечтами, Искуль, во всю дорогу отъ Ревеля до

Ризенберга, говорилъ очень мало. Спутники его, уважая ли его молчаніе, или по другой какой либо причинѣ, подражали ему; одинъ Эйзенфельсъ, да и то изрѣдка, смѣшилъ компанію острыми замѣчаніями и анекдотами.

Въ Ризенбергѣ Искуля ожидало много разнородныхъ занятій. Приказанія посланные имъ изъ Ревеля были не все исполнены. Много предположенныхъ имъ въ замкѣ передѣлокъ, не было еще окончено, не смотря на старанія Густава, завѣдывавшаго ходомъ работъ. Эйзенфельсъ въ первый день осмотрѣлъ весь замкъ, нашелъ его прекраснымъ и вызвался помогать Искулю въ распоряженіяхъ. Онъ предлагалъ нѣкоторыя измѣненія.

— Потаскавшись по свѣту, говорилъ онъ, я много наглядылся и знаю какъ и что лучше устроить, положиись на меня Искуль.

И дѣйствительно, все, что ни выдумывалъ Эйзенфельсъ, было или красиво, или удобно, или и то и другое вмѣстѣ. Онъ хлопоталъ какъ будто для себя. Работа кипѣла. Иксуль восхищался предвидя, такимъ образомъ, возможность вскорѣ отправиться въ Ревель, куда тянуло его сердце. Время шло скоро. Бергшильдъ потѣшалъ общество своимъ шутовствомъ такъ, что иногда, даже задумчивый Тарсбахъ увлекался порывами всеобщей веселости. Иксуль, надинъ съ нимъ, частенько дразнилъ его Луизой, но не могъ, однако выпытать у него ея имя. Эйзенфельсу такъ нравилось пребываніе въ Ризенбергъ, что онъ говорилъ, будто готовъ прожить вѣкъ свой въ этомъ прелестномъ уголкѣ, вдали отъ городского шума, отъ суеты и отъ людей. Однакоже время возвращенія рыцарей въ Ревель приближалось. Работы въ замкѣ приходили къ

концу. Однажды вечеромъ, пріатели наши сидѣли въ знакомой намъ столовой и постукивали кружками съ пивомъ. Разговоръ былъ веселый, только Эйзенфельсъ часто жаловался на головную боль. Говорили разумѣется объ Альбертинѣ. Эйзенфельсъ изъявлялъ сожалѣніе, что ему не удалось еще съ нею познакомиться. По пріѣздѣ въ Ревель онъ надѣялся исполнить свое желаніе и предстать передъ невѣстой Иксуля, какъ человекъ, ставшійся устроить наилучшимъ образомъ ея будущее жилище. Бергшильдъ, памятуя урокъ Иксуля, не смотря на то, что влилъ въ себя изрядное число кружекъ пива, разсыпался въ похвалахъ красотѣ, уму и сердцу Альбертины.

—Женихамъ вѣрять нельзя, они всегда представляютъ невѣсть своихъ чюдесами, но, если вы, геръ фонъ Бергшильдъ, говорите такъ о Фрейлейнъ Аль-

бертинъ, то я увѣренъ, что она точно красавица, сказалъ Эйзенфельсъ, и потомъ, извиняясь своего головною болью, ушелъ спать.

Рыцари остались втроемъ и всѣ трое не могли нахвалиться ловкостію и любезностію гостя своего.

Не прошло десяти минутъ, какъ Эйзенфельсъ снова явился въ залъ. Разстроенный, смущенный видъ его поразилъ присутствовавшихъ.

—Что съ тобой сдѣлалось? спросилъ Иксуль поспѣшно вставая съ кресель.

—Такъ, ничего, отвѣчалъ Эйзенфельсъ, маленькая непріятность.

—Что такое? Что такое? спрашивали рыцари.

—Меня... обокрали...

—Обокрали! у меня въ домѣ! закричалъ Иксуль, мы сей часъ отыщемъ виновнаго. Что же украли у тебя?

—Золотую цѣпь и мѣшокъ съ деньгами, отвѣчалъ Эйзенфельсъ, вещи не важныя и мнѣ жаль, что я сказалъ вамъ объ этомъ, но въ первую минуту...

—Благодарю тебя другъ мой, за то, что ты не скрылъ отъ меня этого. О стыдъ! въ моемъ домѣ обокрали моего пріятеля. Сей часъ буду разыскивать и виновному не миновать висѣлицы, сказалъ Иксуль.

—На висѣлицу, на висѣлицу, мошенника! кричалъ Бергшильдъ, на висѣлицу, осмѣлившагося осквернить домъ моего друга Иксуля, такимъ постыднымъ дѣломъ, на висѣлицу его, на висѣлицу!

—Полно кричать, прервалъ его Иксуль, надобно прежде всего отыскать виновнаго, а я, какъ хозяинъ знаю лучше тебя какъ его наказать.

—Но можетъ быть, Иксуль, твои люди безвинны, возразилъ Тарсбахъ, можетъ

быть кто нибуль изъ нашихъ колюховъ нашалиль.

—Я ни кому изъ васъ не желаю этого несчастія, сказала Искекуль, но увѣренъ, что всякой изъ васъ будетъ такъ же строго судить своего слугу, какъ быя судиль моего, въ случаѣ вины. Однако, не теряя времени, приступимъ къ дѣлу.

Вся прислуга, находившаяся въ то время въ замкѣ, была собрана, многихъ людей надобно было будить, ибо они, не ожидая чтобы господа рыцари могли потребовать ихъ въ такую позднюю пору, легли уже давно спать. Допросы не повели ни къ чему. Всѣ люди клялись и божились въ подтвержденіе своей невинности. Искекуль выходилъ изъ себя отъ досады, грозилъ перевѣшать всю свою дворню безъ исключенія, если виноватый не найдется.

Но эти вспышки гнѣва были совер-

шенно безплодны и не подвинули дѣла ни на шагъ впередъ. Никто не признавался. Эйзенфельсъ успокоивалъ Искеуля, говоря, что дѣло не стоитъ такихъ хлопотъ, что можетъ быть онъ самъ затерялъ, или заложилъ куда нибуль пропавшія вещи. Но списхожденіе Эйзенфельса, вмѣсто того чтобы уговорить Искеуля, раздражало еще болѣе его самолюбіе, онъ хотѣлъ непременно доказать, что въ домѣ его нельзя совершать безнаказанно такихъ дерзкихъ преступленій. Наконецъ, послѣ долгихъ преній и споровъ, Эйзенфельсъ предложилъ осмотрѣть всѣ углы замка и въ особенности подвергнуть строгому розысканію комнаты, въ которыхъ спали люди и разобрать всѣ ихъ вещи.

—Вороство могло случится только не давно, потому что я, часа три тому назадъ, ходилъ въ мою комнату и видѣлъ

какъ цѣпь, такъ и деньги на своихъ мѣстахъ. И такъ, если дѣйствительно кто нибудь изъ людей укралъ ихъ, то не имѣлъ времени запрятать ихъ далеко. Къ тому же никто изъ нихъ не отлучался.

Предложеніе было принято. Обыскъ продолжался довольно много времени. Наконецъ, по прошествіи цѣлаго часа, употребленнаго на бесплодные поиски, цѣпь и мѣшокъ съ деньгами найдены въ вещахъ одного изъ конюховъ Иксуля, по имени Франца. Невозможно описать досаду Иоганна при семъ открытіи! Какъ ни желалъ онъ добраться истины въ этомъ дѣлѣ, но онъ все таки надѣялся, что можетъ быть случай избавить его, какимъ либо образомъ, отъ непріятности найти вора въ числѣ своихъ людей.

—Мошенники! они сдѣлаютъ изъ моего замка вертепъ разбойниковъ, на висѣли-

цу мерзавца, безъ дальнѣйшихъ распросовъ! кричалъ Иксуль, выходя изъ себя отъ досады.

Эйзенфельсъ видя бѣшенство Иксуля дружески взялъ его за руку и отвелъ въ сторону:

— Подождемъ до утра, любезный другъ сказалъ онъ ему, теперь уже поздно!

— Ни за что въ свѣтъ, отвѣчалъ Иксуль, непременно сію же минуту, и наказаніе будетъ примѣрное.

— Я весьма хорошо понимаю всю непріятность твоего положенія, возразилъ Эйзенфельсъ, но позволь мнѣ, какъ другу, дать тебѣ благоразумный совѣтъ.

— Къ чему совѣты? на что они мнѣ послужать? Вора надобно казнить и больше ничего.

— Любезный Иоганъ, ты такъ встревоженъ теперь, отвѣчалъ Эйзенфельсъ, что никакъ не можешь обсудить здраво об-

стоятельства дѣла, позволѣнь, мнѣ сказать тебѣ...

— Говори, но говори скорѣе.

— Посуди самъ, во первыхъ, ты знаешь волю Магистра?

— Какую?

— Ты знаешь, что онъ приказалъ дворянамъ и рыцарямъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, судить подвластныхъ имъ людей не иначе, какъ призвавъ, для произнесенія приговора двухъ собратій своихъ.

— Я знаю это, но ты какъ знаешь?

— Помилуй, любезный другъ, мы въ Мариенбургѣ знаемъ все, что у васъ дѣлается.

— Хорошо, но развѣ насъ мало здѣсь, насъ четверо, не только трое. Бергшильдъ, Тарсбахъ, пойдите-ка сюда.

Рыцари подошли.

— Я надѣюсь, что вы не откажетесь, продолжалъ Иксуль, обращаясь къ по-

дошедшимъ, дать вашу голось для того, чтобы повѣсить мошенника Франца, обокравшаго благороднаго рыцаря фонъ Эйзенфельса?

Тарсбахъ и Бергшильдъ отвѣчали, что находятъ наказаніе сіе вполне заслуженнымъ и даже, защищая честь и безопасность рыцарскую, требуютъ его.

— И такъ Эйзенфельсъ, сказалъ Иксуль, теперь всѣ препятствія уничтожены, можно приступить къ дѣлу.

— Нѣтъ, любезный другъ, отвѣчалъ Эйзенфельсъ, я все-таки остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Я сошлюсь на судъ благородныхъ рыцарей Тарсбаха и Бергшильда. Не правда ли господа, что лучше отложить наказаніе до утра? Во первыхъ, казнь днемъ гораздо сильнѣе подействуетъ на людей, нуждающихся въ такихъ примѣрахъ, а во вторыхъ, иные могутъ подумать, что мы поторопились

повѣсить челоуѣка ночью, боюсь придать этому дѣлу гласность. Намъ же осудить и потомъ не оберешься всѣхъ сплетней, могущихъ отъ этого произойти.

— Рыцарь Эйзенфельсъ правъ, сказали Тарсбахъ, я также не вижу нужды торопиться.

— И я также, подхватилъ Бергшильдъ.

— Если вы непременно требуете этого, то я долженъ съ вами согласиться, отвѣчалъ Искуль, хотя, признаюсь, мнѣ отвратительно подумать, что подъ моею крышею будетъ ночевать воръ. Однако я прикажу немедленно посадить этого мошенника Франца въ подвалъ замка и велю приставить къ нему карауль.

Прежде нежели Франца отвели въ подвалъ, Искуль велѣлъ привести его къ себѣ и осматривалъ его упреками и ругательствами, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, что мы не считаемъ нужнымъ

приводить здѣсь. Францъ не признавался. Онъ клялся и божился, что ему и на мысль никогда не всходила подобная дерзость. Но увѣренія его не повели ни къ чему. Въ подкрѣпленіе, павшаго на него обвиненія, другіе конюхи говорили что видѣли, какъ онъ, въ тотъ вечеръ, бродилъ около замка близъ оконъ комнаты Эйзенфельса. Вора бросили въ сырой подвалъ. Когда это было сдѣлано и рыцари сидѣли еще въ залѣ, толкуя объ этомъ происшествіи, мать Франца и его жена, узнавъ объ ужасной участи ожидающей его, вбѣжали въ залу и съ рыданіемъ бросились къ ногамъ Искуля, прося помилованія несчастному. Ихъ просьбы и мольбы, ихъ увѣренія въ невинности Франца, остались безуспѣшны, улики были слишкомъ явны, чтобы можно было имѣть малѣйшее подозрѣніе въ ложности ихъ.

Часовой приставленъ ко входу въ подвалъ. Рыцари осмотрѣли сами, все ли въ порядкѣ и наконецъ, далеко за полночь, разошлись каждый въ свою комнату. Тишина воцарилась въ замкѣ; только слышны были рыданія Франца и его несчастнаго семейства.—

II.

НОБЪГЪ.

Ночь, съ своими мраками и съ своею безмятежною тишиною, царствовала въ Ризенбергѣ. Всѣ спали въ замкѣ. Одинъ только Францъ и приставленный къ нему стражникъ бодрствовали. Лежа на каменномъ полу своей темницы, Францъ проклиналъ день, въ который онъ увидѣлъ свѣтъ. Въ ужасномъ видѣ представлялось ему будущее! Провести ночь въ мрачномъ, сыромъ подвалѣ, для того, чтобы на утро повиснуть между небомъ и

землею! И за что? — За воровство?— Но онъ и не думалъ никогда красть, онъ чувствовалъ себя вполнѣ невиннымъ и не понималъ, какими чудесами все это случилось. Суевѣріе, свойственное и теперь людямъ низкаго разряда, было въ то время еще сильнѣе. Люди твердо вѣрили во вмѣшательство нечистой силы въ дѣла человѣческія, въ возможность злымъ духамъ принимать людскія образы, дабы губить смертныхъ. По этой причинѣ, мысли Франца невольно обратились къ одной старухѣ, ненавидѣвшей его за то, что онъ не хотѣлъ жениться на ея племянницѣ. «Вѣрно она вѣдьма, или что нибудь такое,» думалъ Францъ, «вѣрно она съ досады упростила своего пріятеля чорта, или заколдовала сама такъ, что эти проклятыя деньги и цѣпь нашлись у меня. Вѣдь еслибъ я ихъ взялъ, то вѣрно зналъ бы хоть что нибудь объ этомъ, а то, хо-

тя убей, я ихъ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни, когда у меня ихъ выгащили изъ-подъ стараго кафтана! *Jummala! Jummala!* Боже! Боже! воскликнулъ бѣдный Эсто-нецъ, за какіе тяжкіе грѣхи наказываешь ты меня такъ ужасно! Потомъ были минуты, когда все это казалось ему сномъ, онъ протиралъ глаза, озирался во всѣ стороны, но глазъ его не могъ проникнуть окружавшую его темноту, мечты разсѣивались и горькая истина падала на него всею своею тяжестью. Сторожъ, стоявшій у дверей, насвистывалъ какую-то пѣсню. Свистать видно ему наконецъ надоѣло и онъ затянулъ известную эстонскую пѣсню, въ которой возлюбленный спрашиваетъ свою возлюбленную, можно ли ему придти къ ней. Въ послѣднемъ куплетѣ, любовница обѣщаетъ на утро, когда роса освѣжитъ засохшую землю и когда жукъ будетъ жужжать въ тра-

въ, выдти на поле и погнать вмѣстѣ стадо. Эти слова задѣли за живое Франца. И меня ждетъ любезная, думаль онъ, и я завтра свижусь съ нею въ полѣ, обойметъ она меня петлей веревчатой и . . . задушить. Странна была для бѣднаго Франца мысль о близкой смерти, онъ не смѣлъ взглянуть ей прямо въ глаза, дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ. Въ такомъ положеніи лежалъ онъ довольно долго, какъ вдругъ послышался шорохъ; онъ началъ прислушиваться. Все тихо. Но вотъ опять шорохъ возобновляется, все ближе ближе. . . . это шаги человѣка. Вѣрно часовой прохаживается, подумаль Францъ, и снова погрузился въ свою мрачную думу. Въ это время ему послышались разговоры, происходящіе у самой двери его темницы. О Боже! думаль несчастный, еще далеко до разсвѣта, а меня уже приходятъ мучить эти безчеловѣч-

ные люди, хоть бы оставили въ покоѣ до утра! Размышленія Франца были прерваны легкимъ шумомъ, произведеннымъ растворившеюся дверью подвала.

— Еще не время, дайте мнѣ приготовиться къ смерти! завопилъ задыхающимся голосомъ Францъ.

— Молчи, несчастный, или ты погибнешь сію минуту, произнесъ какой-то голосъ.

— Передъ Богомъ будете вы отвѣчать за смерть мою, отвѣчалъ Францъ, я невинень!

Потаенный фонарь блеснулъ у двери темницы и освѣтилъ ея мрачные своды. Два человѣка, незнакомые Францу, приближались къ нему. Они были оба не велики ростомъ. Францъ вглядывался въ ихъ лица, но не находилъ въ нихъ ни одной знакомой ему черты. Онъ принялъ ихъ за исполнителей казни.

— Не приближайтесь ко мнѣ, закричалъ онъ я. . . .

— Замолчи, несчастный, произнесъ тотъ же голосъ, я знаю, что ты невиненъ и потому пришелъ спасти тебя. Время дорого, надобно пользоваться. За стѣнами замка ждетъ тебя добрый конь и проводникъ. Бѣги въ городскую черту, тамъ ты будешь внѣ опасности, можешь прибѣгнуть подъ защиту законовъ,—они оправдаютъ тебя.

— За чѣмъ обманывать меня, отвѣчала Францъ, я знаю, что меня ожидаетъ, но я не приготовился еще къ смерти. Оставьте меня одного, хотя на полчаса. Я поручу душу мою Богу, исповѣдаю ему мою невинность и тогда послѣдую за вами на висѣлицу, ожидающую меня.

— Безумецъ! твоя медленность можетъ погубить и тебя и насъ. — Бѣги! Бѣги!

И съ этими словами незнакомецъ и его товарищъ схватили Франца, зажали ему ротъ и потащили его изъ мрачной темницы. Долго тащели они его по разнымъ извилистымъ путямъ и наконецъ вывели за стѣны замка. Тамъ посадили они его на лошадь. Верховой проводникъ схватилъ ее подъ усы, и оба помчались по дорогѣ въ Ревель.

Долго скакали бѣглецы. Наконецъ, не добывая нѣсколько верстъ до Ревеля, они остановились у одной корчмы. Проводникъ соскочилъ съ лошади.

— Долой съ коня! сказала онъ Францу, войди въ эту корчму и жди меня, я завтра послѣ полудня приѣду сюда. Здѣсь ты въ безопасности. Въ городской чертѣ никто не смѣетъ тронуть тебя.

Францъ непонималъ ничего, дѣйствуя какъ бы во снѣ, повиновался.

Незнакомый проводникъ сълъ снова
на лошадь и крупной рысью повхалъ въ
городъ.

III.

УБИЙСТВО

. . . Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно, по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.

А. Пушкинъ.

На другой день, послѣ описанныхъ
въ предыдущей главѣ происшествій,
Тарсбахъ шелъ поздно вечеромъ по из-
вилистымъ улицамъ Ревеля. Кто видѣ-
валъ его днемъ, на конь, тотъ не при-
зналъ бы въ немъ теперь красиваго и

гордаго рыцаря. Снявъ въ себя свой рыцарскій нарядъ и закутавшись въ широкій плащъ, онъ пробирался, какъ бы желая избѣгнуть глазъ любопытныхъ. Тишина ночная покровительствовала ему. Вотъ онъ идетъ по *длинной* улицѣ и миновавъ домъ малой гильдіи останавливается. Онъ озирается вокругъ себя. Никого не видно. Удостоверившись, что дѣйствительно вблизи его никого нѣтъ, онъ началъ ходить взадъ и впередъ подь окнами дома, стоявшаго рядомъ съ малой гильдіей. Такимъ образомъ прошло около полу-часа и въ это время одинъ прохожій толкнулъ плечомъ или локтемъ рыцаря Тарсбаху, который, во всякое другое время, строго наказалъ бы такую невѣжливость; но теперь онъ долженъ былъ молчать и молчалъ, довольствуясь тѣмъ, что сжималъ рукоять меча своего, не смѣя ни вынуть его изъ ноженъ, ни зашу-

мѣть имъ, чтобы не быть узнаннымъ. Погода сдѣлалась дурною. Дождь лилъ съ неба и съ крыши и, не смотря на то, что вечеръ былъ довольно теплый, дрожь провела рыцаря, промокшаго до костей и мучимаго нетерпѣніемъ и досадою за толчки. Наконецъ, спустя еще четверть часа, кто то прошелъ мимо него и хлопнулъ въ ладоши. Тарсбахъ произнесъ отрывисто: «Я!» Прохожій, или лучше сказать прохожая, потому что то была женщина, остановилась, сдѣлала Тарсбаху знакъ рукою и пошла по направленію къ теперешнему рыбному рынку. Тарсбахъ послѣдовалъ за нею. Дорогой они не обмѣняли другъ съ другомъ ни одного слова; пройдя за рыбнымъ рынкомъ шаговъ съ двадцать, женщина, служившая проводникомъ Тарсбаху, поворотила въ ворота трехэтажнаго дома, выходявшаго на улицу только тремя окнами. Тарсбахъ слѣдовалъ

за него. Они вошли на небольшой дворъ и, въ правомъ углу его, пройдя сквозь низкую дверь, начали подыматься по лѣстницъ во второй этажъ. Входя на первую ступень, женщина сказала Тарсбаху:

— Не дѣлайте ни малѣйшаго шума, притаите, если можно, ваше дыханіе.

Тарсбахъ кивнулъ головою въ знакъ согласія. Поднявшись на верхъ, женщина остановилась у дубовой двери и, двумя легкими ударами въ нее, просилась войти. Въ ту же минуту дверь была отперта и въ ней показалась молоденькая, хорошенькая дѣвушка.

— Луиза!

— Вильгельмъ! воскликнули Тарсбахъ и дѣвушка.

— Ради Бога, прошептала женщина, приведшая рыцаря, ради Бога не говорите здѣсь, идите далѣе, мы пропали если насъ услышатъ!

Молодые люди молча повиновались и пошли по корридору далѣе. На концѣ его вышли они въ небольшую комнатку, слабо освѣщенную.

— Луиза! ангель мой! наконецъ тронулась ты моими мольбами и согласилась на это свиданіе, говорилъ Тарсбахъ, сбрасывая съ себя измокшій плащъ.

— Вильгельмъ, ты весь промокъ, дай сюда твой плащъ, я его развѣшу, пусть онъ посохнетъ, отвѣчала Луиза.

— Моя дорогая, какое блаженство быть съ тобою наединѣ, говорилъ Тарсбахъ. Какое счастье высказывать тебѣ всѣ чувства любви волнующія грудь мою...

Луиза положила свою маленькую ручку къ его губамъ.— Не говори мнѣ этого, мой безцѣнный, сказала она, твои пламенные рѣчи тревожатъ меня, я не считаю себя виравъ слушать ихъ.

— Отчего же нѣтъ, ангель мой? ты любишь меня, ты рѣшилась принять меня здѣсь, такъ отъ чего же не позволишь мнѣ высказать тебѣ любовь мою? .

— Я знаю, я знаю Вильгельмъ, что ты любишь меня, но отецъ мой. . .

— Твой отецъ! . . . Послушай Луиза, я уже слишкомъ долго добиваюсь милостей твоего отца, его каменное сердце никогда не тронется нашей взаимной любовью. Ему нуженъ зять съ деньгами, а у меня ихъ нѣтъ. Напрасно будемъ мы ждать время, когда онъ сжалится надъ нами; въ его сердце надобно стучать золотомъ, другой звукъ ему не понятенъ. . .

— Вильгельмъ! добрый Вильгельмъ! не брани отца моего, онъ можетъ быть имѣть свои причины, намъ неизвѣстныя, противиться нашему счастью.

— Какія причины могутъ быть у него кромѣ сребролюбія? съ жаромъ возразилъ Тарсбахъ.

— Вильгельмъ, не будемъ такъ строго судить его, мы не знаемъ. . . Послушай, мой возлюбленный, да, мой возлюбленный, я не стыжусь дать тебѣ это имя, я рѣшилась, и ты долженъ поддержать мою рѣшимость, Согласенъ ли ты?

— Но на что? я не знаю о чемъ ты говоришь Луиза.

— Я говорю о нашей разлукѣ. . .

— О какой разлукѣ? . . .

— Нынѣ же, сегодня же, мы разлучимся, надобно покориться обстоятельствамъ ихъ посылаетъ Богъ. . .

— Я не понимаю тебя Луиза, что хочешь ты сказать?

— Ты самъ говоришь, Вильгельмъ, что не имѣешь надежды склонить отца моего къ согласію на наше соединеніе. Если

такъ, то за чѣмъ мучить намъ другъ друга, зачѣмъ ласкать себя пустыми, несбычными надеждами? Простимся мой безцѣнный, вотъ рука моя, вотъ объятія мои; пріиди на грудь мою въ первый и въ послѣдній разъ, а тамъ, бѣги отсюда...

—Какой демонъ внушилъ тебѣ такіа мысли, моя дорогая Луиза, намъ растаться? Мнѣ кинуть тебя? нѣтъ, ты вѣрно не думаешь о томъ что говоришь; скорѣе вырвутъ изъ груди моей сердце, чѣмъ заставить разлучиться съ тобою; клянусь рыцарской честью моею, этому не бывать никогда!

—Вильгельмъ, отвѣчала Луиза, ты не знаешь какой ужасной борьбы ума и сердца стоила мнѣ рѣшимость призвать тебя сюда, чтобы проститься съ тобою навсегда; но разлука наша необходима,.....

—Не раздражай меня Луиза, прерывай ее Тарсбахъ, не шути такъ жестоко..

—Я не шучу Вильгельмъ, я говорю съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ моихъ словъ.

—Полно, полно Луиза! Дня, поддающееся первому впечатлѣнію боязни ни на чемъ не основанной! Неужели безразсудные предразсудки и жалкіе расчеты отца твоего ты ставишь выше любви нашей? Неужели ты можешь подумать, хотя минуту, пожертвовать нашимъ счастьемъ мелкому корыстолюбію отца?

—Вильгельмъ! я говорю тебѣ, мнѣ страшно взглянуть въ будущее. Ты самъ увѣренъ, что отецъ мой никогда не согласится на бракъ нашъ. Что жъ будетъ наконецъ?...

—Что будетъ?—То, что должно совершиться сегодня вечеромъ. Лошади готовы, я увезу тебя!...

— Увезти меня! вскричала Луиза, нѣтъ Вильгельмъ, это невозможно.

— Невозможно? но почему же? Лошади ждутъ насъ у Кузнецкихъ воротъ, ногу въ стремя и насъ нѣтъ въ Ревель, мы бѣжимъ изъ города, изъ Эстляндіи, оставляемъ на всегда отечество, въ которомъ для насъ нѣтъ счастья.

— Вильгельмъ, другъ мой; но что же ждетъ насъ въ чужой странѣ? Развѣ ты думаешь, что покинувъ кровь родной, безъ благословенія родительскаго, мы можемъ быть счастливы?

— А отчего же нѣтъ? Ты еще дитя, и вступишь предразсудкамъ, не имѣющимъ смысла. Какое вліяніе можетъ имѣть на наше счастье согласіе твоего отца, развѣ мы будемъ отъ этого менѣ любить другъ друга? А любовь, одна любовь, есть наше счастье.

— Другъ мой Вильгельмъ, повѣрь мнѣ,

на свѣтѣ нѣтъ счастья въ дѣлахъ, не освященныхъ благословеніемъ родителей. Помни заповѣдь Божию: «Чти отца твоего и мать твою и благо ти будетъ»...

— Луиза, Луиза, прервалъ ее Тарсбахъ, тутъ рѣчь идетъ о почтеніи и уваженіи, это дѣло другое, ты сохраняешь полное уваженіе къ отцу твоему и...

— О! ты играешь словами, мой Вильгельмъ, ты самъ знаешь, что смыслъ ихъ...

Въ этомъ мѣстѣ разговоръ любовниковъ былъ прерванъ вбѣжавшею въ испугѣ старухою, которая привела Тарсбаха въ домъ Луизы. На лицѣ ея выразался страхъ.

— Ради Бога, сударыня, спрячтесь куданибудь, вашъ батюшка идетъ сюда съ какимъ-то господиномъ...

— Вильгельмъ, бѣги, бѣги скорѣе, говорила Луиза.

—Невозможно бѣжать, сударыня, баринъ уже на дворъ и благородный рыцарь непременно встрѣтится съ нимъ, спрячьте его куда нибудь.

—Но куда? спрашивала Луиза и въ нерѣшимости стояла какъ вкопанная.

Старуха видя, что медленность можетъ погубить ихъ всѣхъ и слыша уже стукъ шпоръ на лѣстницѣ, отворила дверь въ ближнюю комнату и втокнула туда Луизу и Тарсбаха, бросивъ вслѣдъ имъ плащъ и шляпу рыцаря.

—Поверните ключъ два раза въ замкѣ, прибавила она запирая дверь, и притворитесь спящей. Ржавый замокъ щелкнулъ два раза, а старуха вышла въ корридоръ.

—Гдѣ Луиза? спросилъ ее, подходящій къ двери Шредеръ.

—Барышня легла почивать, отвѣчала старуха громкимъ голосомъ, для того,

чтобы Луиза и Тарсбахъ могли слышать это.

—Поди прочь, Минна, сказалъ Шредеръ, обращаясь къ старухѣ, ложись также спать.

Когда она вышла, Шредеръ заперъ дверь, ведущую изъ корридора на лѣстницу. Сдѣлавъ это, онъ взялъ гостя своего за руку и повелъ въ комнату, въ которой, за минуту предъ симъ, сидѣли наши любовники. Потомъ Шредеръ подошелъ къ двери ведущей въ спальню Луизы и постучавъ слегка, позвалъ дочь свою по имени. Отвѣта не было.

—Она крѣпко спитъ, сказалъ Шредеръ обращаясь къ своему гостю, двери всѣ заперты, кругомъ нѣтъ никого, насъ не могутъ подслушать.

—Но точно ли ты увѣренъ, Шредеръ, спросилъ незнакомецъ, что дочь твоя спитъ; дѣвушки иногда принимаютъ

къ себѣ любовниковъ и запирають двери...

—Замолчи, поганая гадина, запицаль Шредерь разгнѣваннымъ голосомъ, не позорь имени дочери моей.

—Бранись какъ хочешь, Шредерь, а я знаю, что у твоей дочери есть любезный, благородный рыцарь фонъ Таребахъ, и что онъ ушелъ сегодня со двора перелѣвшись.

—Таребахъ! онъ не осмѣлится переступить порогъ моего дома.

—Все это прекрасно, но я не скажу тебѣ ни слова, пока ты самъ не удостовѣришься, что дочь твоя одна и точно спитъ.

—Ты мерзавецъ и предполагаешь всегда низости.

Въ это время, въ сосѣдней комнатѣ слышался легкій шорохъ.

—Ты слышишь, Шредерь, продолжалъ незнакомецъ, тамъ что-то шевелится.

—Хорошо же, чтобы доказать тебѣ, что предположенія твои такъ же ложны какъ лжива вся жизнь твоя, я войду въ комнату дочери, но....

Онъ не договорилъ, подошелъ къ двери и началъ стучать и звать Луизу. Черезъ нѣсколько секундъ послышался ея голосъ:

—Кто тамъ?

—Это я, моя Луиза, хочу проститься съ тобою.

—Но я уже въ постель, батюшка.

—Ничего, другъ мой, накинь чтонибудь и подойди къ двери, чтобы поцѣловать меня.

—Сей часъ батюшка, отвѣчала Луиза.

Таребахъ былъ уже спрятанъ подъ кровать. Луиза, откинувъ въ сторону свою дѣвическую стыдливость, принуждена была раздѣться какъ можно скорѣе и, накинувъ на плечи широкую мантию, отвори-

ла дверь своей спальни. Шредеръ перешагнулъ черезъ порогъ, окинулъ пронизательнымъ взоромъ всю комнату, поцѣловалъ Луизу и вышелъ, сказавъ ей:

— Спи спокойно мое дитя!

— Чтожь? спросилъ его незнакомецъ тихо.

— Ты заслуживаешь, чтобы я разможилъ тебѣ голову за твое обвиненіе, отвѣчалъ Шредеръ.

Луиза въ испугъ не заперла двери на ключъ и, пагнувшись подъ свою кровать, шепнула Тарсбаху, чтобы онъ не шевелился. Сама же она, не снимая мантии, легла на постель.

Шредеръ и незнакомецъ сѣли къ столу.

— Ну что же? какія новости? спросилъ Шредеръ.

— Начало сдѣлано, отвѣчалъ незнакомецъ. Мы заставили его сдѣлать глупость.

— Гдѣ же онъ теперь?

— На Вынгородѣ. Завтра, по просьбѣ родныхъ казненаго, вы т. е. Магистратъ, должны запретить ему въѣздъ въ городъ, объявить его преступникомъ.

— А дальше что же? прервалъ Шредеръ.

— Что дальше? А то, что я беру на себя и отвѣчаю за то, что онъ покажется въ городъ, тогда не плошайте вы, почтенные ратеры, схватите его, судите и казните храбраго рыцаря.

Тарсбахъ слушалъ со вниманіемъ. Кровь закипѣла въ немъ, когда онъ услышалъ какъ поганые бюргеры осмѣливаются разсуждать о казни рыцаря, лица неприкосновеннаго. Но онъ не понималъ о комъ идетъ рѣчь и слушалъ продолженіе разговора, если можно еще съ большимъ вниманіемъ. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва, едва могъ удер-

жать свое негодование. О! еслибъ у меня былъ мой мечъ, думалъ онъ, я размножилъ бы черепы этимъ проклятымъ людямъ, этимъ дерзкимъ бюргерамъ.

— Но какъ ты вызовешь его въ городъ, какими средствами? спросилъ Шредеръ незнакомца.

— Это мое дѣло, отвѣчалъ тотъ, тебѣ нечего заботиться обо мнѣ, кажется я не подавалъ повода сомнѣваться въ моемъ умѣннн ворочать дѣлами и поважнѣе этого.

— Важнѣе, говоришь ты, старая лисица, и говоришь это мнѣ, тогда какъ я знаю, что для тебя смерть Иксуля важнѣйшее дѣло въ жизни.

Услышавъ имя Иксуля Тарсбахъ не выдержалъ. И такъ дѣло шло объ его другѣ. Въ бѣшенствѣ выскочилъ онъ изъ подъ постели и побѣжалъ къ дверямъ, самъ не зная, что дѣлаетъ. Луиза вскрикнула.

— Мы погибли, насъ подслушивали, закричалъ незнакомецъ и бросился къ дверямъ спальни Луизы.

Тарсбахъ съ своей стороны раскрылъ дверь. Незнакомецъ, увидя рыцаря, бросился на него. Короткій ножъ сверкнулъ въ рукѣ незнакомца и Тарсбахъ упалъ въ крови на полъ.

— Спасите Иксуля! спасите Иксуля! кричалъ умирающій въ предсмертныхъ мукахъ. Но не прошло минуты какъ слова замерли на устахъ его и онъ испустилъ духъ. Луиза лежала въ обморокѣ, возлѣ бездыханнаго тѣла Тарсбаха.

— Твое дѣло, выбросить тѣло въ море, сказала незнакомецъ, спокойно отирая ножъ о платье убитаго, а мнѣ не когда. И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

явшей возлѣ самой стѣны замка. Двумъ конюхамъ приказано было припасти плотную веревку, сдѣлать изъ нее на одномъ концѣ петлю а другой конецъ прикрѣпить къ толстому суку другой ели. Все было готово. Иксуль приказалъ Густаву и другому слугѣ своему привести преступника. Между тѣмъ рыцари пошли къ ели и ожидали тамъ осужденаго на казнь. Но лотъ проходитъ нѣсколько времени, а преступника не ведутъ. Благородные рыцари, наскучивъ ждать, посылаютъ еще новаго гонца съ приказаніемъ Густаву поспѣшить. Иксуль въ особенности желалъ скорѣе кончить это дѣло, потому что торопился ѣхать въ Ревель, въ надеждѣ увидѣться еще сегодня же съ своей Альбертиной. Проходитъ еще нѣсколько минутъ,—не видно ни кого. Наконецъ, спустя четверть часа, является Густавъ въ сопровожденіи двухъ другихъ слугъ.

VI.

ФРАНЦЪ.

Возвратимся теперь въ Ризенбергъ. На другое утро, послѣ случившейся въ замкѣ покражи, благородные рыцари встали рано. Каждый изъ нихъ провелъ ночь тревожно. Головы всѣхъ были наполнены страшнымъ и непріятнымъ происшествіямъ. Иксуль приказалъ всей дворнѣ своей собраться у одной ели, сто-

— Что жь вы не ведете Франца? спросил Иксуль приближающихся, нечего смотреть на его слезы и просьбы. Онъ виноватъ и конечно, нѣтъ ему помилованія; а вы и разжалобились старья бабы. Иди скорѣй Густавъ и приведи мнѣ сію минуту мошеника.

Но Густавъ вмѣсто того, чтобы повиноваться своему господину все приближался къ нему.

— Что жь ты! оглохъ развѣ, что смѣешь ослушиваться словъ моихъ? крикнулъ на него Юганнъ.

— Благородный рыцарь, отвѣчалъ Густавъ, низко кланяясь...

— Нечего просить за бездѣльника, прервалъ его Иксуль.

Благородный рыцарь, продолжалъ Густавъ, я не думалъ просить за Франца, а осмѣляюсь только доложить вамъ.

— Что такоее?

— Я не нашелъ Франца.

— Какъ не нашелъ?

— Его нѣтъ въ подвалѣ.

— Да гдѣ же онъ?

— Не могу знать.

— А часовой?

— Часовой лежитъ убитый у входа въ подвалъ.

— Что скажете вы объ этомъ господа? говорилъ Иксуль, обращаясь къ стоявшимъ возлѣ него рыцарямъ; этому мошенику Францу мало было того, что онъ обокралъ рыцаря фонъ Эйзенфельса въ моемъ домѣ, вздумалъ еще дезертировать и въ добаковъ убивать моихъ вѣрныхъ слугъ. Нѣтъ это право слишкомъ большая дерзость.

— Неимовѣрная дерзость, кричалъ Бергшильдъ, ужасная, неслыханная, повѣсите его, повѣсите!

— Прежде нежели повѣсится, приба-

вилъ Эйзенфельсъ , надобно найти виновнаго , а это будетъ , я думаю , не такъ легко .

— Рано ли , поздно ли , ему не уйти казни , сказала Искуль . Если онъ не провалился сквозь землю , такъ я его непременно найду . Куда ему бѣжать ? онъ не можетъ выдти изъ Эстляндіи , потому что не знаетъ ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ .

Поговоривъ еще нѣсколько времени , рыцари пошли осмотрѣть подвалъ , гдѣ былъ заключенъ несчастный Францъ . Каменный полъ темницы былъ залитъ кровью вытекшей изъ широкой раны , полученной часовымъ прямо въ сердце .

— Ловкій ударъ , замѣтилъ Эйзенфельсъ , опытная рука , видно не въ первый разъ изволила щупать человѣческое сердце концемъ ножа . И ножъ былъ не дурень ;

смотрите какой плотный кожаный ремень перерѣзанъ на мѣстѣ раны !

Искуль слушала разсѣянно эти замѣчанія . Сердце его сжималось при видѣ обезображеннаго трупа одного изъ вѣрныхъ слугъ своихъ .

Однако время отъѣзда въ Ревель приближалось . Поручивъ людямъ своимъ позаботиться о преданіи землѣ тѣла убитаго часоваго , Искуль просилъ товарищей своихъ рыцарей повѣсть поплотнѣе передъ дорогой . Всѣ усѣлись къ столу , но ѣли и пили мало . Даже Бергшильдъ былъ весьма умѣренъ . Всѣ заняты были происшествіемъ , которое все стаповилось страннѣе и страннѣе .

— Признаюсь , замѣтилъ Эйзенфельсъ , еслибъ дѣло шло только объ украденныхъ у меня вещахъ , я просилъ бы помиловать его , но теперь , когда онъ къ своему преступленію прибавилъ еще ду-

шегубство, я первый подаю голосъ, чтобы этому мошеннику не было пощады, и если я встрѣчусь съ нимъ самъ, гдѣ бы то ни было, то не ручаюсь за свое хладнокровіе. Дерзость его слишкомъ велика.

— Нѣтъ, и думать нечего, прибавилъ Иксуль, ему не будетъ пощады и лишь только его поймаютъ, то безъ отлагательства, днемъ ли, ночью ли, въ дому ли или въ чистомъ полѣ, сего дня или завтра, петлю ему на шею и конецъ. Напрасно Эйзенфельсъ помѣшалъ ты мнѣ вчера, и вы Тарсбахъ и Бергшильдъ, напрасно отсовѣтовали вы мнѣ повѣсить его тотчасъ, вы бы избавили его отъ лишняго преступленія, а насъ отъ скучныхъ хлопотъ и досады.

— Однако, сказалъ Тарсбахъ, намъ нечего мѣшкать, пора въ дорогу. Иксуль! вели подавать нашихъ коней.

Тарсбахъ торопился не даромъ. За не-

дѣлю тому назадъ получилъ онъ дозволеніе своей Луизы, явиться къ ней сегодня вечеромъ, потому что отецъ ее долженъ былъ находиться въ отлучкѣ весь день, до поздней ночи. Свидѣться съ нею и увезти ее, вотъ было его намѣреніе. Конни осѣдланы и поданы. Рыцари отправились въ путь, когда уже было за полдень. Во всю дорогу толковали они о происшествіи вчерашняго дня; останавливались въ каждой корчмѣ и деревушкѣ, и спрашивали не проходилъ ли тутъ бѣглець или не останавливался ли онъ. Но вездѣ получали они тотъ же отвѣтъ: Францаникто не видѣлъ. Такимъ образомъ въѣхали они въ земли лежація въ городской чертѣ, но довольно отдаленныя отъ самаго города. Бергшильдъ и Эйзенфельсъ настаивали, чтобы и тутъ подвергать строгому осмотру корчмы и другія зданія. Иксуль находилъ также эту мѣру

необходимого и потому рыцари подвигались впередъ весьма медленно, забѣжалъ въ каждый домъ и спрашивая жителей. Подѣхавъ къ одной корчмѣ, въ которой жилъ честный жидъ, рыцари вызвали хозяина. После нѣсколькихъ распросовъ, сопровождаемыхъ угрозами, хозяинъ объявилъ, что въ прошлую ночь, уже подъ утро, прибылъ къ нему какой-то человекъ и просилъ ночлега, что онъ пустилъ его и что этотъ человекъ и доселѣ находится въ его корчмѣ. Начались розыски. Ночевавшій въ корчмѣ былъ Францъ. Конюхи рыцарей схватили бѣглеца, и черезъ нѣсколько минутъ онъ висѣлъ между небомъ и землей, на близъ стоящемъ деревѣ.

Совершивъ казнь, рыцари поѣхали въ городъ, радуясь, что судьба привела ихъ такъ скоро отыскать злодѣя и что онъ получилъ вполне заслуженное имъ наказаніе.

Всѣ рыцари отправились на Вышгородъ. Искулю нечего было и думать ѣхать къ Альбертинѣ, потому что было уже поздно. Тарбахъ переодѣлся и, какъ мы видѣли пошелъ въ городъ, въ длинную улицу на свиданіе съ своей Луизой.

комъ, она посѣщала по прежнему мнимаго дядю своего фонъ Шерцвальда и двоюродную сестру свою Агнесу. Но къ великому счастью она, въ теченіи этого времени, не только ни разу не видѣла ужаснаго незнакомца, но даже и не слышала о немъ ничего. Не смотря на это, она не могла быть совершенно спокойна: блѣдное лице и сверкающіе глаза старика являлись ей иногда и тревожили ея невинныя, дѣвическія сновидѣнія. Трудно изгнать совершенно изъ сердца чувство подобнаго страха, онъ все грозитъ намъ изъ мрака, и мы, съ недоувѣрчивостію, думаемъ о томъ, что нѣсколько времени были спокойны. Есть происшествія въ жизни, врѣзывающіяся въ память и неизглаживающіяся ничѣмъ. Мы слишкомъ слабы, чтобы совершенно откинуть мысль о сверхъестественномъ, и во всякомъ, необыкновенно поражающемъ насъ

V.

СПАСИТЕЛЬНИЦА.

И долго, долго сиротою
Она, по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ, съ поникшей головою,
Одна, съ уныніемъ своимъ.

Е. БАРАТЫНСКІЙ.

Альбертина, строго исполняя послѣднюю волю благодѣтельницы своей, покойной настоятельницы систертинскаго монастыря Софіи Шварцгофъ, оставалась въ монастырѣ. Во время отсутствія Иксуля, показавшагося ей цѣлымъ въ-

событіи ищемъ таинственной силы, съ которою надобно бороться. Въ XVI вѣкѣ такіе предрасудки были еще сильнѣе, и потому не удивительно, что Альбертина иногда думала съ ужаснымъ страхомъ о незнакомцѣ, предполагая, что онъ можетъ быть въ связи съ нечистой силой и что она обречена въ жертву злему духу за грѣхи свои. Но за какіе же? — Тяжкихъ грѣховъ она за собой не знала. И почему же ей именно суждено быть несчастной жертвой злыхъ замысловъ діавола? Когда такія мысли тревожили Альбертину, то она со слезами принадала къ образу Пречистой Дѣвы и твердила молитву:

Mater amata, intemerata, ora pro nobis!

И слезы облегчали ее. И она молилась за своего прекраснаго друга Искула! Божья благодать вливалась въ душу ея и доставляла ей покой, столь нужный въ ея тревожномъ положеніи. Если мнѣ

суждено пасть отъ преслѣдованій ужаснаго незнакомца, думала она, то видно такова воля Божія, а все, что дѣлается по волю Его, то благо.

Въ тотъ вечеръ, когда рыцари прибыли въ городъ, Альбертина, зная, что Искуль долженъ возвратиться, долго ждала его. Прикинувъ головкой къ стеклу окна, она пристально глядѣла на улицу, вопрошала взглядомъ каждаго прохожаго: не видѣлъ ли онъ прекраснаго рыцаря Фонъ Искуля? но все напрасно. Настала темнота, и ворота монастырскія заперлись для посѣтителей. Тогда, съ грустью, покинула Альбертина окошко и пошла къ настоятельницѣ для того, чтобъ въ благочестивой бесѣдѣ съ почтенной старушкой разсѣять тоску свою. Такъ прошелъ вечеръ. Насталъ часъ, когда въ монастырѣ все ложились спать. Альбертина, хотя и тревожилась отсутствіемъ Иску-

ля, но, не смотря на то, скоро заснула, въ несомнѣнной надеждѣ непременно увидѣть скоро своего возлюбленнаго.

Не прошло часа, послѣ того какъ все затихло въ систертинской обители, какъ у монастырскихъ воротъ раздались частые удары. Сестра привратница проснулась. Удары усиливались и учащались. Сестра Анна, (такъ звали привратницу), вскочила съ постели и побѣжала къ дверямъ. На улицѣ раздавался женскій голосъ: «отоприте отоприте!» Сестра Анна была та же самая привратница, которая, при покойной настоятельницѣ монастыря, присутствовала при томъ, какъ принесли маленькую Альбертину. Она не знала, что ей дѣлать. Собравшись однако съ силами, она спросила:

— Кто тамъ?

— Несчастная женщина, ради Христа отоприте! раздавался жалобный голосъ.

Сестра Анна вспомнила происшествіе, случившееся за 17 лѣтъ тому назадъ, вспомнила слова Евангельскія, которыя Софія Шварцгофъ приводила, какъ причину, побудившую ее тогда отворить дверь монастыря: *«просите и дастся вамъ, толцуйте и отверзется вамъ.»* Она вспомнила все это, и рѣшилась отпереть. Замокъ щелкнулъ и дверь раскрылась. Мѣсяць свѣтилъ ярко. Передъ сестрой Анной стояла молодая женщина, небольшого роста. Черты лица ея были очень хороши, но красные и распухшіе глаза были полны слезъ, струившихся по блѣднымъ щекамъ ея. Въ одеждѣ ея былъ замѣтенъ безпорядокъ. Въ лицѣ выражалась смѣсь отчаянія, глубокой горести и твердой рѣшимости. Старая сестра Анна, при видѣ такой душевной немощи, взяла страдальцу за руку и съ участіемъ спросила ее, чего она хочетъ?

—Мнѣ нужно видѣть Фрейлейнъ Альбертину Шерцвальдъ, отвѣчала та.

—Теперь, дочь моя!

—Да, сейчасъ.

—Это невозможно, другъ мой, теперь ночное время, вся обитель спитъ.

—Мнѣ очень нужно . . .

—Подожди до завтра, моя любезная.

—О Боже! всякая минута дорога.

—Подожди, душа моя, я вижу твое горестное положеніе, но никакъ не могу исполнить твоей просьбы, все, что могу сдѣлать для тебя, это предложить тебѣ раздѣлать со мной до утра мое ложе, хоть мнѣ можетъ быть и будетъ за это выговоръ отъ настоятельницы, да ужъ нечего дѣлать.

—Благочестивая монахиня, ради Бога, пусти меня къ Фрейлейнъ Альбертинѣ, молю тебя объ этомъ на колѣняхъ. И рыдающая женщина дѣйствительно ста-

новилась на колѣни, на порогѣ монастырскихъ воротъ.

—Душа моя, это невозможно, отвѣчала придверница; но не все ли тебѣ равно переждать нѣсколько часовъ. Я знаю, что ты ищешь покровительства, и можетъ быть нищета или другое что нибудь . . .

—О нѣтъ, нѣтъ, прервала незнакомка и залилась еще горчайшими слезами.

—Какое же тебѣ дѣло до сестры Альбертины? спросила съ нѣкоторымъ безпокойствомъ привратница, въ которую начали поселяться подозрѣнія; но какія подозрѣнія, она и сама того не знала. Ей просто сдѣлалось страшно. Видъ этой несчастной женщины безотчетно поражалъ ее.

—Ей, только ей одной могу я сообщить то, что нужно, отвѣчала незнакомка, пустите меня, ради Бога и всѣхъ свя-

тыхъ, пустите! И бѣдная женщина ваялась у ногъ монахини.

Однако сестра Анна никакъ не могла исполнить ея желанія. Она извинялась передъ нею, предлагала ей еще разъ переночевать въ монастырѣ, но незнакомка не соглашалась на это предложеніе, твердя, что минуты дороги. Попробовавъ еще нѣсколько усиленныхъ просьбъ, и видя ихъ безплодными, незнакомка простилась съ сестрой. Анной и съ рыданіями и воплями, оглашавшими улицу, удалилась отъ монастырскихъ дверей. Въ это время настоятельница проснулась и слыша шумъ одѣлась на-скоро и сошла въ низъ. Она застала сестру Анну въ смущеніи, спросила ее подробно о происшедшемъ и рѣшилась позвать незнакомку. Съ этимъ намѣреніемъ приказала она привратницѣ отворить дверь и выглянула на улицу. Но уже никого не бы-

ло видно и не слышно было рыданій бѣдной женщины. Все было тихо въ спальнѣ городъ. Удостоверившись, что нѣтъ возможности воротить незнакомку, настоятельница удалилась въ свою келью. Альбертина спала крѣпкимъ сномъ юности и не слышала ничего.

Между тѣмъ, незнакомка быстрыми шагами шла по городскимъ улицамъ. Она миновала *широкую* и вошла въ *рыцарскую* улицу. Прощедъ по ней нѣсколько, въ виду башни Николаевскѣй церкви, она повернула въ переулочекъ. На концѣ этого переулка находилась лѣстница, называемая *короткой Вышгородской горой*, (der kurze Domberg) ведущая на Вышгородъ. Съ поспѣшностію начала всходить несчастная женщина по крутымъ ступенямъ. Перемогаясь и усиливаясь побѣдить усталость, она дошла до верху. Тамъ была (и понынѣ существующая) дверь въ стѣнѣ

обитая большими желѣзными гвоздями съ широкими шляпками. Дверь была заперта. Изнемогая и отчаяваясь привести въ дѣйство намѣреніе свое, незнакомка, лишенная силъ, сѣла на каменную лѣстницу и погрузилась въ глубокую думу. Иногда размышленія ея были прерываемы обильными слезами. Тогда вынимала она спрятанный у груди ея окровавленный платокъ, покрывала его горячими поцѣлуями, плакала, утирала имъ слезы и снова цѣловала его. Въ такомъ положеніи просидѣла она съ полчаса, потомъ встала и сказала:

— «Что же я медлю? его воля законъ для меня, я ее исполню!»

И съ этими словами незнакомка начала спускаться по Вышгородской лѣстницѣ. Сошедъ съ нея она остановилась и подумала:

— Если я обойду городъ и приду къ

наружнымъ Вышгородскимъ воротамъ, меня можетъ быть не пустятъ, а если и пустятъ, то что же я сдѣлаю? Я не увижу его, онъ спитъ, его также не разбудятъ. Нѣтъ, лучше не терять напрасно времени, буду ждать первыхъ лучей солнца, теперь должно быть скоро утро.

И незнакомка пошла по прежней дорогѣ къ систертинскому монастырю. Пришедъ туда она сѣла на землѣ у воротъ обители. Ночь была свѣтлая. Мѣсяць свѣтилъ ясно. Звѣзды, затмѣваемые блескомъ луны, кое-гдѣ горѣли какъ алмазы. Въ началѣ Мая, ночи не весьма теплы на сѣверѣ и потому незнакомка, сѣдящая у дверей монастыря, скоро почувствовала дѣйствіе свѣжаго воздуха. Онъ подѣйствовалъ благотѣльно на нее. Ея физическія силы оживились. Она чувствовала себя свѣжѣе. Но мысли и чувства ея не измѣнялись: та же убійственная грусть

отражалась въ чертахъ ея, тѣ же слезы лились по временамъ изъ глазъ ея; она твердила иногда про себя:

— Его воля! Его воля! Его послѣдняя воля!

И при этихъ словахъ она вынимала окровавленный платокъ, покрывала его безчисленными поцѣлуями и рыдала больше прежняго.

Утренняя заря застала ее на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Въ пять часовъ утра, въ монастырѣ зашевелились. При первомъ шорохѣ, который раздался въ монастырѣ, незнакомка постучалась въ монастырскую дверь. Привратница не заставила ее дожидаться.

— Ну слава Богу, что ты пришла моя любезная, сказала ей сестра Анна, открывъ дверь, настоятельница безпокоилась о тебѣ...

Незнакомка не слышала словъ привратницы и перебила ее вопросомъ:

— Могу ли я теперь видѣть Фрейлейнъ Альбертину?

— Да скоро, скоро, душа моя, подожди немного, сей часъ встануть всѣ сестры.

— Нѣтъ, ради Бога! теперь я уже не могу ждать, я ждала всю длинную ночь.

— Сей часъ, сей часъ, подожди немного.

— Больше мнѣ нельзя ждать, умоляю тебя; ты не знаешь какія ужасныя послѣдствія могутъ быть отъ твоей медленности или отъ твоего упрямства.

— Ну, хорошо, хорошо, подожди же хоть минутку, дай я схожу.

Сестра Анна вышла, оставя незнакомку одну въ корридорѣ монастыря.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась въ

корридоръ Альбертина, съ смущеннымъ лицомъ. Она взглянула на незнакомку, и увидя лице ея, совершенно чужое, подумала, что ее вѣрно позвали по ошибкѣ. Однако, подошедъ къ ней, спросила ее:

—Кого вамъ угодно?

—Фрейлейнъ Альбертину фонъ Шерцвальдъ.

—Я передъ вами, отвѣчала Альбертина, что вамъ отъ меня угодно?

—Я васъ не знаю, но обстоятельства заставляютъ меня говорить съ вами прямо...

—Я слушаю васъ, прервала Альбертина.

—Вашъ женихъ въ большой опасности...

—Юганнъ! прервала Альбертина поблѣднѣвъ, Юганнъ! повторила она, и должна была схватиться за колонну, чтобы удержаться на ногахъ.

—Да, отвѣчала незнакомка, вашему жениху Юганну фонъ Иксулю угрожаетъ большая опасность, но вы можете спасти его...

—Что могу я сдѣлать? воскликнула Альбертина, ради Бога говорите.

—Вы должны уговорить его, чтобы онъ не являлся въ городъ, а оставался бы на Вышгородъ, пока всѣ дѣла не кончатся...

—Но какія же дѣла?

—Я не знаю сама, но мнѣ извѣстно, что онъ сдѣлалъ что-то, за что Ревельскій магистратъ хочетъ схватить, судить и казнить его. Не теряйте времени, примите мѣры, умоляю васъ объ этомъ.

—Но какъ же вы узнали, и кто вы? спросила Альбертина.

—Кто я? отвѣчала незнакомка, это вамъ не нужно знать, вы видите, что я несчастная женщина; какъ я объ этомъ

узнала, это также моя тайна, которой я не могу открыть вамъ.

—Вы его любите, моего Иоганна? спросила Альбертина, въ порывѣ ревности, вперивъ въ незнакомку испытующій взоръ.

—О, да! я его очень люблю; но не бойтесь, *мейнъ фрейлейнъ*, я его никогда не видѣла и онъ также вовсе не знаетъ меня, я его люблю, потому что *онъ* былъ его другомъ и завѣщаль мнѣ...

Незнакомка не договорила, потокъ слезъ кануль изъ глазъ ея. Оправившись нѣсколько, она продолжала:

—Вы общаете мнѣ *спасти его?*

—Я? я жизнь мою положу за него, но чтожь дѣлать? возразила Альбертина.

—Предупредите его какъ можно скорее, объ угрожающей ему опасности, упросите вашего дядю дать ему знать объ этомъ, умолите его не выѣзжать изъ

Вышгорода и тогда онъ спасенъ. Но ради Бога не теряйте времени. Общаете ли вы мнѣ это?

—Вотъ рука моя, отвѣчала Альбертина, протягивая всю бѣленькую ручку незнакомкѣ и не понимая ничего.

Незнакомка опустила глаза и, черезъ нѣсколько секундъ, вышла изъ монастыря.

Читатель вѣрно давно уже узналъ въ печальной незнакомкѣ несчастную Луизу, лишившуюся, такъ мгновенно и неожиданно, своего вѣрнаго друга. Да, это была она, эта бѣдная, сто разъ бѣдная Луиза, побѣждающая свою убійственную грусть, для того, чтобы исполнить предсмертный призывъ своего безцѣннаго Вильгельма, вопіявшаго:

—«Спасите его! спасите Иксула!»

И въ ней, въ этой слабой дѣвушкѣ явились силы изступленія, заставившія

ее пренебречь на время своими чувствами и шествовать по стезѣ, указанной ей ея умирающимъ другомъ. Ей?—Конечно ей поручалъ Тарсбахъ судьбу Искуля. Кто, кромѣ ее, могъ его слышать и исполвить его желаніе?—Никто. Онъ увѣренъ былъ въ любви своей Луизы, и онъ зналъ, что любящая женщина владѣтъ силою и твердостью необычайной. Онъ былъ увѣренъ, что она спасетъ его; и она оправдала его ожиданія, она сдѣлала все, что могла.

Когда тѣло Тарсбаха, закутанное въ разное платье, было вынесено отцемъ ея и однимъ изъ преданныхъ ему слугъ, (Шредеръ долженъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, боясь преслѣдованій) она собрала въ платокъ свой капли крови, забрызгавшія полъ ея спальни, эти драгоценныя капли, вытекшія изъ сердца, бившагося любовію къ ней. Потомъ, на-

кинуть на себя свою мантию, она торопливо сошла съ лѣстницы и читатель видѣлъ, какъ она провела ночь, скитаясь по городу, подобно тѣни, вставшей изъ гроба.

Альбертина, по уходѣ Луизы, просила настоятельницу отправить ее немедленно къ Шерцвальду. Настоятельница сначала не соглашалась, но когда Альбертина объявила ей, что отъ этого зависить участь ея жениха, Елисавета Таубе не воспротивилась желанію Альбертины и отправила ее, съ одной пожилой монахиней, къ ея дядѣ. Съ необыкновенною поспѣшностію бѣжала Альбертина по улицамъ, такъ, что старая монахиня едва могла за нею слѣдовать. Альбертина была увѣрена, что Шерцвальдъ немедленно отправится на Вышгородъ и уговорить Искуля не выѣзжать въ городъ. Но вотъ уже домъ Шерцвальда, берегъ видѣнь,

цѣль достигнута. Съ быстротою молніи
взбѣжала Альбертина по лѣстницѣ во
второй этажъ и прямо пошла въ комна-
ту своего нареченнаго дяди. Запыхав-
шись отворяетъ она дверь. Ее встрѣ-
чаетъ . . . . . Иксуль. При видѣ его, Аль-
бертина вскрикнула и безъ чувствъ бро-
силась къ нему на шею.

VI.

СВИДАНІЕ.

Mein Herz pocht wild beweglich,
Es pocht beweglich wild;
Weil ich dich liebe unsäglich,
Du liebes Menschenbild!

Н. HEINE.

Когда Иксуль, послѣ казни Франца,
пріѣхалъ на Вышгородъ, имъ овладѣла
неописуемая тоска. Эйзенфельсъ и Тарс-
бахъ ушли. Когда Юганнь, пожималъ се-
му послѣднюю руку на прощанье, онъ
конечно не думалъ, что ему не придется

уже болѣе свидѣться съ нимъ на свѣтѣ; онъ не думалъ, что эта мощная рука черезъ нѣсколько часовъ окостенѣетъ, что эти пылкія очи, такъ скоро закроются на вѣки. Но не смотря на то, что никакія грустныя предчувствія не тревожили его, Искуль не могъ побѣдить сильной тоски своей. Быть въ Ревель, послѣ долгаго для любовника, отсутствія, и не видѣть Альбертину, было уже для него наказаніемъ. Сверхъ того, его мучила мысль о казненномъ Францѣ. Посинѣвшее лицо преступника безпрестанно являлось его глазамъ и своею мертвою неподвижностію, своимъ судорожнымъ выраженіемъ, въ которомъ отпечатлѣвались муки насильственной смерти, какъ бы вопрошало его и требовало отвѣта за казнь. Я долженъ былъ это сдѣлать, думалъ Искуль, но какъ ужасно быть въ этой необходимости! Онъ былъ очень радъ, что Эйзен-

фельса не было дома. Его общество становилось для него тягостнымъ. Какъ бы то ни было, Искуль видѣлъ въ немъ первую причину случившагося. Еслибъ не Эйзенфельсъ, думалъ онъ, еслибъ у него не было ни золотой цѣпи, ни денегъ, или, еслибы все это было порядочно спрятано, то Францу никогда не вошло бы на умъ красть, и тогда я былъ бы и спокоенъ и доволенъ. А теперь! Страшно подумать объ этой ужасной казни. Къ тому же, у Эйзенфельса въ глазахъ какое-то непріятное выраженіе, онъ долженъ быть лукавъ, а я не терплю притворства.

Такъ думалъ Искуль сидя одинъ дома, на Вышгородѣ. Настала ночь и онъ легъ спать, но сонъ его былъ самый тревожный. На утро, вставъ ранехонько, онъ отправился въ городъ въ домъ Шерцвальда и прибылъ туда за нѣсколько минутъ до прихода Альбертины.—

Разстроенное положеніе Альбертины, при свиданіи съ нимъ, не изумило его во все. Онъ приписывалъ его радости свиданія, и потому не спрашивалъ о причинѣ ея смущенія. Онъ ласкалъ ее, цѣловалъ ея руки и лобъ, называлъ ее самыми нѣжными именами, но Альбертина едва замѣчала все это и, пришедъ нѣсколько въ себя, сказала:

—Иоганнъ, Иоганнъ, ради Бога ступай скорѣй на Вышгородъ.

—За чѣмъ душа моя? спросилъ ее спокойно Иксуль, не замѣчая дрожанія въ ея голосѣ.

—За чѣмъ? возразила Альбертина, ты въ опасности, тебя хотятъ схватить.

Иксуль не понималъ ничего и потому спросилъ ее:

—Кто же хочетъ схватить меня? и за чѣмъ?

—Магистратъ, городской Магистратъ

хочетъ тебя схватить, судить и казнить. . .

Иксуль расхохотался.

—Откуда ты взяла эту небывальщину, моя дорогая Альбертина? спросилъ онъ ее.

—Я знаю, я знаю, отвѣчала Альбертина поспѣшно, мнѣ сказала одна женщина и она такъ плакала, такъ плакала. . .

—Тебя обморочили, мой другъ, надъ тобой хотѣли посмѣяться, это невозможно.

—О нѣтъ! Иоганнъ, она не могла смѣяться надо мной, она такъ плакала, такъ была разстроена, ради Бога уѣзжай на Вышгородъ.

—Послушай Альбертина, сказалъ Иксуль, взявъ ея руку, чтобы разувѣрить тебя, мнѣ надобно толковать тебѣ довольно много, а мнѣ бы нехотѣлось терять время въ пустыхъ разговорахъ, тогда какъ, послѣ нашей разлуки, я имѣю такъ

много предметовъ, о которыхъ надобно съ тобой поговорить. Но я вижу твое безпокойство, тебя видно очень ловко обманули, и потому, чтобы согнать съ твоего прелестнаго личика эту заботливость, я скажу и растолкую тебѣ все. И съ этими словами, Иксуль поцѣловаль руку Альбертины и прибавилъ: слушай же меня внимательно.

Альбертина сѣла возлѣ Иксуля и внерила въ него взоръ, какъ бы боясь упустить малѣйшій жестъ своего возлюбленнаго.

— Ты знаешь, другъ мой, началъ Иксуль, что Вышгородъ и городъ, или рыцари и бюргеры, суть двѣ совершенно различныя вещи

— Знаю, знаю, отвѣчала Альбертина.

— Вышгородъ имѣеть свои законы, продолжалъ Иксуль, а городъ свои. Рыцари подлежатъ еуду Командора и Маги-

стра, а горожане судятся Магистратомъ. Рыцарство есть сословіе неприкосновенное для города. Если рыцарь провинится въ чемъ бы то ни было, то судится на Вышгородѣ, въ совѣтъ Командора.

— А Магистратъ? спросила Альбертина, занятая своимъ предметомъ и пораженная мыслию, что Магистратъ долженъ схватить Иксуля.

— Магистрату нѣтъ до насъ никакого дѣла. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это жаловаться на насъ Командору, но и въ такомъ случаѣ жалобы его обыкновенно остаются безъ вниманія, потому что Командоръ радъ при всякомъ случаѣ доказать городу, что онъ презираетъ бюргеровъ, ставить ихъ ни во что. Такіе примѣры бывали и бываютъ часто, но никто до сихъ поръ не слыхиваль, чтобы городъ, или, если хочешь, Магистратъ, распорядился самъ въ отношеніи къ рыца-

рямъ. Да это и не возможно, потому что противно всѣмъ законамъ.

— Если такъ, возразила Альбертина, нѣсколько успокоившись, то какая же охота Магистрату жаловаться на рыцарей, и отчего же, за одинъ и тотъ же проступокъ, наказывать горожанина и не наказывать рыцарей?

— Отъ того, что мы рыцари, отвѣчалъ Искуль, и имѣемъ свои особыя права, а они купцы и мѣщане. Они богаты, — пусть же и наслаждаются они удовольствіями, доставляемыми деньгами и не лѣзутъ на одну ступень съ рыцарями; мы бѣдны, но за то въ насъ течетъ благородная кровь и намъ, вмѣсто золота, назначены въ удѣлъ почести и власть. Понимаешь ли ты меня душа моя?

— Не совсѣмъ, отвѣчала Альбертина, но это все равно, скажи мнѣ только, увѣ-

ренъ ли ты, что Магистратъ не можетъ схватить тебя?

Искуль громко захохоталъ.

— Въдъ я говорю тебѣ моя дорогая, сказалъ онъ, что это невозможно, что скорѣе въ Ревелѣ перевернутся всѣ дома вверхъ дномъ, нежели случится, что либо подобное.

— И этого никогда небывало.

— И не бывало, и быть не можетъ, и не будетъ.

— Точно?

— Навѣрное.

— Руку твою?

— Вотъ она.

— Рыцарское слово?

— И его даю тебѣ.

— Хорошо Иоганнъ, но растолкуй же мнѣ, зачѣмъ приходила пугать меня эта женщина? съ какого повода сдѣлала она это? И за чѣмъ она такъ плакала?

— А Богъ знаетъ, отвѣчалъ Искуль можетъ быть какая нибудь помѣшанная,

— И я также думала сначала Іоганнь у нее такіе страшные глаза, щеки такія блѣдныя, платье запачканное. . .

— Вотъ видишь ли, я и отгадалъ.

— Хорошо Іоганнь, положимъ, я надѣюсь, что оно такъ и есть, но скажи, точно ли все то правда что я отъ тебя слышала?

— Ты не довѣряешь мнѣ Альбертина? Ты не довѣряешь ни слову, ни клятвѣ моей? ты не довѣряешь слову рыцаря? ты не довѣряешь слову Іоганна?

— О нѣтъ, нѣтъ! вскричала Альбертина и бросилась къ нему на грудь, я вѣрю, вѣрю, я такъ люблю тебя мой безцѣнный Іоганнь!

Любовники хотя и успокоились, но долго еще не могли совершенно прекратить разговора своего о томъ же предметѣ.

Альбертина, съ заботливостію свойственной любящему сердцу, спрашивала Искуля о томъ, что онъ дѣлалъ во время ихъ разлуки и не случилось ли съ нимъ чего нибудь необыкновеннаго. Влюбленная дѣвушка, не смотря на увѣренія Искуля, не могла совершенно отогнать отъ себя мысли объ угрожающей ему опасности, и потому спрашивала его со всею подробностію, думая доискаться въ его дѣйствіяхъ причины дошедшаго до нея неспріятнаго слуха. Когда разсказъ дошелъ до казни Франца, то она какъ бы испугалась и начала выспрашивать Искуля еще съ большимъ, противъ прежняго, вниманіемъ. Искуль разсказалъ ей происшествіе во всей подробности.

— Іоганнь, мой другъ, замѣтила Альбертина, знакомство съ этимъ знатнымъ рыцаремъ Эйзенфельсомъ приносить тебѣ несчастіе. Я хотя и не знаю его, но

мнѣ всегда было непріятно, когда я думала, что ты съ нимъ такъ сближаешься. Сдѣлай дружбу, ангель мой, отстань отъ него.

— Признаюсь тебѣ Альбертина, возразилъ Искуль, что Эйзенфельсъ начинаетъ надѣдаться мнѣ самому и я намѣренъ, при первомъ случаѣ, прекратить съ нимъ знакомство, хотя, съ другой стороны, его поведеніе, въ отношеніи ко мнѣ, было всегда самое благородное. Онъ былъ всегдѣ такъ привѣтливъ, но. . .

— Но брось его, прервала Альбертина, я уже и за то сержусь на него, что онъ, прежде твоего отъѣзда въ Ризенбергъ, отвлекалъ тебя отъ меня: ты такъ часто и долго бывалъ въ его обществѣ.

— Хорошо, хорошо, мой другъ, будь спокойна.

— Но скажи, Иоганнъ, заслуженная

казнь Франца не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій?

— Какихъ же послѣдствій Альбертина? Онъ оказался виновнымъ, преступникомъ. . . Уважая законъ покойнаго Магистра Плеттенберга, я призвалъ на судъ не только двухъ, но даже трехъ рыцарей. . . Его присудили и казнь была исполнена. Совѣсть моя совершенно спокойна, я соблюлъ все, что нужно. Въ прежнее время, рыцари не такъ управлялись съ своими людьми, не нужно было ни свидѣтелей, ни судей; если благородному рыцарю не правилась фигура, котораго нибудь изъ нихъ, то кончено, голову долой, или петлю на шею.

— Но развѣ это было хорошо Иоганнъ, спросила Альбертина, поднимая на него свои томныя глазки.

— Вовсе не хорошо, отвѣчалъ Искуль, и я первый радуюсь умному распорядке

женію Плеттенберга. Не въ обиду будь сказано нашему благородному рыцарскому сословію, между нами было много такихъ молодцовъ, для которыхъ это ограниченіе власти было необходимо.

—И такъ Іоганнь, ты думаешь, что наказаніе Франца не можетъ повредить тебѣ?

—Повторяю моя дорогая Альбертина, что я исполнилъ долгъ мой и соблюлъ при томъ всѣ формальности, требуемая закономъ, а потому, никто не можетъ имѣть за то ни малѣйшей претензіи на меня. Впрочемъ, любезная Альбертина, мы напрасно теряемъ время въ этихъ разговорахъ. Наша свадьба близка, потолкуемъ лучше о приготовленіяхъ. Такіе разговоры пріятны и полезны.

—Постой Іоганнь, еще одно слово. Если опасенія мои дѣйствительно ложны, то не скажемъ объ этомъ ничего моему

доброму дядѣ. Старичекъ начнетъ напрасно беспокоиться.

—Хорошо, душа моя, отвѣчалъ Иксуль, я и самъ хотѣлъ предложить тебѣ это; зачѣмъ напрасно тревожить старичка, этого добраго Шерцвальда, которому я обязанъ воспитаніемъ моей прекрасной Альбертины. Послѣ этого, молодые люди, забывъ свою тревогу, предалися влеченію чувствъ своихъ и начали мечтать объ ожидающемъ ихъ скоро благополучіи. Чудесныя картины рисовались ихъ воображенію, картины въ родѣ Китайскихъ, т. е. безъ тѣней: одинъ свѣтъ и однѣ улыбающіяся краски, любовь, своимъ розовымъ сіяніемъ, и своими роскошными радужными цвѣтами, украшала все и не давала мѣста какому бы то ни было грустному происшествію. Ахъ будущее вообще такъ хорошо, такъ привѣтливо смотритъ на насъ, изъ своей

таинственной дали, а будущее жениха и невесты, влюбленных другъ въ друга по уши! Что можетъ сравниться съ этимъ? Есть ли блаженство которое бы приближалось къ этому? *In der Jugend ist der Himmel voll Geigen*, говоритъ нѣмецкая пословица; но если къ юности прибавить перспективу будущей счастливой жизни, то небо украсится не только скрипками, но и полнымъ оркестромъ инструментовъ, обвитыхъ благоухающими цвѣтами, розами безъ шиповъ, лилеями, не окрашивающими носа въ желтую краску, померанцовыми цвѣтами съ неблекнущими листьями и другими тому подобными чудесами природы. Для юности все прекрасно, все возможно, она не понимаетъ, что могутъ существовать преграды, къ достиженію какой либо цѣли; она думаетъ, что черезъ все можно скакать и воображаетъ, что

непріятности и скука и печаль, созданы для другихъ, обреченныхъ на это. А юность, въ лицѣ жениха и невесты? это просто рай земной: имъ нѣтъ никакого дѣла до свѣта; ихъ свѣтъ,—это ихъ сердца они любятъ другъ друга какъ безумцы и думаютъ, что нѣтъ въ мірѣ ничего, что бы могло потревожить, хоть на минуту ихъ счастіе. Дорогими, тяжелыми испытаніями, покупаемъ мы опытность жизни, и за что же платимъ мы столько слезъ, горя и мѹки? За то, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ мірѣ все обманчиво, что розовая краска закрываетъ печальный черный цвѣтъ, что подъ золотомъ валяется грязь, что свѣтъ ежеминутно можетъ превратиться въ мракъ, что въ радостной улыбкѣ лежитъ семя скорби, что... жалкая опытность, грустное знаніе! Еслибъ можно было оставаться весь вѣкъ свой въ неведеніи скорбей

вотъ то было бы... прескучно: *toujours perdris*, говорилъ одинъ французъ, и мы тоже бы сказали, еслибъ не испытывали никакого горя, и мы со вздохомъ сказали бы: *toujours perdris*! Какъ это надоѣдаетъ! Все одно и тоже, ни какой перемѣны!

Въ самомъ разгарѣ пышныхъ мечтаний о будущемъ счастіи, Иксуль и Альбертина были прерваны приходомъ старика Шерцвальда. Онъ обнялъ ихъ обохъ съ большою нѣжностію и спросилъ Альбертину о причинѣ ея ранняго прихода. Она сказала, что прождавъ Иксуля вчера цѣлый день, она безпокоилась на его счетъ и хотѣла просить послать къ нему на Вышигородъ. Старикъ удовольствовался симъ отвѣтомъ, найдя его весьма натуральнымъ. Время до обѣда прошло скоро. Послѣ обѣда, одинъ изъ служителей Шерцвальда доложилъ

ему, что кто-то желаетъ говорить съ нимъ.

— Позови сюда, отвѣчалъ старикъ.

— Съ вами желаютъ переговорить наединѣ, отвѣчалъ слуга.

Шерцвальдъ, думая, что съ нимъ хочетъ кто нибудь толковать о дѣлахъ, велѣлъ просить гостя въ другую комнату и самъ пошелъ туда.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ къ молодымъ людямъ, съ растроеннымъ лицомъ.

— Что съ вами? что съ вами? спросили его въ одинъ голосъ Иксуль и Альбертина.

— Ничего, мои любезные, отвѣчалъ Шерцвальдъ, какая-то женщина...

— Въ черномъ платьѣ, ... съ заплаканными глазами, ... съ блѣдыми щеками, прервала его Альбертина блѣднѣя.

— Да, она въ черномъ платьѣ и горько плачетъ отвѣчалъ Шерцвальдъ.

— О Боже! это она, она! вскрикнула Альбертина, стало быть это правда? и съ умоляющимъ взоромъ глядя на то на Шерцвальда, то на Искуля.

— Успокойся Альбертина, возразилъ Шерцвальдъ обнимая ее, ты напрасно тревожишься, мы не знаемъ еще, ни кто эта женщина, ни чего она хочетъ.

— О! я знаю, я все знаю, я ее видѣла; она говорить, что Иоганну угрожаетъ ужасная опасность; спасите, спасите его!

— Не тревожься Альбертина пустыми слухами, говорилъ Искуль, я доказалъ тебѣ, что всѣ слова этой женщины ложь, что все это пустая выдумка, или бредъ больной головы. Но что же сказала она вамъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Шерцвальду.

— Что на тебя есть жалоба въ магистратъ, и что магистратъ хочетъ схватить и судить тебя, отвѣчалъ Шерцвальдъ.

— И неужели вы этому повѣрили? возразилъ Искуль, неужели вы не знаете что насъ можетъ судить одинъ. . .

— Командоръ, прервалъ Шерцвальдъ, знаю, но, что нибудь да есть, если эта женщина такъ настойчива.

— Она просто сумасшедшая, сказала Искуль, я пойду поговорю съ ней.

Сказавъ это, Искуль пошелъ въ ту комнату гдѣ была Луиза. И ему говорила она тоже, и его умоляла она принять мѣры, къ отклоненію отъ себя опасности. Растроенный видъ Луизы, ея прерывистыя рѣчи, все это еще болѣе убѣдило Искуля въ томъ, что она дѣйствительно помѣшана. На вопросы объ ея имени и о томъ, отъ кого она слышала о мнимой

опасности, отвѣчала она тоже, что и Альбертинъ. Бѣдная Луиза не смѣла открыть своей тайны, потому что въ это дѣло былъ замѣшанъ отецъ ея, единственное существо, привязывавшее ее тогда къ жизни. Пропавъ безъ вѣсти изъ родительскаго дома, она дала себѣ слово не входить въ него до тѣхъ поръ, пока Искуль не будетъ внѣ опасности. Пусть тогда отецъ мой узнаетъ, что я растроила его планы, пусть гнѣвается, наказываетъ меня, я исполню то, что мнѣ завѣщала мой погибшій другъ. Такъ думала Луиза. Искуль, убѣжденный, какъ сказано выше, въ ея помѣшательствѣ, хотѣлъ сбить ее съ рукъ. Онъ притворился будто бы вѣрить, благодарилъ Луизу за ея участіе въ его судьбѣ, предлагалъ ей въ награду денегъ, но она съ гордостію отвергала ихъ и только требовала, чтобы онъ принималъ всѣ ос-

торожности при возвращеніи на Вышгородъ, и потомъ, не двигаясь бы съ мѣста до тѣхъ поръ, пока дѣло не приведется въ ясность. Искуль общалъ ей все и простился съ ней.

Когда Луиза удалилась, то Иоганнъ возвратился къ Шерцвальду и къ Альбертинъ. Нѣсколькими словами успокоилъ онъ ихъ совершенно. Шерцвальдъ также принялъ сторону Искуля, утверждая, что всѣ эти слухи сущій вздоръ, что магистратъ не имѣетъ никакого права мѣшаться въ дѣла рыцарей, и что сверхъ того, Искуль не сдѣлалъ, какъ видно изъ его словъ, ничего противузаконнаго. Вскорѣ разговоръ этотъ былъ забытъ.

Остальную часть дня провели весело и, когда настала вечеръ, то Искуль, распростившись съ Шерцвальдомъ и съ Альбертиной сѣлъ на коня и

поѣхалъ на Вышгородъ, сказавъ, что, имѣя на другой день дѣло съ командо- ромъ, онъ будетъ въ городъ не ранѣе вечера.

VII.

МАГИСТРАТЬ.

Въ то самое утро, когда Иксуль сви- дѣлся съ Альбертиной, въ Ревельскомъ магистратѣ было засѣданіе. Зала была на- полнена бургомистрами и ратсгерами, пришедшими туда судить и рядить о дѣ- лахъ города. По стѣнамъ залы были вдѣ-

ланы картины, изображающія разныя происшествія изъ Священнаго Писанія; подъ каждой изъ сихъ картинъ былъ написанъ золотыми буквами приличный текстъ. Подъ картинами ниже, до полу, стѣны были обшиты дубовыми досками; къверху эта обшивка оканчивалась богатымъ карнизомъ, изъ рѣзнаго дерева. Искусство съ какимъ сдѣланъ этотъ карнизъ, которымъ и теперь можно любоваться въ залѣ магистрата, изумительно. Съ какой отчетливостію вырѣзаны всѣ малѣйшія подробности, какъ хороши фигуры, выходящія изъ карниза *en haut relief!* Посреди залы стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, а вокругъ него были лавки, съ высокими, дубовыми же спинками, разукрашенными такой же чудесной рѣзной работой какъ и карнизъ. Члены магистрата ходили по залѣ и разговаривали другъ съ другомъ до от-

крытія засѣданія. Тутъ былъ также и знакомецъ нашъ Шредеръ. Онъ говорилъ поочередно съ многими изъ своихъ товарищей. Когда все собрались, то засѣданіе открылось. Члены магистрата усѣлись по своимъ мѣстамъ. Начались *дебаты*, различествующіе отъ нынѣшнихъ французскихъ тѣмъ, что въ этихъ послѣднихъ председательствуетъ французская болтовня, а тамъ первенствовала нѣмецкая флегма. Послѣ разныхъ толковъ, продолжавшихся съ часъ, Шредеръ всталъ съ своего мѣста и объявилъ, что къ нему приходили люди съ жалобой, и что онъ приказалъ имъ явиться въ магистратъ. Просителей велѣно позвать. Черезъ нѣсколько минутъ, въ залу собранія вошли двѣ женщины. То были мать и жена казеннаго Франца. Въ слѣдствіи объявленнаго имъ приказанія изъяснить чего онѣ хотятъ, съ рыданіями и возгласами раз-

сказали бѣдныя женщины все происшествіе, такъ какъ оно было и какъ извѣстно читателю. Въ заключеніе сказали онѣ, что часа два тому назадъ пришелъ къ нимъ здѣсь уже, въ городѣ, одинъ изъ слугъ рыцаря Эйзенфельса, бѣжавшій отъ господина своего, который очень жестоко и говоритъ, что Французъ невиненъ что онъ былъ въ Ризенбергѣ когда случилась покража, и что онъ самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ любимыхъ конюховъ рыцаря Эйзенфельса положилъ въ вещи Франца цѣпь и деньги. Говорить объ этомъ въ Ризенбергѣ онъ не смѣлъ, боясь, что господинъ его разгнѣвается за то, что вину складываютъ на его людей.

Рагегеры, выслушавъ жалобу, приказали секретарю занести ее въ протоколъ.

Вслѣдъ за симъ былъ введенъ свидѣтель, служитель Эйзенфельса. Показанія

его совершенно согласовались съ рассказомъ женщинъ. Къ этому прибавилъ онъ, что полагаетъ, что господину его также извѣстна невинность Франца, потому что онъ, стоя у дверей комнаты Эйзенфельса, слышалъ какъ тотъ говорилъ что-то о цѣпи и деньгахъ, утромъ, въ день покражи, но въ чемъ именно состоялъ разговоръ, онъ не могъ сказать, ибо многое вовсе не разслушалъ. Когда допросъ кончился, просителямъ приказано удалиться. Послѣ этого, старшій бургомистръ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ

—Это дѣло не требуетъ съ нашей стороны ни какихъ обсужденій. Намъ надобно немедленно довести объ этомъ до свѣденія Командора.

—Я полагаю, что и это будетъ лишнимъ, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. Рыцарь Иксуль наказалъ одного

изъ своихъ людей; если родственники казеннаго недовольны, то пусть они сами жалуются Командору, за чѣмъ намъ мѣшаться!

— И то правда, возразилъ старшій бургомистръ, по сей причинѣ я полагаю объявить просителямъ, чтобы они обратились сами на Вышгородъ.

— Позвольте господа обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, замѣтилъ Шредеръ.

— Какое? спросилъ старшій бургомистръ.

— Казнь совершена въ городской чертѣ.

— Такъ чтожь?

— Къ кому же прибѣгать съ жалобой этимъ бѣднымъ людямъ, если не къ намъ и кому вступаться за притѣняемыхъ, если не намъ, тогда какъ мы обязаны блюсти о сохраненіи законовъ въ городѣ и принадлежащихъ къ нему земляхъ.

— Конечно! конечно! произнесло нѣсколько голосовъ.

— Ваше замѣчаніе справедливо, господинъ Шредеръ, возразилъ старшій бургомистръ, и я, въ слѣдствіе сего, полагаю необходимымъ, чтобы мы сами обратились немедленно съ жалобою къ Командору и требовали удовлетворенія, за неправильную казнь и самоуправство, на землѣ, принадлежащей городу.

— Къ чему намъ просить Командора? возразилъ Шредеръ.

— А какъ же иначе? спросилъ старшій бургомистръ.

— Мы можемъ распорядиться сами. Нарушеніе неприкосновенныхъ правъ города слишкомъ явно; будемъ судить рыцаря сами.

— Но мы не имѣемъ на это права, замѣтилъ бургомистръ.

—А развѣ господа рыцари имѣли право вмѣшиваться въ наши торговля дѣла? прервалъ Шредеръ, а развѣ они имѣли право присвоивать себѣ часть иностранной торговли? И развѣ, не смотря на то, что они не имѣли на это никакого права, развѣ они не сдѣлали все что хотѣли?

—Я согласенъ, что господа рыцари поступили противузаконно, но развѣ это есть причина, чтобы мы дѣйствовали также? сказалъ старшій бургомистръ.

—Я и не говорю, возразилъ Шредеръ, что беззаконіе рыцарей даетъ намъ право поступать съ ними такъ же, какъ они поступаютъ съ нами, но я спрашиваю всѣхъ почтенныхъ членовъ Магистрата, сдѣлали ли мы хоть что нибудь, чтобы отвратить на будущее время подобное нарушеніе правъ нашихъ? И можетъ ли кто либо изъ нашей среды поручиться за то,

что при первомъ случаѣ рыцари не отнимутъ у насъ еще чего нибудь?

Шредеръ остановился, какъ бы ожидая возраженій. Отвѣта не было и онъ продолжалъ :

—Если мы будемъ оставлять безъ вниманія всѣ эти притѣсненія, то рыцари сядутъ намъ на шею и мы едва успѣемъ оглянуться, какъ они лишатъ насъ всѣхъ нашихъ правъ, отберутъ у насъ все наше имущество и принудятъ насъ бѣжать изъ города для спасенія жизни. Неужели вы такъ скоро забыли справедливый гнѣвъ свой и гнѣвъ всего почтеннаго купечества Ревельскаго, когда рыцари захватили въ свои руки торговлю? ...

—Никто изъ насъ вѣрно не забылъ этого, прервалъ бургомистръ, мы всѣ знаемъ, слишкомъ хорошо, что господа рыцари поступили съ нами не такъ какъ то велитъ долгъ чести, но какую же это

все имѣть связь съ настоящимъ дѣломъ?

— Я объясню вамъ это сейчасъ, отвѣчалъ Шредеръ. Рыцарь Иксуль преступилъ законы города, казнивъ челоуѣка въ его предѣлахъ, безъ позволенія Магистрата. Посмотрите въ Любское право, которымъ мы руководствуемся и вы увидите тамъ, что одинъ Магистратъ можетъ судить и казнить горожанъ и проживающихъ въ городскихъ земляхъ людей.

— Мы все это знаемъ, дальше, дальше, замѣтилъ одинъ изъ ратсгеровъ.

— Если вы это знаете, достопочтенные члены Магистрата, то мнѣ нечего говорить вамъ, что подобный теперешнему случай, доказать рыцарямъ, что мы гнушаемся ими, не скоро представится. Въ этомъ случаѣ мы не только можемъ, но даже должны, для пользы и чести города, отплатить рыцарямъ тою же монетою,

т. е. распорядиться не спрося ихъ; схватить и, по приговору Магистрата, казнить рыцаря фонъ Иксуля.

— Это невозможно! возразили нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, невозможно, невозможно!

— Позвольте замѣтить вамъ, господинъ Шредеръ, сказалъ старшій бургомистръ, прокашливаясь, что мѣра предлагаемая вами не можетъ быть исполнена, она противна всѣмъ постановленіемъ и мы никогда...

— Господинъ бургомистръ, прервалъ Шредеръ, что вы говорите мнѣ о постановленіяхъ, о правахъ, всѣ эти отношенія суть вещи условныя. Скажите, развѣ мы обязаны повиноваться рыцарямъ? развѣ мы управляемся ихъ законами?

— Я и не говорю этого, отвѣчалъ бургомистръ.

— Ну, а если такъ, продолжалъ Шре-

деръ, то сознайтесь, что мы обязаны хранить неприкосновенными, права и преимущества рыцарей точно такъ же, какъ они обязаны не нарушать нашихъ правъ. А коль скоро они, забывая свя- тость постановлений, насмѣхаются надъ нами и отнимаютъ у насъ то, что по пра- ву исключительно принадлежитъ намъ, то что мы за простяки если станемъ сносить это терпѣливо? Если мы не о- помнимся, то рано или поздно мы сдѣ- лаемся нищими, если благороднымъ ры- царямъ угодно будетъ оставить намъ го- ловы на плечахъ. Они ругаются нами, смотреть на насъ съ презрѣніемъ, для нихъ горожанинъ и собака все равно; нашъ почтенный Магистратъ считаютъ они помойной ямой. . .

—Довольно! довольно!, произнесло нѣ- сколько голосовъ.

Шредеръ оглянулся. Онъ видѣлъ, что

его слова производятъ желанное дѣйствіе на слушателей. Онъ замѣтилъ, что боль- шая часть нахмурили брови, стиснули зубы и разными тѣлодвиженіями обнару- живали досаду и нетерпѣніе. Видя все это, Шредеръ продолжалъ:

—Нѣтъ, не довольно, почтенные гг. ратсгеры и бургомистры, я представлю вамъ полную картину бѣдствій и униже- нія, ожидающихъ насъ, въ случаѣ если мы оставимъ дѣла идти такъ, какъ онѣ теперь идутъ и не примемъ мѣръ, къ укрощенію рыцарей.

—Шредеръ говоритъ правду, замѣтилъ одинъ изъ ратсгеровъ, мы давно терпимъ, но надобно сдѣлать этому конецъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, закрича- ли нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, мы требуемъ удовлетворенія!

— Да, господа, продолжалъ Шредеръ, вы правы, вы должны, мы должны все желать и требовать удовлетворенія, для чести города, для чести Магистрата. Но удовлетвореніе должно быть громкое, предъ лицомъ всего міра. Мы, слава Богу, довольно сильны, чтобы противустоять горсти рыцарей, проводящихъ жизнь свою въ пьянствѣ и буйствѣ.

— Ваши слова такъ справедливы, сказалъ вставая старшій бургомистръ, что нельзя не согласиться съ вами. Но я все еще не понимаю какимъ образомъ вы хотите теперь приступить къ дѣлу, и что оно имѣетъ общаго съ нашимъ справедливымъ негодованіемъ на рыцарей?

— Я объясню вамъ все г. бургомистръ, отвѣчалъ Шредеръ. Сознайтесь, что намъ нельзя допустить такого самоуправства въ чертъ городской, гдѣ дѣйствуютъ за-

коны города, какое позволилъ себѣ рыцарь Иксуль.

— Согласны! согласны! этого нельзя допустить ни подъ какимъ видомъ, возразили нѣкоторые.

— И такъ, продолжалъ Шредеръ, Иксуль долженъ понести заслуженное наказаніе. Если мы будемъ жаловаться командору, то, что изъ этого выйдетъ? — Ровно ничего. Рыцаря Иксуля оставятъ въ покоѣ, ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы и мы, по обыкновенію, останемся неудовлетворенными. Рыцари будутъ смѣяться надъ нами и будутъ правы. А мы, какъ и до сихъ поръ, пойдѣмъ, поджавши хвостъ и будемъ кланяться высокороднымъ рыцарямъ, когда они, проѣзжая по городскимъ улицамъ, будутъ забрызгивать насъ грязью.

— Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать! это-

му не бывать! раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ члены Магистрата встали съ своихъ мѣстъ и громогласно требовали другъ у друга согласія на осужденіе Иксуля. Казнить его! кричали они, и пусть кровь его смоетъ съ насъ тѣ пятна, которыми осквернили рыцари честь нашу! казнить его! казнить его!

Шумъ въ залѣ увеличился до того, что старшій бургомистръ съ трудомъ могъ унять взволнованныхъ товарищей своихъ. Когда всѣ немного поуспокоились, то онъ сказалъ имъ:

— Господа! я вижу, что намъ надобно дѣйствовать рѣшительно, но замѣчу вамъ, что успѣхъ каждаго предпріятія зависитъ отъ мѣры осторожности, которія необходимо должно предпринять. И такъ, придумаемъ общимъ совѣтомъ, что намъ дѣлать?

— У меня планъ готовъ, прервалъ его

Шредеръ. Никто болѣе меня не знаетъ сколь важна осторожность во всякомъ дѣлѣ, а потому я предлагаю слѣдующее: поручите мнѣ задержать рыцаря Фонъ Иксуля. Я знаю гдѣ онъ теперь и когда удобнѣе можно схватить его, безъ огласки. Сегодня къ ночи онъ будетъ въ темницѣ. Для соблюденія всѣхъ формъ суда, мы соберемся сюда нынѣшнею ночью, ибо терять времени нельзя, а завтра утромъ, то, къ чему онъ будетъ присужденъ нами, должно исполниться. Не забудьте, что слухъ объ арестѣ Иксуля можетъ разнестись скоро, и тогда, если мы непоторонимся, дѣло можетъ расстроиться. У него много друзей на Вышгороде.—

Всѣ согласились съ Шредеромъ. Магистратъ поручилъ ему арестовать Иксуля и, послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ бургомистромъ въ заключеніе

засѣданія, члены Магистрата разошлись по домамъ, давъ клятву хранить молчаніе на счетъ всего происшедшаго.

VIII.

ЗАПАДНЯ.

Говорятъ, что лицо есть зеркало души, и что на немъ опытный глазъ можетъ всегда видѣть то, что происходитъ во внутреннемъ человѣкѣ. Но есть однако злодѣи, которые, идя на злое дѣло, могутъ сохранять внѣшнее спокойствіе, нарушаемое ни однимъ движеніемъ лица;

есть злодѣи, которые, приготовляясь излить ядъ души своей, остаются веселы и готовятъ пагубу ближняго съ отвратительнымъ хладнокровіемъ, или даже съ радостію; мученія людскія для нихъ наслажденіе и самый лучший пиръ для нихъ есть тотъ, гдѣ льются кровь и слезы. Для такихъ изверговъ люди не могутъ придумать довольно строгаго наказанія, но рано или поздно ихъ убиваетъ тотъ самый ядъ, который они со смѣхомъ вливали въ чашу жизни другихъ. И ихъ не минуетъ заслуженная участь; когда и гдѣ? — это все равно. Къ числу такихъ изверговъ смѣло можемъ причислить Шредера. Въ его сердцѣ было мѣсто только для адской злобы, и всякое средство, къ достиженію преступныхъ замысловъ, считалъ онъ прекраснымъ. Подъ личиною самаго строгаго благонаравія, онъ дѣлалъ то, о чемъ безъ содроганія нельзя помы-

слить. Користволюбіе его, доходившее до безумія, было семенемъ гнуснаго дерева пороковъ, пустившаго глубокіе корни въ его безнравственной, окаменѣлой душѣ. И вотъ теперь взгляните на него. Смотрите, онъ ходитъ взадъ и впередъ по широкой улицѣ, мимо дома Шерцвальда, выжидая минуты когда выйдетъ изъ него Икскуль, чтобы броситься на свою жертву. Но не думайте, чтобы онъ сталъ дѣйствовать открыто. О! нѣтъ! у него есть орудія, которыя бьютъ мѣтче и глубже ножа и пули: у него есть льстивыя слова, уста подернутыя медомъ, а подъ нимъ отравы; у него есть руки, распростертыя для дружескихъ объятій, но впивающіяся въ тѣло раскаленными иглами, въ минуту прикосновенія; у него есть взглядъ, вкрадывающійся въ душу для того, чтобы растерзать ее; у него есть глубокіе душевные вздохи, заражающіе воздухъ; у

него, вѣроломность кошки, смѣшана съ злобою гienны. —

Быль 9-й часть вечера. Майское солнце догарало на западѣ и готово уже было погрузиться въ волны морскія. Въ воздухѣ царствовала тишина, ни малѣйшій вѣтерокъ не тревожилъ спокойствія природы. Море какъ зеркало лежало спокойно у Ревельскаго берега и приглашало своимъ спокойствіемъ, величественное солнце, лечь въ лоно водъ его. Небо было чисто и ясно, какъ свѣтлая мысль о неземномъ счастіи. Въ такую минуту, когда природа, во всемъ очаровательномъ блескѣ своемъ, какъ бы манитъ человѣка къ молитвѣ, отрѣшаетъ душу его отъ тѣла, въ такую минуту, коварный Шредеръ бродилъ съ веселымъ лицомъ около дома Шерцвальда, тая въ душѣ гнуснѣйшіе замыслы. Искуль скоро вышелъ, сѣлъ на коня и шагомъ поѣхалъ къ Вышгоро-

ду. Шредеръ притворился какъ будто невзначай встрѣчаетъ его, ласково поклонился ему и просилъ остановиться на минуту. Искуль остановилъ лошадь.

— Вы знаете, благородный рыцарь, какъ я преданъ вамъ, началъ Шредеръ, низко кланаясь, и потому вѣрно простите дерзость мою, простите, что я остановилъ васъ.

— Что тебѣ нужно Шредеръ? спросилъ Искуль.

— Знаете ли вы, что случилось съ вашимъ другомъ, благороднымъ рыцаремъ фонъ Тарсбахомъ?

— Нѣтъ, не знаю ничего, говори, что съ нимъ? гдѣ онъ?

— Онъ убитъ, благородный рыцарь.

— Убитъ! и лицо Искуля выражало въ эту минуту изумленіе, грусть, досаду.

— Да, благородный рыцарь, онъ убитъ

и я счелъ долгомъ васъ извѣстить объ этомъ, дабы вы могли, по горячимъ слѣдамъ, преслѣдовать убійцу; я шель теперь нарочно для этого на Вышгородъ, но, увидѣвъ васъ, рѣшился объяснить вамъ здѣсь все дѣло.

— Но когда, какъ и кѣмъ убить мой безцѣнный другъ?

— На первый вопросъ я могу отвѣчать вамъ, что это случилось вчера, а на второй, постараюсь дать вамъ всѣ возможные объясненія, если вы потрудитесь пожаловать на минуту ко мнѣ, я наведу васъ на слѣдъ, по которому вамъ легко будетъ отыскать убійцу и преслѣдовать его законами для должнаго наказанія.

— Благодарю тебя Шредеръ, отвѣчала Иксуль, за это увѣдомленіе, хотя оно и не возвратитъ мнѣ потеряннаго друга, но дастъ по крайней мѣрѣ сред-

ство отмстить за смерть его. Благодарю тебя, много благодарю, ты честный и благородный человекъ.

— Вы вѣрно всегда думали, благородный рыцарь, что Шредеръ ростовщикъ, бездушная тварь; но, слава Богу, я умѣю дѣлать различіе между людьми, и если полюблю когонибудь какъ васъ, то предаюсь всею душою, я готовъ пожертвовать многимъ, чтобы служить вамъ.

— Теперь я вижу твои благородныя чувства, отвѣчала Иксуль, и буду умѣть вознаградить тебя за твою примѣрную вѣрность. Вѣрь мнѣ, ты имѣешь дѣло съ человекомъ, умѣющимъ цѣнить твою преданность и знающимъ, что такое благородство.

— Помилуйте, благородный рыцарь, мнѣ не нужно никакой награды, моя награда въ моей душѣ, въ сознаніи совѣсти моей, что я сдѣлалъ то, что должно и

вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ услугу человѣку, почитаемому мною такъ усердно.

— Полно, полно Шредеръ, скромность твоя конечно дѣлаетъ тебѣ честь, но тѣмъ не менѣе я знаю, что мнѣ пужно дѣлать. Бѣдный, бѣдный Тарсбахъ!

И произнесъ эти слова, Иксуль едва, едва могъ удержать слезу, готовую скатиться съ его рѣсницы.

— Однако, благородный рыцарь, скажешь Шредеръ, если вы намѣрены воспользоваться моимъ извѣщеніемъ для отысканія убійцы, то намъ нечего терять времени; угодно ли вамъ послѣдовать за мною?

— Я готовъ летѣть, отвѣчалъ Иксуль, дай мнѣ средства поймать изверга, убившаго моего друга.

— Черезъ часъ онъ вѣрно будетъ въ вашихъ рукахъ.

Шредеръ шелъ возлѣ лошади Иксуля

и оба они, черезъ нѣсколько минутъ, были въ *длинной* улицѣ передъ домомъ Шредера.

Въ то время какъ Иксуль слѣзаль съ лошади, онъ замѣтилъ, что на противоположной сторонѣ улицы мелькнула какая-то фигура и ему показалось, судя по костюму, что это та самая женщина, которая была поутру у Шерцвальда и предвараля его о предстоящей ему опасности. Ему показалось также, что она дѣлаетъ ему знаки. Увидя это, онъ спросилъ Шредера, не знаетъ ли онъ кто эта женщина. Но когда Шредеръ обернулся въ сторону, которую указывалъ ему Иксуль, женщина скрылась и Иксуль остался при своемъ мнѣніи, что эта женщина сумасшедшая. Слишкомъ занятый мыслию о смерти Тарсбаха, Иксуль и не подумалъ сообщить Шредеру происшедшаго съ нимъ по утра; они молча

взобрались на лѣстницу и вошли въ ту самую комнату, въ которой совершилось убійство Тарсбаха. Въ дверяхъ встрѣтилъ ихъ Эйзенфельсъ и, дружески протянувъ руку Икскулю, изъявилъ свое сожалѣніе о смерти Тарсбаха. Онъ прибавилъ, что его привело сюда тоже дѣло, которое заставило Икскуля навѣстить Шредера и что онъ надѣется, совокупными силами, отыскать убійцу. Иккуль благодарилъ отъ души Эйзенфельса за его участіе. Иккуль снялъ тяжелый мечъ свой и они всѣ трое усѣлись у стола, передъ кружками пѣнящагося пива. Шредеръ началъ рассказывать какъ онъ видѣлъ вынѣшнюю ночью, уже подъ утро, что двое людей шли къ морю, неся что-то большое и, какъ казалось, тяжелое, ибо они подвигались медленно; какъ, подошедъ къ берегу, они бросили ношу свою въ море и сами убѣжали. Изъ любопыт-

ства, говорилъ онъ, подошелъ я посмотреть и увидѣлъ, . . . плавающее въ крови тѣло Тарсбаха. Увидя это, я поспѣшилъ нагнать тѣхъ людей, которые бросили тѣло въ море, чтобы узнать кто они и куда пойдутъ. Незамѣтно слѣдовалъ я за ними по предмѣстью, вошелъ въ городъ, пробирался за ними по улицамъ и наконецъ увидѣлъ, какъ они вошли въ домъ противъ. . . .

Въ эту минуту слова Шредера были прерваны. Въ комнату вошли двое мужчинъ высокаго роста. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ бумагу.

—Что вамъ надобно? спросилъ Шредеръ.

—Мы ищемъ рыцаря фонъ Икскуля, намъ сказали, что онъ вошелъ въ этотъ домъ.

—Я здѣсь отвѣчалъ Иккуль, кто вы и чего отъ меня хотите?

—Мы посланы отъ Магистрата для того, чтобы пригласить васъ пожаловать туда для нѣкоторыхъ объясненій.

Мгновенно мелькнула въ головѣ Иксуля мысль о незнакомой женщицѣ, ему казалось, что предсказанія ея начинаютъ сбываться. Онъ всталъ и твердымъ голосомъ спросилъ пришедшихъ:

—Что все это значитъ? Какихъ объясненій можетъ ожидать отъ меня Магистратъ?

—Мы не знаемъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, намъ приказано привести васъ туда.

—Я не понимаю словъ вашихъ, отвѣчалъ Иксуль, мнѣ до Магистрата нѣтъ никакого дѣла. Подите и скажите господамъ бургомистрамъ и ратсгерамъ, что рыцарь фонъ Иксуль не принимаетъ ихъ приглашенія, и что если имъ есть до меня дѣло, то они могутъ явиться ко мнѣ завтра поутру на Вышгородъ.

—Какъ вамъ угодно, господинъ рыцарь, а намъ приказано привести васъ непременно безъ малѣйшаго замедленія. Впрочемъ вотъ и бумага, мы читать не умѣемъ, пусть господинъ Шредеръ прочтетъ.

Шредеръ взялъ бумагу и прочелъ громко, что Магистратъ, извѣщенный о самоуправствѣ рыцаря фонъ Иксуля въ чергѣ городской, приказываетъ ему немедленно явиться къ суду для объясненій.

—Да они всѣ съ ума сошли, сказалъ Иксуль, съ принужденнымъ смѣхомъ. Подите и скажите вашему глупому Магистрату, что рыцарь фонъ Иксуль смѣется надъ его приказаніями и презираетъ его столько, сколько онъ того заслуживаетъ.

—Намъ приказано непременно привести васъ, хладнокровно отвѣчалъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Чортъ возми! закричалъ Иксуль, развѣ вы оглохли и не слышите, что я вамъ говорю, смотрите, я расправлю вамъ уши мерзавцы! Вонъ отсюда, съ глазъ моихъ долой, не то я...

— Въ случаѣ сопротивленія съ вашей стороны, намъ приказано употребить силу.

— Силу! заревѣлъ громовымъ голосомъ Иксуль, силу! поганья твари! я вамъ покажу, что значить сила. И схвативъ говорившаго одной рукой поперекъ тѣла, онъ бросилъ его какъ мячъ объ землю. Онъ уже схватилъ было другаго, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сзади схватилъ его за горло. Онъ имѣлъ довольно силы, чтобы обернуться и увидѣлъ, что это руки Эйзенфельса впивались въ его шею. Брошенный Иксулемъ на землю всталъ на ноги и схватилъ одну руку Иксуля, Шредеръ овладѣлъ дру-

гою, а пятый изъ присутствовавшихъ сдалъ ему колѣни. Иксуль закричалъ:

— Проклятiе! Измѣна! собравъ всѣ свои силы, онъ старался высвободиться, но скочившіе на помощь изъ двери люди, помогли повалить его на землю. Ему завязали ротъ, скрутили руки и ноги, и такимъ образомъ рыцарь Иксуль, за минуту столь гордый, лежалъ на полу безъ движенія, какъ бездыханный трунъ.

— Ага! попался молодець, говорилъ Шредеръ, похаживая вокругъ него, попался! пришлось отвѣчать разомъ за всѣ грѣхи, ну, что дѣлать, пошалилъ такъ самъ на себя пѣнай. Друзей не дурно имѣть и въ Магистратъ, а ты выгонялъ иныхъ изъ нихъ ночью отъ воротъ твоего замка, ругалъ ихъ за одоженія, которыя они тебѣ дѣлали, по дѣломъ тебѣ теперь достается.

— Да, по дѣломъ произнесъ, голосъ Эйзенфельса.

Иксуль, съ яростію бросилъ взглядъ въ ту сторону откуда раздался голосъ и, къ величайшему удивленію своему, увидѣлъ того незнакомаго старика, который нѣсколько разъ покушался на жизнь его и хотѣлъ было похитить Альбертину.

Незнакомецъ понялъ этотъ взглядъ Иксуля, и съ улыбкою, которой позавидоваль бы дьяволъ сказалъ:

— Чему ты удивляешься? Развѣ ты не знаешь меня? развѣ ты не помнишь меня, я, и рыцарь Эйзенфельсъ, одно и то же, я люблю тебя всею душою, а потому желалъ бы покрѣпче затянуть тебѣ руки ты что-то начинаешь барахтаться, а это не хорошо. Гей! ктонибудь подсобите-ка мнѣ. Съ этими словами Эйзенфельсъ или Робертъ, съ помощію двухъ другихъ

находившихся въ комнатѣ людей, затянулъ Иксулю назадъ такъ сильно руки, что они едва не вывихнулись въ плечахъ.

— Вотъ такъ хорошо, замѣтилъ Робертъ, теперь геръ фонъ Иксуль лежитъ какъ прилично благородному рыцарю, не шевелится и не пробуетъ вырваться, какъ канатный плясунъ.

— Однако Робертъ, мы по пустому теряемъ время, тогда какъ мы бы могли уже быть на дорогѣ къ Магистрату, сказалъ Шредеръ.

— Не лучше ли подождать ночи, замѣтилъ Робертъ, теперь еще народъ есть на улицахъ.

— Это ничего, отвѣчалъ Шредеръ, мы понесемъ его на плечахъ, завернувъ въ плащи, никто и не спроситъ что мы несемъ.

— Хорошо, возразилъ Робертъ, только передъ уходомъ я бы совѣтоваль ос-

мотрѣть крѣпко ли завязаны ротъ, ноги и руки у этого молодчика и, на всякой случай, затянуть потуже. Я впрочемъ не понимаю къ чему такой спѣхъ, этотъ чурбанъ если и тутъ полежить, то никому не мѣшаетъ.

— Нельзя, нельзя, говорю я тебѣ, сегодня ночью соберется Магистратъ судить его, а завтра утромъ ужь все должно быть кончено.

Въ эту минуту за дверью что-то пошевелилось. Шредеръ всталъ, отперъ дверь, но ни въ корридоръ ни на лѣстницѣ не увидѣлъ никого.

— Полно тебѣ, старая лисица обшаривать всѣ углы, сказалъ ему Робертъ, твоя трусость ни на что не похожа, да не лги по напрасну, никого нѣтъ да и не было, вѣтеръ ходитъ по корридору, такъ не диво, что дверь пошевелинулась.

— Ну хорошо, хорошо, отвѣчалъ

Шредеръ, только не ворчи, я знаю по опыту, что излишняя предосторожность не мѣшаетъ. Теперь пора за дѣло.

— Снесете ли вы его вдвоемъ до Магистрата, спросилъ Робертъ, обращаясь къ тѣмъ, которые пришли съ приказаніемъ Магистрата задержать Иксуля.

— Какъ не снести, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, впрочемъ на помощь въ случаѣ нужды можно взять еще двоихъ съ собою.

— Хорошо, давайте плащи, вотъ такъ, затяните-ка ему прежде хорошенько ротъ, да колѣни ослабли, покрѣпче, покрѣпче, вотъ такъ, теперь не уйдетъ высокородный геръ фонъ Иксуль. Ну-ка, подымайте его на плечи. Что тяжелъ?

— Ничего, донесемъ.

— Ну такъ отправляйтесь.

— Пойдите, пойдите, я пойду впередъ, принимать васъ, сказалъ Шредеръ,

и проскользнулъ между дверьми и тѣми людьми, которые несли Иксуля.

Переходъ изъ дома Шредера въ Магистратъ былъ сдѣланъ безъ малѣйшаго приключенія. Иксуля бросили въ темный подвалъ Магистрата, заперли за нимъ дверь и къ ней, сверхъ того, приставили часоваго.

IX.

НА ВЫШГОРОДЪ.

Было 10 часовъ вечера. Теплая и свѣтлая майская ночь тихо лежала надъ Ревелемъ. Спокойное море чуть слышно лепетало съ песчанымъ берегомъ. Вышегородскіе ворота были заперты; около нихъ ходилъ часовой, поглядывая во всѣ стороны и напѣвая какую-то заунывную

пѣсню. Вдругъ возлѣ него раздался шорохъ шаговъ; кто-то повернулъ изъ-за угла и остановился передъ нимъ, какъ бы въ испугѣ.

— Что тебѣ надобно? спросилъ часовой.

— Я иду къ командору, отвѣчалъ женскій голосъ. И съ этими словами женщина пошла къ воротамъ.

— Стой! закричалъ часовой и ухватилъ женщину за руку, теперь не время ходить къ командору, на то есть день, а ночью не вѣлно никого пускать.

— Но мнѣ до него крайня надобность, отвѣчала женщина, мнѣ непременно нужно его видѣть.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла, не вѣлно пускать; и сказавъ это часовой сталъ спиною къ воротамъ заграждая дорогу.

— Ради Бога пусти меня! говорила женщина, складывая руки на груди.

Часовой не отвѣчалъ ни слова.

— Ради Бога, пусти меня, повторила женщина жалобнымъ голосомъ.

Отвѣта не было.

— Если въ тебѣ есть сердце, если ты желаешь добра ближнему, то пусти меня, умоляю тебя. И женщина становилась на колѣни передъ часовымъ, простирая къ нему руки.

— Проклятое бабье отродье! ворчалъ часовой, говорятъ тебѣ, что не вѣлно пускать.

— Знаю, знаю, отвѣчала женщина, но нельзя ли тебѣ какънибудь пропустить меня?

— Фу! дѣвольщина, знаетъ, что не вѣлно пускать, а пусти ее.

— Ради твоей жены, твоихъ дѣтей, сжался надъ моиими слезами, окажи мнѣ благодѣяніе...

— Послушай, прервалъ ее часовой, у

тебя языкъ, я вижу, гнется и мнѣ отъ тебя не отдѣлаться всю ночь; что могу, то сдѣлаю: пошлю товарища къ Командору и велю сказать ему, что какая-то баба хочетъ видѣть его; прикажетъ пустить, такъ пуцу, а нѣтъ, такъ убирайся отсюда. Сказавъ это, часовой кликнулъ товарища своего и послалъ его къ Командору, прибавивъ, что какая-то женщина имѣетъ сообщить что-то весьма важное. Часовой нарочно сдѣлалъ это прибавленіе, въ надеждѣ, что командоръ велитъ впустить ее и тѣмъ избавить его докучливости неотступной просительницы. Черезъ полчаса посланный возвратился, съ приказаніемъ впустить незнакомую женщину. Ступая на каменную лѣстницу замка, въ которомъ жилъ командоръ, незнакомка глубоко вздыхала и творила тихую молитву. Ее ввели къ Командору.

— Кто ты такая? спросилъ Командоръ.

— Я, . . . я . . . не могу сказать вамъ моего имени.

— Странно, замѣтилъ Командоръ, что же тебѣ нужно отъ меня?

— Я пришла просить, умолять васъ спасти одного изъ благородныхъ рыцарей.

— Твоего любовника? спросилъ Командоръ, какъ же его зовутъ?

Женщина помолчала нѣсколько времени, кровь хлынула ей въ лице при словѣ любовникъ, но она скоро оправилась и отвѣчала:

— Нѣтъ, онъ не любовникъ мой, онъ женихъ фрейлейнъ Альбертины Шерцвальдъ, его зовутъ Іоганнъ фонъ Искуль.

— Отъ какихъ же бѣдъ спасти его моя милая? спросилъ Командоръ, улыбаясь съ увѣренностію, что незнакомка принадлежала къ числу любовницъ Іоганна.

—Его нужно спасти... отъ смерти, отвѣчала незнакомка.

Командоръ призадумался и сказалъ нахмури брови.

—Объяснись. Что все это значить, я начинаю непонимать тебя.

Луиза (читатель вѣрно давно узналъ уже ее, въ незнакомой женщинѣ) рассказала, что знала, не называя впрочемъ отца своего.

—Теперь онъ сидитъ въ Магистратѣ, нынѣшнюю ночь его будутъ судить, а на-завтра назначена казнь, сказала Луиза въ заключеніе.

—Все это похоже на сказку, возразилъ Командоръ, тебѣ или приснилось то, что ты рассказываешь, или тебя обморочилъ кто нибудь.

—Клянусь Богомъ, что все сказанное мною истина.

—Любезная моя, посуди сама, что ты

говоришь? ты конечно можешь быть и не знаешь законовъ, но положиись на меня и повѣрь мнѣ, что это невозможное дѣло, чтобы Магистратъ осмѣлился вмѣшиваться въ дѣла рыцарей.

—Не знаю ни законовъ, ни правъ вашихъ, отвѣчала Луиза, но подтверждаю вамъ, что Іоганнъ Иксуль, связанный по рукамъ и по ногамъ, находится теперь въ Магистратѣ, и что если вы не примете мѣръ къ его избавленію, то завтра онъ будетъ казненъ.

—Воля твоя, я не могу повѣрить тебѣ, отвѣчала Командоръ.

Луиза, доселѣ сохранявшая наружное спокойствіе, вдругъ зарыдала и, ломая себѣ руки, отчаяннымъ голосомъ воскликнула:

— О Боже! Боже! Мнѣ никто не вѣрить! они погубятъ его своею недовѣрчивостію. И потомъ, обращаясь къ Ко-

мандору, съ видомъ упрека, она прибавила:

— Что вы тщеславитесь правами вашими? разве вы считаете себя сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ? неистовство людское нарушаетъ даже законы Божіи, а вы думаете, что оно не въ состояніи нарушить вашихъ законовъ!

Слова Луизы заставили Командора призадуматься. Онъ заложилъ руки за спину и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Луиза продолжала говорить съ одушевленіемъ.

— Надмѣнные люди! вы скорѣе рѣшитесь погубить человѣка нежели, сознаетесь въ томъ, что васъ не слушаютъ. Но знайте, что кровь Иксуля запятнаетъ рыцарскіе гербы ваши, и что вамъ самимъ придется тогда дрожать за жизнь свою. То, что теперь вы можете сдѣлать однимъ рѣшительнымъ поступкомъ, то

со временемъ будетъ стоить вамъ дорого, дорого.

— Довольно, прервалъ ее Командоръ, остановившись передъ нею, какія можешь ты привести доказательства, въ подтвержденіе словъ твоихъ!

— Прикажите поискать Иксуля, отвѣчала Луиза и вы его не найдете, пошлите кого нибудь въ городъ, въ Магистратъ, чтобы хитростію вывѣдать, находится ли тамъ дѣйствительно рыцарь фонъ Иксуль.

Командоръ кликнулъ слугу. Слуга явился.

— Сходи къ благородному рыцарю фонъ Иксулю и узнай дома ли онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ слуга возвратился съ отвѣтомъ, что Иксуля нѣтъ дома и что съ четверть часа тому назадъ пріѣзжалъ конюхъ фонъ Шерцвальда, съ письмомъ къ нему.

— Изъ сего заключить должно, сказала командоръ, обращаясь къ Луизѣ, что Иксуль не у Шерцвальда, а больше ему негдѣ быть; твои слова начинаютъ походить на правду. Ступай домой, моя милая, а я соберу сюда сію же минуту всѣхъ благородныхъ рыцарей, живущихъ на Вышгородѣ и посоветуюсь съ ними о томъ, что намъ предпринять. Во всякомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ нужно для спасенія Иксуля. Прощай.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ остаться здѣсь и дожидаться рѣшенія вашего совѣщанія, ради Бога не откажите мнѣ, иначе я буду томиться неизвѣстностію.

— Если хочешь, оставайся, только въ такомъ случаѣ сойди внизъ и дожидайся тамъ. Въ самомъ дѣлѣ, я можетъ быть прикажу позвать тебя для того, чтобы ты сама объявила благороднымъ рыцарямъ, что знаешь объ этомъ дѣлѣ.

Луиза удалилась. Командоръ приказалъ рыцарямъ явиться въ замокъ. Рыцари вскорѣ собрались.

Командоръ объяснилъ имъ происшедшее и спрашивалъ ихъ, что они думаютъ дѣлать?

Неописуемы споры, породившіеся по сему случаю. Въ сословіи благородныхъ рыцарей, какъ и во всякомъ другомъ обществѣ, были люди съ различными характерами и темпераментами, а потому и мнѣнія, объ одномъ и томъ же предметѣ, были самыя противоположныя. Иные требовали немедленнаго нападенія на Магистратъ и разгрома стѣнъ его; другіе полагали нужнымъ требовать отъ горожанъ выдачи Иксуля, и только въ случаѣ отказа принять мѣры наступательныя и рѣшительныя; третьи наконецъ говорили, что надобно обождать утра и высвободить Иксуля вооруженною си-

лой изъ рукъ горожанъ, въ то самое время когда его поведутъ уже на казнь. Трудно было согласовать сіи различныя мнѣнія. Позвана была Луиза. Она должна была повторить показанія свои. Объявленіе ее, что казнь Искула назначена на утро слѣдующаго дня, рѣшило судьбу спора. Командоръ присталъ къ послѣднему мнѣнію, считая его благоразумнѣйшимъ, т. е. положилъ дожидаться утра. Къ принятію этого мнѣнія, преимущественно передъ другими, были весьма уважительныя причины. Во первыхъ, при всемъ вѣроятіи, что Искуль дѣйствительно задержанъ Магистратомъ, нельзя было утверждать о томъ положительно. Если онъ дѣйствительно въ заточеніи, то конечно немедленное нападеніе могло бы принести пользу, но если его нѣтъ тамъ, то это будетъ значить дать поводъ горожанамъ подумать, что рыцари счита-

ютъ такое дѣло возможнымъ. Во вторыхъ, нападеніе на городъ сопряжено съ гораздо большими трудностями и представляетъ менѣе вѣрныя надежды на успѣхъ, нежели нападеніе на горожанъ въ открытомъ мѣстѣ, въ минуту когда поведутъ Искуля на казнь. Казни совершались обыкновенно внѣ города, но въ виду стѣнъ его. На Лаксбергъ была устроена постоянная висѣлица, которую войско Иоханна Грознаго, какъ гласить лѣтопись, сожгло на топку. И такъ, послѣ долгихъ преній, вопросъ былъ рѣшенъ. Командоръ приказалъ рыцарямъ, съ ихъ тѣлохранителями, приготовить коней своихъ, и къ восходу солнечному собраться на Вынгородской площади. Ко всемъ воротамъ города разосланы были люди, дабы удостовѣриться гдѣ будутъ дѣлать приготовленія къ казни и извѣстить объ этомъ немедленно господъ рыцарей.

Луиза, узнавъ о рѣшеніи благородныхъ рыцарей, не считала однако обязанности своей окончанною. Она узнала о мѣстѣ жительства Искуля на Вышгородѣ и отправилась туда. Первый человекъ, который встрѣтилъ ее тамъ, былъ Густавъ. Въ короткихъ словахъ рассказала ему Луиза, объ угрожающей Искулю опасности и о намѣреніи Командора и рыцарей. Вѣрный слуга приходилъ въ изступленіе, слушая рассказъ Луизы. Когда она кончила, то, онъ бросился къ ней на шею, называлъ ее самыми вѣжными именами и поклялся содѣйствовать избавленію своего добраго господина. Въ ту же минуту осѣдлалъ онъ лошадь и пустился во весь опоръ въ Ризенбергъ. «Хоть убью лошадь, а до скачу до Ризенберга какъ можно скорѣе, соберу людей и черезъ часъ, или два послѣ восхожденія солнца, мы бу-

демъ въ городъ и постонмъ за нашего господина.» Такъ думалъ Густавъ, и погналъ своего коня, что было силъ.

X.

ПРИГОВОРЪ.

Und die ungestalte Riesenwolke,
hinter der der Tod und die Zukunft
steht, wird, wenn wir nahe an
sie treten, der Tod und die Zukunft
selber. . . .

J. PAUL.

Возвратимся теперь въ Магистраттъ, или лучше сказать въ подвалъ магистрата, куда брошенъ былъ Иксуль. Лишь только принесли его туда, то развязали ему ротъ, руки и ноги и оставили одного. Въ первую минуту Ик-

скуль не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходило. Всѣ обстоятельства, сопровождавшія его задержаніе, казались ему столь странными, что онъ едва, едва могъ разувѣрить себя, что все это не было тревожный, томительный сонъ. Эйзенфельсъ и Шредеръ! Что общаго могутъ они имѣть? что побуждаетъ ихъ къ такой злостной враждѣ? И что можетъ соединять ихъ къ совокупному дѣйствию противъ него? Все это казалось для Иксуля непонятною загадкой. Правда, ему приходила на мысль та ночь, въ которую Шредеръ прѣвзжалъ въ Ризенбергъ; онъ помнилъ, какъ Шредера выгнали изъ замка, онъ помнилъ, что они вдвоемъ съ Тарсбахомъ говорили про Шредера и что при томъ былъ третій, Бергшильдъ, котораго они, не безъ причины, подозрѣвали въ передачу этого раз-

говора Шредеру съ прикрасами, безъ которыхъ онъ не могъ ни чего разсказывать, а тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ, когда его собственное самолюбіе было оскорблено. Все это приходило на мысль Иксулю но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ думалъ: Неужели такія бездѣлицы могли возставитъ Шредера противъ меня, до такой степени?—Онъ забывалъ непримиримую ненависть купечества къ рыцарству, онъ забывалъ, то несчастное множество оскорбленій, которыя горожане сносили отъ господъ рыцарей. Онъ не думалъ, что малѣйшая капля новаго, личнаго оскорбленія, со стороны рыцарей, переполняла кубокъ, и что ожесточенные сердца горожанъ ожидали только искры, чтобы вспыхнуть пожаромъ.

А Эйзенфельсъ?—Эйзенфельсъ былъ для него лицомъ совершенно загадочнымъ. Кто онъ такой? спрашивалъ се-

бя Иксуль, и этотъ вопросъ оставался не только безъ положительнаго отвѣта, но даже не порождалъ въ умѣ узника никакихъ предположеній. Не смотря однако на это, Иксуль считалъ его теперь главнымъ виновникомъ своихъ несчастій, а Шредеръ казался ему только помощникомъ, или исполнителемъ злыхъ замысловъ Эйзенфельса. Но что могло побудитъ Эйзенфельса къ сему мщенію? Отвергнутая любовь Альбертины? Но какъ могъ онъ любить ее, ея, которую не зналъ вовсе? Всѣ эти загадки, окружая Эйзенфельса въ глазахъ Иксуля какимъ-то непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности, утверждали болѣе и болѣе Иоганна въ его предположеніи на счетъ преступности Эйзенфельса. Такъ всегда, то, чего мы не знаемъ или не понимаемъ, кажется намъ важнѣе извѣстнаго и доступнаго.

Въ такихъ размышленіяхъ бродилъ Искуль взадъ и впередъ по мрачной темницѣ своей, какъ вдругъ дверь отворилась и въ ней показался тотъ самый человекъ, который принесъ ему, въ квартиру Шредера, *приказаніе* явиться въ Магистратъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Искуль.

— Пожалуйте за мною на верхъ, въ присутствіе Магистрата.

Искуль мгновенно взвѣсилъ въ умѣ своемъ, что лучше идти добровольно, нежели подвергнуться снова стыду быть связаннымъ, а потому и последовалъ молча за пришедшимъ занимъ.—

Всѣ члены Магистрата сидѣли по своимъ мѣстамъ и хранили торжественное молчаніе, когда Искуль вошелъ въ залу присутствія. Появленіе благороднаго рыцаря казалось не произвело

на нихъ никакого впечатлѣнія, хотя всѣ глаза были обращены на него. Онъ вошелъ гордо, поднявъ голову и бросая вокругъ себя презрительные взгляды. Дошедъ до середины залы, онъ остановился, сложилъ руки на груди, выставилъ правую ногу впередъ и ждалъ, но чего?—онъ самъ того не зналъ. Члены Магистрата хранили молчаніе и ни однимъ движеніемъ не подавали знака жизни. Эта безмолвная картина имѣла въ себѣ что-то величественное, поражающее. Не знаемъ долго ли бы продолжалось молчаніе, еслибъ Искуль, выйдя изъ терпѣнія не прервалъ его:

— За чѣмъ призвали меня? спросилъ онъ, нахмура брови.

Тогда старшій бургомистръ всталъ съ мѣста и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Рыцарь Искуль! ты обвиненъ въ

преступленія и призванъ въ судилище для того, чтобы дать отвѣтъ.

— Я не обязанъ давать отвѣта въ поведеніи моемъ Магистрату, отвѣчалъ Иксуль, я рыцарь и могу быть судимъ только рыцарями.

— Ты ошибаешься, возразилъ старшій бургомистръ, ты совершилъ преступленіе въ городской чертѣ, а потому и подлежишь суду и законамъ города.

— Я не признаю надъ собою власти законовъ города, съ гордосгію отвѣчалъ Иксуль, и презираю судъ вашъ, такъ какъ онъ того заслуживаетъ.

— Не прибавляй ругательства къ твоему преступленію, прервалъ его старшій бургомистръ, и выслушай спокойно обвиненіе, падшее на тебя. Тогда, если можешь, защищайся.

— Вы можете говорить, что вамъ угодно, возразилъ Иксуль, можете обви-

нять меня въ чемъ хотите, но я никогда не унижусь до того, чтобы оправдываться передъ собраніемъ людей такихъ какъ вы, въ чемъ бы то ни было.

Старшій бургомистръ, какъ бы не замѣчая словъ Иксуля, обратился къ одному изъ сидѣвшихъ близь него ратсгеровъ и сказалъ:

— Прошу васъ приступить къ чтенію записанной въ протоколъ жалобы на рыцаря фонъ Иксуля.

Тотъ, къ кому относилися сіи слова всталъ съ своего мѣста и началъ читать то, что извѣстно уже читателю. Во время всего чтенія, Иксуль стоялъ неподвижно и не вымолвилъ ни слова. Когда обвиненіе было дочтано до конца, то старшій бургомистръ спросилъ рыцаря, справедливо ли все въ чемъ его обвиняють, и не имѣетъ ли онъ сказать чего либо въ свое оправданіе?

— Я объявилъ уже вамъ, что считаю ниже своего достоинства входить въ какія бы то ни было объясненія съ Магистратомъ, отвѣчалъ Иксуль, но, чтобы доказать вамъ, что я смѣюсь надъ всѣми этими жалобами, объявляю вамъ, что все, читанное мнѣ, справедливо отъ слова до слова.

— Собственное сознаніе преступника, прервалъ Шредеръ.

— Преступника! закричалъ Иксуль, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ. Кто далъ тебѣ право, нечистая тварь, называть меня преступникомъ?

Шредеръ, не обращая вниманія на сіи слова, продолжалъ.

— Собственное признаніе преступника. . . .

— Замолчи негодяй! заревѣлъ Иксуль. И онъ хвагился правою рукою за лѣвой бокъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ

рукоять вѣрнаго меча своего, но могучая рука его, какъ бы пораженная внезапнымъ ударомъ, упала безжизненная внизъ. Рыцарь, въ оцѣпененіи гнѣва, заскрежеталъ зубами и произнесъ, едва внятнымъ, задыхающимся голосомъ:

— Изверги!

— Рыцарь Иксуль, замѣтилъ старшій бургомистръ, я долженъ напомнить вамъ, что вы обязаны почтеніемъ судилицу, передъ которымъ находитесь.

— Почтеніемъ! возразилъ Иксуль дрожа отъ гнѣва, почтеніемъ къ подлымъ бюргерамъ! Нѣтъ господа, напрасно будете вы требовать этого отъ меня, я презираю васъ отъ всей души.

— Господинъ Шредеръ, прошу васъ продолжать, сказалъ старшій бургомистръ, видя, что Иксуля не переспоришь.

— Я хотѣлъ сказать, что сознаніе ры-

царя фонъ Иксуля, возразилъ Шредеръ, замѣнивъ слово преступника фамиліей Юганна отъ страха повыхъ, грубостей со стороны рыцаря, достаточно и не требуетъ дальнѣйшихъ справокъ по этому дѣлу, оно ясно какъ день, и намъ остается только, по соображеніи съ законами, изложенными въ Любскомъ правѣ, назначить наказаніе.

За симъ послѣдовало всеобщее молчаніе, продолжавшееся минуты съ три. По истеченіи этого времени, старшій бургомистръ всталъ съ мѣста и сказалъ :

— Любское право, заключающее въ себѣ законы, коими руководствуется Ревельскій Магистратъ, опредѣляетъ за убійство смертную казнь. А какъ совершенная рыцаремъ Иксулемъ самовольная казнь слуги его Франца, повѣшеннаго въ чертѣ городской, есть ничто иное какъ убійство, то онъ и приговаривается

къ отсѣченію головы, рукою палача! Согласны ли съ этимъ рѣшеніемъ почтенные члены Магистрата?

— Согласны! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— И такъ, рыцарь фонъ Иксуль, вы слышали вашу приговоръ.

Иксуль поднялъ голову вверхъ, взглянулъ гордо на присутствовавшихъ и началъ такъ :

— Теперь вы кажется кончили вашу безумную комедію, господа бургомистры и ратсгеры. Пора и мнѣ высказать вамъ то, что я думаю. Я, благородный рыцарь фонъ Иксуль, владѣтель замка Ризенберга и принадлежащихъ къ нему земель, объявляю вамъ, что считаю приговоръ вашъ ничтожнымъ, не признаю надъ собою ни чьей власти, кромѣ Командора. Вы можете лишить меня жизни, мучить меня, но вы будете дѣйстви-

вать какъ разбойники, нападающіе на безоружнаго. Ваше поведеніе досель, въ отношеніи ко мнѣ, было низко, какъ то можно ожидать отъ людей, рожденныхъ въ грази. Мой голосъ не долетитъ до Вышгорода, вы это знаете, но еслибы со мною былъ мой мечъ, то моя голова не первая покатила бы на землю.

— Хвастовство здѣсь не у мѣста, замѣтилъ Шредеръ.

— Когда я дѣлаю честь бюргерамъ говорить съ ними, отвѣчалъ Иксуль, то ихъ дѣло слушать и молчать.

— Но...

— Дайте ему кончить, дайте ему кончить! раздалось нѣсколько голосовъ, вѣдь быть же головѣ его на плахѣ.

— Благодарю за позволеніе, отвѣчалъ Иксуль, сопровождая эти слова легкимъ наклоненіемъ головы и насмѣшливой, едва замѣтной, улыбкой. И такъ слушайте,

господа бургомистры и ратсгеры. Вы схватили меня измѣннически. Этотъ Шредеръ, который судитъ здѣсь вмѣстѣ съ вами, опозорилъ бы своимъ присугствіемъ всякое, нѣсколько порядочное общество; а вы терпите его между вами. Вы можете, такимъ же предательскимъ образомъ, сдѣлать со мною теперь, что хотите, но знайте, что вѣсть о смерти моей, дошедъ до Вышгорода, пробудитъ въ благородныхъ товарищахъ моихъ достойный гнѣвъ и вамъ придется дорого платить за кровь мою. Часъ мщенія наступитъ, и часъ этотъ будетъ ужасенъ для васъ.

— Что будетъ съ нами, о томъ просимъ не беспокоиться благороднаго рыцаря, замѣтилъ старшій бургомистръ, время уже позднее, не угодно ли вамъ удалиться, къ вамъ пришлютъ сей часъ священника: мы не лишаемъ никого по-

слѣдняго утѣшенія Религіи передъ смертію.

Сказавъ эти слова, бургомистръ далъ знакъ рукою двумъ прислужникамъ Магистрата, которые подошли къ Иксулю и собирались вывести его, но онъ оттолкнулъ ихъ мощною рукою и вышелъ изъ залы присутствія.

Когда онъ пришелъ въ свою темницу, то едва успѣлъ собрать мысли, какъ къ нему вошелъ пасторъ. Глоссенъ, извѣстный уже читателю изъ начала сего повѣствованія, тотъ самый пасторъ Глоссенъ, который вѣнчалъ Агнесу въ Николаевской церкви. Иксуль узналъ его въ ту же минуту и встрѣтилъ его словами:

— Какъ? и вы тоже противъ меня?

— Я пришелъ исполнить долгъ мой, спокойно отвѣчалъ пасторъ, мнѣ указали эту темницу, сказавъ, что въ ней находится преступникъ, котораго на утро

ожидаетъ смертная казнь. И я пришелъ сюда, въ надеждѣ привести васъ къ раскаінію въ грѣхахъ, въ надеждѣ влить вамъ въ душу утѣшеніе.

— Я увѣренъ, возразилъ Иксуль, что намѣренія ваши добры и чисты, вы служитель Божій, въ вашей душѣ не можетъ быть мѣста для лжи, и потому спрашиваю васъ, что думаете вы о моемъ положеніи? Неужели преднамѣренная Магистратомъ казнь совершится?

— Я не знаю объ этомъ ничего, отвѣчалъ пасторъ, не мое дѣло судить о земномъ правосудіи. Я знаю, что вы осуждены на казнь и слѣдственно должны приготовиться къ смерти.

— Но скажите, прервалъ Иксуль, по какому праву Магистратъ осмѣлился присудить меня?

— Повторяю вамъ, что незнаю ничего и не могу входить въ разбирательство

правъ чьихъ бы то ни было. Если Магистратъ присудилъ васъ, то вѣроятно считалъ себя въ правѣ это сдѣлать.

— Скажите, вѣсть о моемъ заточеніи разнеслась уже по городу?

— Не знаю. Я не слыхалъ доселѣ ничего; за мной пришли тому назадъ съ полчаса, я и явился.

— Вы не замѣтили ли можетъ быть шума на улицахъ, особеннаго движенія? Вы живете близъ Вышгородскихъ воротъ, не слыхали ли вы топота коней, бряцанія оружія?

— Нѣтъ, я ничего не слыхалъ; въ городѣ все тихо, всѣ покоятся сномъ, на улицахъ не видно никого и на Вышгородѣ кажется все спокойно. Но вы тревожитесь напрасно, не таковъ долженъ быть предсмертный часъ христіанина. Забудьте мірскую суету, обратитесь къ Богу, Ему выскажите душу свою, помо-

литесь. . . . Онъ милостивъ, проститъ вамъ прегрѣшенія ваши. . .

— Ахъ! добрый пасторъ! еслибъ вы знали, какъ трудно мнѣ подумать о смерти. Было время, когда я глядѣлъ ей въ глаза безъ страха, когда я съ радостію бросилъ бы жизнь. Но то было другое время, и смерть, предстоявшая мнѣ, была смерть честная, смерть рыцарская, смерть на полѣ сраженія, съ мечемъ въ рукахъ, сидя на конѣ. А теперь? теперь я не хотѣлъ бы даже смерти воина; мнѣ жизнь дорога, я не могу подумать о томъ, что надобно оторваться отъ нее.

— За чѣмъ привязываться такъ сильно къ благамъ земнымъ? возразилъ пасторъ, они преходящи. И что такое нѣсколько лѣтъ? Не все ли равно умереть десятию годами ранѣе или позже.

— О нѣтъ! совсѣмъ не все равно, черезъ десять лѣтъ я бы умеръ насладив-

пись уже моимъ счастиемъ... Я женихъ, пасторъ.

— Если такъ, то повѣрьте, что вамъ черезъ десять лѣтъ еще труднѣе было бы умереть. Ваше будущее счастье теперь еще не осуществилось, а вамъ такъ жаль оставить житейской пирь. Что же будетъ, если васъ привяжутъ къ жизни дѣти и жена, принадлежащая вамъ нѣсколько лѣтъ, принесшая можетъ быть столько жертвъ любви своей къ вамъ?

— Вы можете быть правы, пасторъ, но... но... любили ли вы сами когданибудь?

— Любилъ ли я? Вѣрьте мнѣ, рыцарь, что мое сердце испытало то, чего вашему не придется испытать никогда. Я лишился жены и троихъ дѣтей въ теченіи одной недѣли.

— И что же?

— Вы видите, я живъ, я не лишился разсудка. Я плакалъ,—и слезы мои были безропотны; я зналъ, что то была воля Божія. Повѣрьте мнѣ, самому гораздо легче умереть, нежели схоронить всѣхъ, къмъ наше сердце дорожить! Чгожь было слѣдствіемъ моихъ несчастій? Я сдѣлался лучше, нежели былъ прежде, я чувствовалъ себя въ союзъ съ Небомъ; чудная, непостижимая жизнь за гробомъ казалась мнѣ понятною; вѣчность началась уже для меня съ минуты смерти жены и дѣтей, потому, что часть моего собственнаго бытія улетѣла вмѣстѣ съ моими милыми. Любовь къ женѣ и дѣтямъ измѣнилась въ любовь къ ближнему и я живу, я перенесъ роковыя минуты. Такъ что же значитъ послѣ этого смерть?

— Бѣдный пасторъ! вы ужасно страдали, сказала Искуль на минуту за-

бывъ свое положеніе, увлекаясь несчастьемъ другаго; вы вѣрно и теперь еще не утѣшились, вамъ вѣрно страшно подумать о томъ несчастномъ времени.

— О, нѣтъ! не думайте этого рыцарь, минута разлуки и то, что чувствуешь тогда, такъ возвышенно, что невольно подумаешь тогда же и о минутѣ свиданія. Я плачу иногда и теперь, но то не слезы грусти, о нѣтъ, то слезы радости за моихъ безцѣнныхъ друзей, то слезы благодарности къ Богу, за то, что Онъ успокоилъ ихъ, не давъ имъ испытать на землѣ ничего кромѣ радостей.

— Вы непонятный человѣкъ пасторь!

— Напротивъ, я существо самое обыкновенное и то, что васъ удивляетъ во мнѣ есть вещь простая, къ которой всякой человѣкъ способенъ; не много твердой воли и много, много вѣры въ Бога и любви къ Нему. Взгляните на

жизнь съ той точки, съ которой я вамъ ее представляю и вы убѣдитесь, что смѣшно сокрушаться о томъ, что настало время проститься съ нею. Вы скажете о вашей невѣстѣ? Но развѣ вы не свидитесь съ нею? — Послушайте рыцарь! вѣрите ли вы въ Бога Всемогущаго?

— О! я вѣрю въ Него всею душою, съ жаромъ отвѣчалъ Искуль.

— Любите ли вы Его?

— Я преданъ Ему всѣми моими чувствами.

— А если такъ, то что устрашаетъ васъ?

— Растаніе съ моею Альбертиной и позорная, незаслуженная казнь.

— Если вы точно невинны, то казнь васъ опорочить не можетъ, одно преступленіе позоритъ человѣка, съ этой стороны вамъ стало бытъ нечего сокру-

шаться. Рано или поздно правда торжествуетъ всегда, придетъ время, и ваше имя, которое вы съ такимъ отвращеніемъ несете съ собою на плаху, будетъ оправдано отъ клеветъ и навѣтовъ, и ваша память будетъ чиста въ потомствѣ. А невѣста ваша? Вѣрте мнѣ рыцарь, свиданіе за гробомъ во сто разъ лучше столѣтней жизни на землѣ.

— Что же станется съ моей Альбертиной?

Развѣ она не имѣетъ никого, кто бы пекся объ ней?

— О, нѣтъ! она въ рукахъ благороднаго человѣка, заступающаго ей мѣсто отца, она призрачна. . .

— Такъ что же беспокоитъ васъ рыцарь?

— Я не о томъ думалъ, забота о участи Альбертины. Какъ перенесетъ она извѣстіе о моей позорной казни? . . .

— Такъ, какъ будетъ угодно Богу, отвѣчалъ пасторъ, поднявъ глаза къ небу, быть можетъ она вскорѣ послѣдуетъ за вами въ лучшую жизнь, быть можетъ также, что Господу угодно будетъ продлить дни ея, и если это случится то вѣрно жизнь ея нужна. Небесный Отецъ посылаетъ печаль, но Онъ же посылаетъ вмѣстѣ съ нею и утѣшеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу подумать о смерти, воскликнулъ Иксуль, спасите меня пасторъ!

— Что могу я сдѣлать для вашего спасенія, рыцарь, я не имѣю ни власти, ни вліянія; одно что я могу употребить въ вашу пользу,—это просьбы.

— Избави васъ Богъ отъ этого. Не унижайтесь просить бюргеровъ, они подумаютъ, что въ самомъ дѣлѣ имѣютъ право казнить и миловать. Впрочемъ, сверхъ того, просьбы ни къ чему не по-

ведутъ, они кажется слишкомъ озлоблены противъ меня, чтобы можно было надѣяться просьбами. . . .

— Если такъ, то какимъ же образомъ могу я вамъ быть полезенъ, рыцарь? я этого не понимаю.

— Вы можете пойти на Выпгородъ; сказалъ шопотомъ Иксуль, вы можете сказать самому Командору, что рыцарь Фопъ Иксуль сидитъ въ темницѣ Магистрата, и ожидаетъ казни отъ руки городского палача. При этой вѣсти они сядутъ на коней и высвободятъ меня изъ рукъ горожанъ.

Пасторъ слушалъ Иксуля со вниманіемъ, и когда тотъ кончилъ, онъ все продолжалъ хранить молчаніе, какъ бы размышляя о томъ, что слышалъ. Иксуль, принимая это молчаніе за согласіе со стороны Глоссена, схватилъ его за руку и съ восторгомъ сказалъ :

— Вы соглашаетесь! О, благородный спаситель мой.

— Напрасна ваша радость, рыцарь, отвѣчалъ пасторъ, глядя пристально на Иксуля, ваше желаніе не можетъ исполниться. . . .

— Вы не хотите? прервалъ Иксуль.

— Мое хотѣніе въ этомъ случаѣ не много поможетъ, продолжалъ пасторъ, я не могу выйти отсюда, мнѣ приказано оставаться при васъ до. . . Пасторъ не договорилъ.

— До казни хотѣли вы сказать, прервалъ Иксуль.

— Да, отвѣчалъ пасторъ.

— Но развѣ вы не можете, подь какимъ либо предлогомъ, оставить меня на полчаса или на часъ?

— За чѣмъ обманывать мнѣ васъ, за чѣмъ поселять въ васъ надежды несбыточныя. Развѣ вы можете думать, что если бы

я дѣйствительно ушелъ отъ васъ, за мною не стали бы слѣдовать; развѣ вы думаете, что то, что мы говорили здѣсь, неизвѣстно никому. Если вы такъ думаете, то горько ошибаетесь, будьте увѣрены, что насъ подслушиваетъ не одна пара ушей. — Послѣднія слова пасторъ произнесъ едва слышнымъ голосомъ.

— И такъ, нѣтъ надежды на спасеніе, нѣтъ ни какой надежды? спросилъ Иксуль, вперивъ умоляющій взоръ въ глаза пастора.

— Я не вижу ни какой, отвѣчалъ пасторъ. Потомъ, помолчавъ нѣсколько, онъ взялъ Иксуля за руку и съ участіемъ сказалъ ему:

— Рыцарь! мнѣ жаль васъ, мнѣ жаль видѣть въ васъ столько малодушія, въ васъ нѣтъ твердой вѣры.

Иксуль молчалъ.

— Покайтесь Богу въ грѣхахъ вашихъ

и смотрите на вашу земную жизнь какъ на прошедшее, не ласкайте себя лживыми надеждами, они будутъ только напрасно тревожить духъ вашъ, въ такую минуту когда вы должны призвать на помощь всю вашу бодрость, всю твердость вашихъ нравственныхъ силъ.

— Нѣтъ спасенія, нѣтъ спасенія! говорилъ про себя вполголоса Иксуль, и взоръ его блуждалъ безотчетно по сводамъ темницы.

— Помолитесь! молитесь вмѣстѣ со мною, продолжалъ пасторъ, держа за руку Иксуля. «Господи Вседержитель! посѣти благостію Твоею раба Твоего Иоганна, даруй ему оставленіе грѣховъ его, не откажи, кающейся душѣ его въ прощеніи, которое Ты ниспосылаешь грѣшникамъ, къ Тебѣ прибѣгающимъ съ теплою молитвою и съ твердымъ упованіемъ на Твое милосердіе. Укрѣпи его те-

перъ, просвѣти его свѣтомъ разума Твоего, пусть въ послѣдній часъ свой онъ взглянетъ нетрепетнымъ окомъ въ лице смерти, и пусть сердце его славословить Твою благодать: Ты бо крѣпость наша Господи, и въ Тебѣ все упованіе наше. Аминь.»

Во время этой краткой молитвы Иксуль сидѣлъ съ поникшею головою во змѣ пастора и изъ глазъ его лились обильныя слезы. Когда Глоссень кончилъ, Иксуль всталъ, обнявъ пастора и долго сжималъ благороднаго служителя алтарей, въ своихъ объятіяхъ. Потомъ онъ отеръ глаза рукою и сказалъ твердымъ голосомъ:

—Все кончено. Я готовъ умереть. Богу поручаю *ее*, Ему же предаю и свою судьбу; да будетъ Его святая воля.

—Аминь, произнесъ священникъ и въ свою очередь со слезами бросился на грудь Иоганна.

Эта сцена тронула бы всякаго. Долго, долго послѣ того, сидѣлъ пасторъ съ Иоганномъ. Иксуль поручалъ ему навѣстить Альбертину, сказать ей, что онъ думалъ объ ней и любилъ ее по прежнему.

Солнце уже давно сіяло на горизонтѣ когда въ темницу вошла городская стража и объявила Иксулю, что время казни настало. Иоганнъ просилъ одной милости, чтобы ему не завязывали рукъ. Глоссень присовокупилъ къ тому свои просьбы, такъ, что члены Магистрата, собравшіеся для присутствія при казни, согласились.

И вотъ, процессія двинулась въ ходъ.

новился у одного дома и постучался въ дверь. Ему отворила старуха Лена, зна-
комая уже нѣсколько читателю. Робертъ
вошелъ въ домъ, взобрался во второй
этажъ и принялся ходить взадъ и впе-
редъ по небольшой комнаткѣ, въ кото-
рую ввела его Лена. Больше часа ходилъ
онъ молча, погруженный въ глубокія
размышленія. Изрѣдка потиралъ онъ ру-
ки въ знакъ удовольствія и тогда фдкая
улыбка показывалась на губахъ его. Ле-
на, между тѣмъ, храпѣла въ углу. Эйзен-
фельсъ взялъ въ руки книгу и началъ
читать, но видно чтеніе не развлекало
его, потому что онъ бросилъ книгу въ
уголъ и, развалившись въ креслахъ, за-
крылъ лице руками. Прошло еще нѣ-
сколько времени. Уже было далеко за пол-
ночь. Эйзенфельсъ, или Робертъ взгля-
нулъ въ окно. На Востокъ румянилась
уже заря. Увидя это, онъ подошелъ

ХІ.

СТАРАЯ ЛЕНА.

Эйзенфельсъ или Робертъ, (читателю
извѣстно что это одно и то же лице) по-
слѣ отправленія Искуля въ Магистратъ,
побрелъ по узкимъ улицамъ города, въ
одну изъ отдаленныхъ частей его. Во-
шедъ въ небольшой переулокъ, онъ оста-

къ Ленѣ и, толкнувъ ее въ бокъ, сказалъ:

— Вставай, старая вѣдьма!

Лена вскочила на ноги.

— Что прикажете? сказала она.

— Къ которому часу будетъ у тебя готова лодка, для отправленія на Врангельсгольмъ.

— Вы приказали къ полудню.

— Это поздно, часами двумя ранѣе! пождутъ не бѣда, лишь бы ихъ не ждать.

— Хорошо я прикажу ...

— Смотри же Ленушка, сказалъ Робертъ, ласково трепля старуху по изсохшей щекѣ, приготовь все хорошенько, для пріема новой барыни.

— Все будетъ хорошо, отвѣчала Лена, кажется я никогда лицемъ въ грязь не ударяла.

— То-то смотри же, а барыня-то какая! чудо красавица!

— Да кто она такая? спросила Лена, бюргерская дочка какаянибудь?

— Какой бюргерская дочка! Она Фрейлейнъ; Фрейлейнъ Альбертина фонъ Шерцвальдъ.

Лена выпучила глаза и разинула ротъ.

— Что ты смотришь на меня старая?

— Какъ вы назвали барыню-то, спросила Лена.

— Фрейлейнъ Альбертина фонъ Шерцвальдъ.

— Роби! закричала Лена.

— Что съ тобой? спросилъ Робертъ.

— Роби! Роби! повторила Лена.

— Что ты кричишь колдунья?

— Что ты дѣлаешь Роби?

— Ну чтожь? говори.

— Она ... Она ...

— Да ну-же, договаривай чертовка.

— Она дочь твоя! вскрикнула Лена и едва могла удержаться на ногахъ.

— Дочь моя! закричалъ Робертъ какъ бы въ безуміи, Альбертина дочь моя?

— Да, отвѣчала Лена. И тутъ разсказала она, въ короткихъ словахъ Роберту, какъ, много лѣтъ тому назадъ, во время отсутствія его за границу, жена его родила и какъ она, Лена, по приказанію Шредера, отнесла ребенка, по смерти матери, умершей черезъ нѣсколько недѣль, въ Систертинскій монастырь. Какъ потомъ раскаяніе мучило ее и какъ она слѣдила за судьбою Альбертины и радовалась, что она такъ хорошо пристроена. До сихъ поръ она не смѣла говорить, боясь Шредера, но теперь. . .

— Теперь мнѣ все равно, пусть разорвутъ меня на части, сказала въ заключеніе Лена, я должна была сдать съ души, что знаю, а ты дѣлай какъ знаешь.

Положеніе Роберта услышавшаго эту новость невыразимо.

— Такъ вотъ причина сходства ее съ Амаліей! Теперь все понятно. А я, несчастный, преслѣдовалъ ее такъ жестоко, думалъ Робертъ, а я причина смерти того, кого она любитъ. Но нѣтъ, еще не все потеряно, я спасу его, спасу, во что бы то ни стало.

— Лена! вели сѣдлатъ коня моего, новое сѣдло, новую сбрую, рыцарскій гербъ! Скорѣе!

И Лена побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ пять минутъ, Робертъ, въ одеждѣ рыцаря Эйзенфельса, скакалъ на Вышгородъ, прищипывая коня своего изовсѣхъ силъ.—

XII.

РАЗВЯЗКА.

Я плахъ обречень. Последніе часы
 Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.

А. Пушкинъ.

Когда рыцарь Эйзенфельсъ прибылъ на Вышгородъ, то онъ засталъ уже тамъ благородныхъ рыцарей въ полной тревогѣ. Многіе изъ нихъ гарцовали уже на коняхъ своихъ по площади, другіе выѣзжали изъ домовъ. Эйзенфельсъ объяснилъ нѣкоторымъ изъ нихъ причину своего

прибытія. Онъ говорилъ, что честь рыцарства требуетъ спасенія Иксуля, что онъ слышалъ сей часъ, что Иксуль вскорѣ поведутъ на казнь, черезъ Кузнецкія ворота, и что тогда самая лучшая минута отбить его изъ рукъ горожанъ. Рыцари съ своей стороны сказали Эйзенфельсу, что то было уже ихъ намѣреніе и благодарили его за участіе, которое онъ принялъ въ ихъ дѣлѣ.

—Это наше общее дѣло, дѣло рыцарей всей земли, вступаться за честь товарищей нашихъ, примолвилъ Эйзенфельсъ. Вскорѣ рыцари собрались все на площади и выѣхали изъ Вышгородскихъ воротъ въ чистое поле. Мѣлкой рысью ѣхали они вокругъ города и, не доѣзжая Кузнецкихъ воротъ, остановились въ засадѣ, въ ожиданіи когда потянется процессія.

День былъ чудесный. Майское солнце только - что взошло и свѣжими лучами

своими золотило шлемы, копья, мечи и оплечья благородныхъ рыцарей. Эйзенфельсъ показывалъ ужасное нетерпѣніе.

— Не въѣхать ли намъ лучше въ городъ, чтобы не дать имъ и двинуться съ мѣста. Пойдемъ въ Магистратъ, взломимъ дверь темницы Иксуля и. . .

— Этому нельзя быть, прервалъ его одинъ изъ близъ стоящихъ рыцарей, мы обдумали дѣло и нашли, что лучше всего выждать за городомъ, потому что тогда успѣхъ вѣрнѣе.

Черезъ нѣсколько времени, человекъ, посланный рыцарями для наблюденія за ходомъ приготовленій, прибѣжалъ къ нимъ запыхавшись, говоря, что сей часъ вышло изъ города нѣсколько людей, которые пошли на приготовленное, близъ стѣнъ городскихъ, лобное мѣсто.

— Теперь время намъ подъѣхать къ воротамъ, сказалъ, Эйзенфельсъ.

Рыцари потихоньку начали выѣзжать изъ засады и, подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ, приближались къ воротамъ. На полѣ вдали показалось облако пыли; оно несло по направленію къ Вышгородскимъ воротамъ. Еще минута и можно было различить всадниковъ скакавшихъ во весь каррьеръ. Вдругъ они остановились на секунду и, повернувъ лошадей вправо, понеслись къ Кузнецкимъ воротамъ. Вотъ они приближаются. Это Густавъ съ людьми изъ Ризенберга. Рыцари стали въ боевой порядокъ. Все вниманіе ихъ обращено на ворота, которыхъ они однако не видятъ, скрываясь за стѣною, дабы появленіемъ своимъ не пробудить подозрѣнія. Густавъ примчался, сталъ вмѣстѣ съ рыцарями для наблюденія и объявилъ, что ворота запираютъ.

— Теперь нечего мѣпкать, сказалъ Эйзенфельсъ; надобно врваться въ го-

родъ, можетъ быть изъ города видѣли прибытіе Густава съ его людьми.

— Нечего мѣшкать! нечего мѣшкать! впередъ! раздалось въ рядахъ рыцарей и всѣ они двинулись къ Кузнецкимъ воротамъ. Ворота были заперты. Увидя это, Густавъ спѣшилъ своихъ людей и сильнѣмъ напоромъ хотѣлъ взломить ворота. Но они не уступали ихъ усиліямъ. Конюхи и слуги рыцарей присоединились къ нимъ и наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ворота затрещали и съ громомъ рухнулись.

Зрѣлище представившееся глазамъ рыцарей оцѣпенило ихъ.

Обезглавленное тѣло Искуля лежало на камняхъ подворотнаго свода.

Общій, невольный крикъ вырвался у присутствовавшихъ. Эйзенфельсъ бросился обнимать трупъ казненнаго.

Однако надобно было подумать о томъ,

что дѣлать? рыцари рѣшили, что прежде всего должно спасти отъ поруганія тѣло Искуля а потому и положили отвезти его на Вышгородъ.

— А тамъ мы отмстимъ за тебя, падшій товарищъ! произнесло нѣсколько голосовъ.

Эйзенфельсъ недвижно лежалъ на трунѣ.

Когда хотѣли поднимать тѣло Искуля, то прежде всего оттащили Эйзенфельса, что и было сдѣлано безъ малѣйшаго съ его стороны сопротивленія. Взглянули ему въ лицо. Глаза его закатились, ротъ былъ растворенъ, дыханія не было слышно. Онъ умеръ.

Тогда подняли оба трупа и бережно повезли ихъ на Вышгородъ.

Вѣсть о казни Искуля распространилась по Ревелю съ быстротою молніи, она въ одинъ мигъ проникла всюду.

Вечеромъ, того же дня, двѣ женщины
бросились съ Вышегородскаго обрыва
въ море.

То были Альбертина и Луиза.

Конецъ.